

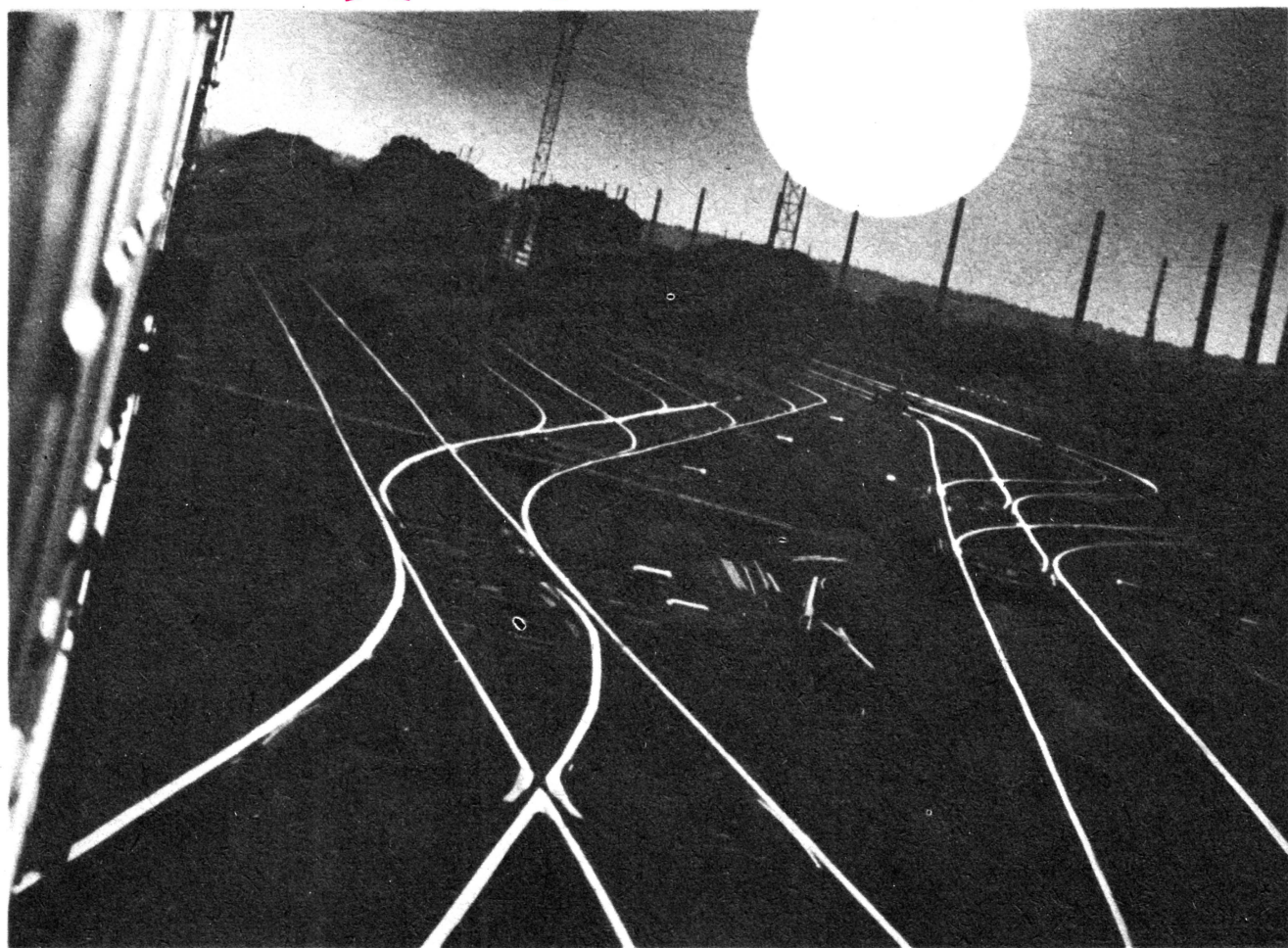
УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫМ-84

10 ОКТЯБРЬ

ДОРОГА В БУДУЩЕЕ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·84

Досрочно завершена сквозная укладка и стыковка звеньев БАМа — Байкало-Амурской магистрали. Построенная в основном молодыми, дорога ускорит освоение природных богатств огромного района, развитие народного хозяйства страны в целом. Бамовцы, молодые люди восьмидесятых годов, дали, как говорится, широкий фронт работ юношам и девушкам следующего поколения, третьего тысячелетия...

Уже теперь экономическая отдача от дороги становится все заметнее: вовлечены в хозяйственный оборот новые природные ресурсы — уголь, железная руда, медь, никель, цинк, олово. В ближайшее время получит развитие лесоперерабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, лесохимия. Благодаря БАМу открываются иные экономические горизонты, к примеру, Читинской области, где находится Удоканское медное месторождение. Разумеется, крепнущая экономика бамовского района ускорит, в свою очередь, и социальное развитие. Сейчас здесь живет почти миллион человек, а промышленная, хозяйственная территория зоны магистрали занимает полтора миллиона квадратных километров... Приток людей сюда будет расти. Страна щедро финансирует БАМ. Затраты на социально-бытовую инфраструктуру нового хозяйственного района Сибири превышают ассигнования на прокладку самой железной дороги.

И наконец, большая стройка велась с мощным научным обеспечением, наука стремилась предвидеть все последствия также и для экономики природы... И это делает нашу радость по поводу того, что дорога к океану — БАМ — есть, полнее: да, это дорога в будущее Сибири, да, это дорога в такую Сибирь будущего, в которой молодые люди не станут неразумно покорять реки и неосмотрительно бороться с вечной мерзлотой или тайгой, а будут управлять природой как дальновидные ее преобразователи!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 года

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:
Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 10 ОКТЯБРЬ

ОН ВЕЧНО МОЛОД...

**Аркадий
БУСЫГИН**

Фото из архива
Н. К. Прохорова

Два пожелтевших, вчетверо согнутых тетрадных листка, стершиеся до дыр на изгибах. Чернила выцвели...

«Москва, 6 сентября 1941 г.

Здравствуйте, Александра Васильевна, Рая, Миша, Веночка и Коля! Думаю, что Вы не все вместе живете, как когда-то, но, не зная адресов, решил я написать Вам всем вместе, так как в моем представлении Вы все те же, что были много лет назад. До сих пор Вы не догадались, кто Вам пишет? Это я, Ника или Никоша, как Вы меня называли во время моего детства. А мне уже сейчас почти 30 лет, на днях исполняется. Через несколько дней я иду на фронт Великой Отечественной войны, кто знает, увидимся ли

когда-нибудь еще? Поэтому решил я, вспоминая свой пройденный путь и раннюю юность, написать Вам и выразить свою сердечную признательность всей семье Прохоровых, которая сыграла решающую роль в моем воспитании в ранней юности.

Я убежден, что те хорошие зерна воспитания в детстве и юности, заложенные в меня в кругу Вашей семьи, сыграли в дальнейшей моей жизни решающую роль. За все это я Вам искренне благодарен. Это благодаря Вам из такого дикого мальчишки с самыми отсталыми нравами получился человек, которому не стыдно за себя перед нашей Великой Родиной.

Много событий произошло с тех пор в моей жизни. Есть что вспомнить, есть о чем рассказать, но подробно поговорим, если увидимся уже после победы над обнаглевшим врагом, который пытается осквернить нашу священную землю. Но не бывать этому. Все бандитские армии Гитлера найдут свою бесславную смерть на нашей земле, в этом мы все твердо уверены и готовы для выполнения этого отдать свои жизни. В последние три года я много повидал интересного и в результате этого еще больше полюбил нашу великую Отчизну. Правда — на нашей стороне, и мы победим.

Сейчас снова в Москве, работал в авиационной промышленности, а теперь зачислен в парашютно-десантные части РККА и в ближайшие дни отправляюсь на выполнение специального задания нашего Верховного командования. Сейчас идет усиленная подготовка. Самочувствие прекрасное, могу Вас заверить, что горько пожалуют фашистские изверги о том, что пришли они в нашу страну. Пощады давать не будем никому!

Больше писать о работе не буду. Вы сами понимаете, но могу заверить Вас, что каждая кочка, каждый куст далеко в тылу немцев будет стрелять по ним, земля загорится под ними.

Вчера я ехал в машине с летного поля и вдруг вижу на площади Пушкина идет Толя Логинов, в форме воентехника (с тремя кубиками). Очень сожалею, что я не остановился, но он меня ведь совсем не знает, или давно забыл. Привет всем друзьям.

Ваш Николай Кузнецов.

Н. И. Кузнецов.
Москва, сентябрь 1941 г.

До отправки еще напишу, а потом до окончания войны не будет возможности писать, Вы ведь понимаете, что такое воздушный десант.

Мой брат Виктор, 24-х лет, сейчас на фронте танкист, хороший получился парень, пишет, что бьют фашистов здорово. Сестра Лидя в Уфе, в военной прокуратуре секретарем, она замужем, а я все еще холост».

Это письмо Героя Советского Союза, легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова хранится в Свердловском краеведческом музее. Оно написано семье Прохоровых, которая жила в районном центре Талица Свердловской области на улице Большие Пески. У Михаила Константиновича, старшего сына Александры Васильевны, хранится конверт, в котором пришло письмо. На желтой, уже хрупкой от времени бумаге написано рукой Николая Кузнецова:

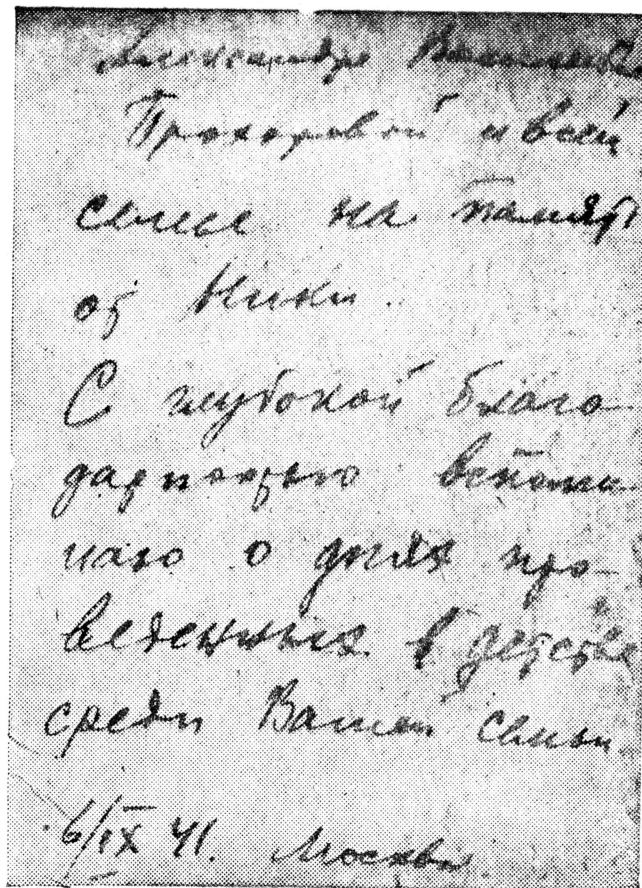
«Урал, ст. Поклевская, Талицкий завод (Свердловской области), улица Б. Пески, Прохоровой Александре Васильевне (или членам ее семьи)».

Вместе с письмом будущий разведчик прислал свою фотографию, на которой он в темном костюме, белой рубашке с галстуком. На обороте надпись: «Александра Васильевне Прохоровой и всей семье на память от Ники. С глубокой благодарностью вспоминаю о днях, проведенных в детстве среди Вашей семьи. 6.IX.41 г. Москва».

Дом Прохоровых стоял последним в улице, на краю поселка, а поблизости от него была единственная на весь район больница. Крестьяне, приезжавшие в больницу из окрестных деревень, часто обращались к ним за водой, иногда просили бутылочку под лекарство. Так и познакомились родители Николая Кузнецова с Александрой Васильевной. О доброй и отзывчивой женщине вспомнили они, когда решили продолжить обучение сына. К 1924 году Николай закончил трехлетку в родной деревне Зырянке и еще два класса в соседнем селе Балаир. Он проявил заметные способности, на лету схватывал новый материал, знал наизусть много стихотворений.

Кто такие Прохоровы, которым через 17 лет Николай Иванович Кузнецов напишет: «Я убежден, что те хорошие зерна воспитания в детстве и юности, заложенные в меня в кругу Вашей семьи, сыграли в дальнейшей моей жизни решающую роль», а годом позднее, в тылу врага, в разговоре с командиром партизанского отряда Д. Медведевым скажет: «Тем, что мне удалось доучиться, я во многом обязан семье Прохоровых. Эти чудесные люди много сделали для моего воспитания, я до сих пор благодарен им».

Константин Иванович Прохоров был потомственным рабочим. Как все в его роду, с детства стоял у кузнечного молота — трудился в ремонтных мастерских на станции Поклевская (ныне — Талица). В первую мировую войну его мобилизо-

Автограф Н. Кузнецова на фото, присланном семье Прохоровых

вали в трудовую армию и отправили на завод в Верхнюю Туру. Там он сблизился с революционерами, встретил Октябрьскую революцию, стал членом РСДРП. В 1918 году, когда началась гражданская война на Урале, он почти не выходил с завода. Напряженная работа, переутомление подорвали силы. Константин Иванович тяжело заболел, вернулся в Талицу, где и умер в 1919-м. Его жена — Александра Васильевна осталась с четырьмя детьми: Михаилом, Николаем, Вениамином и Раей.

Дети помогали Александре Васильевне вести домашнее хозяйство, росли добрыми, отзывчивыми. Старший — Михаил и средний — Николай стали комсомольцами, атеистами, участвовали в школьной общественной работе, занимались спортом. Все дети Прохоровых закончили Талицкий лесотехнический техникум.

Трудно жилось семье без кормильца, но Александра Васильевна охотно приняла Никошу Кузнецова, относилась к нему как к сыну. Как к брату относились к нему четверо ее детей. Мальчишки занимали маленькую комнатку с двумя кроватями и маленьким столиком, спали по двое: Николай с Никошей, Михаил с Вениамином.

Выпускники Талицкой школы-семилетки. Июнь 1926 г. Н. Кузнецов в третьем ряду (первый слева); Н. Прохоров во втором ряду (первый слева)

Здесь, в Талице, Никоша впервые увидел трактор, услышал радио, встретил верных друзей, надел красный галстук, стал атеистом, занимался с неграмотными. Но это все чуть позднее, а в первый день...

«И вот к нам в рабочую семью пришел отрок с чисто крестьянским укладом, крестьянской психологией. Ложимся спать, а Никоша — крестит подушку. Мы на это реагировали задорным смехом и резкими выпадами в его адрес. Критика сверстников — самая действенная критика. Вскоре Никоша снял крестик и перестал на сон грядущий крестить подушку,— вспоминает Николай Прохоров.— В школе я и Никоша сидели на первой парте. Он учился отлично. Его отличали быстрота реагирования, живость и смелость ответов. Например, на уроке словесности прочитали рассказ Чехова, Горького или Короленко. Учитель спрашивает, кто хочет своими словами пересказать прочитанное. Обычно в таких случаях наступает пауза. Каждый обдумывает и не решается поднять руку. Никоша сразу же поднимает руку, смело встает, четко, энергично и полно передает содержание рассказа.

Никоша был прирожденный лингвист. Когда в школе стали преподавать немецкий язык, он очень быстро усвоил его и охотно оставался на дополнительные занятия. Стремился запомнить произношение слов и правила их правописания. Позднее Николай Иванович Кузнецов сумел на-

столько овладеть немецким языком, что в военное время ни один немец не усомнился, что разговаривает с соотечественником.

Мы все тогда ходили в школьный кружок эсперантистов, хотели овладеть международным языком победившего пролетариата. А Никоша изобрел свой собственный тарабарский язык — устный и письменный. Суть его заключалась в том, что отдельные буквы слов заменялись другими, и в результате имя Мила произносилось как Лира, Коля как Томя. Мы им пользовались на удивление окружающих.

Многим ребятам, учившимся вместе в школе и техникуме, Николай Кузнецов запомнился дружелюбным, хорошим товарищем. Вот что вспоминает Л. М. Остроумов:

«В 1928 году мы, студенты техникума, были в летних военных лагерях. Военрук Петр Панов дал мне задание привезти свежей травы. Лошадь я запряг быстро, но загоревал, потому что не умел косить. Подошел Никоша.

— Что загрузил? Куда едешь?

Я рассказал.

— Подожди меня,— сказал он и убежал.

— Все в порядке! Едем,— сказал он через несколько минут, вскакивая на телегу.— Панов разрешил.

Косил он хорошо, азартно. Я только успевал таскать скошенную траву на телегу».

Николай Кузнецов, студент лесотехнического

техникума, увидел книгу Э. Войнич «Овод». Припал к ней и не оторвался, пока не перелистнул последнюю страницу. За лето читал четыре раза. Товарищи удивлялись: «Зачем читать одну книгу четыре раза?» — «Что вы! — отвечал он. — Это же замечательная книга. А какие люди! Особенно Артур».

...Весной 1943 года советскому командованию стали поступать сообщения о том, что противник готовится взять реванш в районе Курской дуги. В одном из них — короткой радиограмме из спецотряда Медведева — говорилось, что рейхскомиссар Украины, гаулейтер Восточной Пруссии Эрик Кох информировал узкий круг лиц о том, что Гитлер «готовит большевикам сюрприз» под Курском с широким применением новых танков «тигр» и «пантера».

...Советской разведкой было установлено точное местонахождение полевой ставки Гитлера «Вервольф» под Винницей.

...Сообщение о том, что один опытный фашистский разведчик собирается со спецзаданием в Иран, помогло избежать покушения на глав правительств во время Тегеранской конференции.

Все эти ценнейшие сведения добыл Николай Иванович Кузнецов.

18 декабря сорок третьего года в «Правде» была напечатана корреспонденция со ссылкой на шведские газеты. В ней сообщалось о том, что в своем служебном кабинете застрелен генерал СС

Альфред Функ. Сейчас мы знаем, что справедливый акт возмездия совершил Николай Иванович Кузнецов. Имперский советник доктор Ганс Гель и его референт Винтер, заместитель рейхскомиссара генерал Пауль Даргель, генерал Ильген, вице-губернатор Галиции доктор Бауэр — все эти фашистские главари были уничтожены от лица народа рукой Николая Ивановича Кузнецова.

26 декабря 1943 года Н. И. Кузнецов был награжден орденом Ленина.

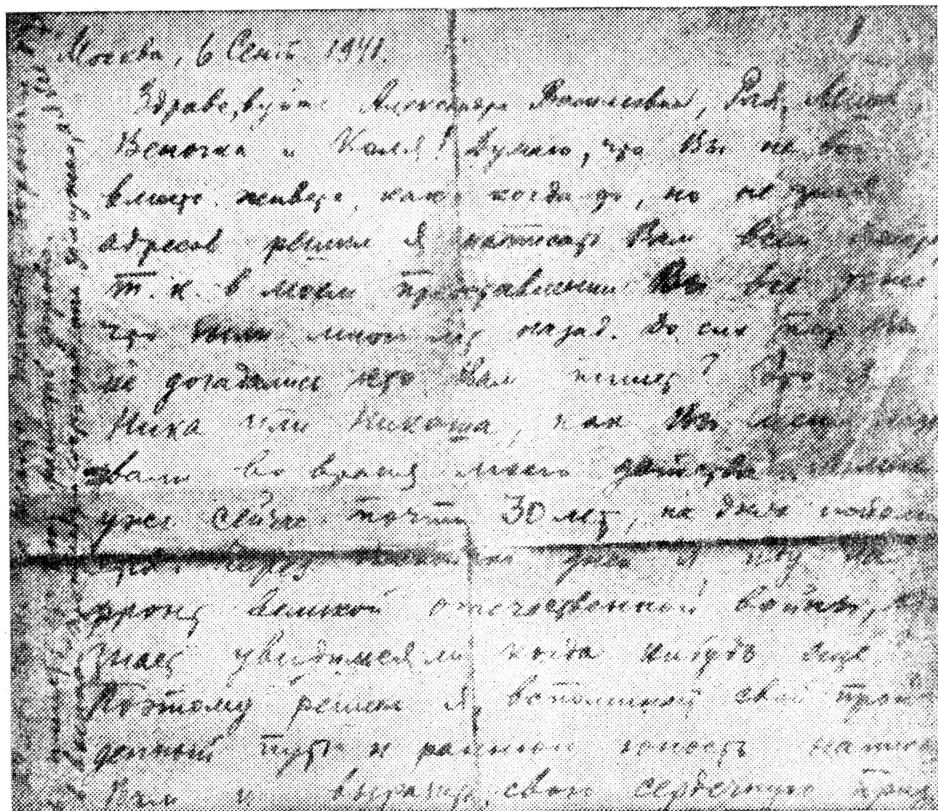
Он погиб в ночь с 8 на 9 марта 1944 года в селе Боратин Бродского района Львовской области.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных заданий в тылу врага ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Когда вспоминаю Никошу, — говорит Николай Константинович Прохоров, — он стоит передо мной, как живой, на сцене клуба техникума — стройный, весь устремленный вперед — и читает стихи:

Я вечно юн и вечно молод,
Мне суждено быть молодым.
Ведь на груди моей приколот
Железный знак несменный КИМ...

В памяти своих друзей Николай Иванович Кузнецов остается молодым.

Автограф письма
Н. И. Кузнецова
семье Прохоровых

ГДЕ СИНИЙ ГОРИЗОНТ...

**Давид
ЛИВШИЦ**

Есть много радости у века,
Но, суетою отболев,
Люблю быть просто человеком
На этой ласковой земле.
Ходить, дышать, глядеть на небо,
Класть кирпичи, поля пахать,
Вдыхать пшеничный запах хлеба
И полной грудью выдыхать!
Коснуться пальцами рассвета,
И там, где на траве роса,
Подкараулить первым лето
И заглянуть ему в глаза.
Всю жизнь живешь по тесным залам
И вдруг махнешь на весь резон
И налегке уйдешь по шпалам
Туда, где синий горизонт...

У братской могилы на Широкой речке

Война была давно когда-то.
Уже в тумане те года...
Спят вечным сном в земле солдаты
И не проснутся никогда.
Их не разбудят наши речи,
Оркестров молодая прить...
Но все равно:

здесь павших вече, —
Не надо громко говорить.
На том кровавом перевале,
Где не схитрить и не смолчать,
Они... они свое сказали,
И нам сильнее не сказать.

Витражи

В старом доме витражи,
Как в пустынях миражи,
И, привстав на маршах лестниц,
Загляделись этажи.
Что им видится? Весны
Фантастические сны?
Вербы желтая сережка,
Мачта звонкая сосны?
Это стынет не узор,
Это синий неба зонт,
Это парус над водою,
Бирюзовый горизонт.
Сквозь ажурный переплет
Абазурный флот плывет,

Половицы под ногами —
Просмоленный старый плот.
Нам не зря горит заря,
Нас не зря зовут моря, —
Говорят, сама Надежда
Там бросает якоря...
Озари меня причастьем
И мечтою объяжи,
Обозначенное счастье,
Напридуманная жизнь...
В старом доме витражи,
Как в пустынях миражи,
И, привстав на маршах лестниц,
Загляделись этажи...

Следопытская песня

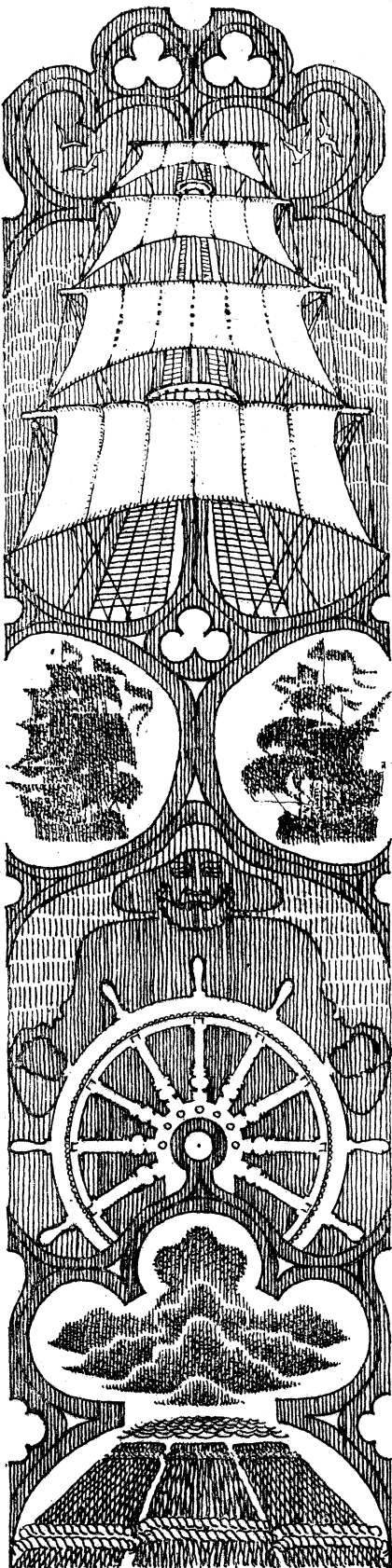
В. Крапивину

Куда мне пойти?
Про что мне узнать?
Кому бы
заветное слово
сказать?

Не знаю.
Не знаю.
А этот мальчишка знает.
Какую сегодня
мне песню вам спеть?
А завтра
кому мне на помощь
поспеть?

Не знаю.
Не знаю.
А этот мальчишка знает.
Как клад отыскать мне,
что в поле зарыт?
Как вспомнить про тех мне,
кто всеми забыт?

Не знаю.
Не знаю.
А этот мальчишка знает.
Он знает,
как мужеству нас научить,
Он знает, как злые обиды лечить,
Чем держится ночь,
когда кончился день,
И что одолеет трава одолень.
Он знает про все и умеет он все,
Волшебник, весь мир ему
в новость.
Он сам направляет судьбы колесо,
Он наша надежда и совесть.
Гуляет по белому свету крепыш,
И чист, и бесстрашно наивен,
Он Маленький Принц,
он Мальчиш-Кибальчиш,
Он Павка, он Славка Крапивин.

Стремятся удачи ему угодить.
И все ему — единоверцы,
И весело бьется

в отважной груди
Его следопытское сердце.
Мальчишка — не ты,

и не я, и не он,
Но возраст — всего лишь обложка.
Мой друг!

Он твоею судьбой наделен
И, может, моею — немножко.
Спроси, кто не видел его

и в глаза,
А был ли он, мальчик, под небом?
На это, товарищи,

взять и сказать
Никто не посмеет, что не был.
Ах, дней моих праздничных

горький настой!
Поведай, о рыцарь мой белый:
Что делать мне в жизни

такой непростой,
И что в ней
не надо мне делать?

...Куда мне пойти?
Про что мне узнать?
Кому бы
заветное

слово сказать?
Не знаю, не знаю,
А этот мальчишка знает.

Плачут вещи

Капля, как слеза,
ползет по стеклу машины.
Вещи тоже умеют плакать.
Оттого, что дождь.
Оттого, что любят их

только за удобство.
Оттого, что делают их похожими
друг на друга,
Как капли воды, как капли воды,
которыми плачут машины,
когда идет дождь.

Я потерял былую ловкость,
Былую гибкость потерял,
И вместе с ней утратил ковкость,
Как переживший срок металл.
И молотом неосторожным
(Не надо даже шибко бить)
Меня сломать, конечно, можно...
А вот в узор уже не свить!

БАЛЛАДЫ

О матери

Как быстро примирилась,
Что он уже не твой,
Парнишка этот крепкий
В пилотке со звездой.

Он даже той девчонке,
Что к станции бежит,
Как и родной сторонке,
Не принадлежит.

Хотела бы погладить,
Да чувствуешь — нельзя,
Не ты — в шинелях дяди
Теперь его друзья.

Принадлежит мальчишка
На время — старшине,
На долгий путь — теплушке
И навсегда — войне.

Принадлежит атаке
На тот последний дзот,
Где, вздрогнув, танков траки
Замрут, и мир придет.

Там,
Где-то у Потсдама,
Ломая синеву,
Он, охнув, скажет: «Мама...»
И рухнет на траву.

Взойдет трава забвенья,
Сомкнут живые строй.
И с этого мгновенья
Он
снова
станет твой.

О рыцарской любви

Я все бы на свете любимой отдал,
Взамен не желая награды.
— Возьми мою жизнь! —
я красотке сказал,
Красотка сказала: — Не надо.
Не мешкая дня, я вскочил на коня,
Ждала меня бранная слава.
И все,
что прославило в битвах меня,—
Я отдал любимой по праву.

Потом я о подвигах песни сложил,
И пели их все в поднебесьи,
К любимым ногам

я те песни сложил,
Но ей ни к чему были песни.
Так что ж тебе надо,
свидетель-луна?

Что жаждет глухое сердечко?
— Колечко хочу я,— сказала она.
И вновь подтвердила:
— Колечко!

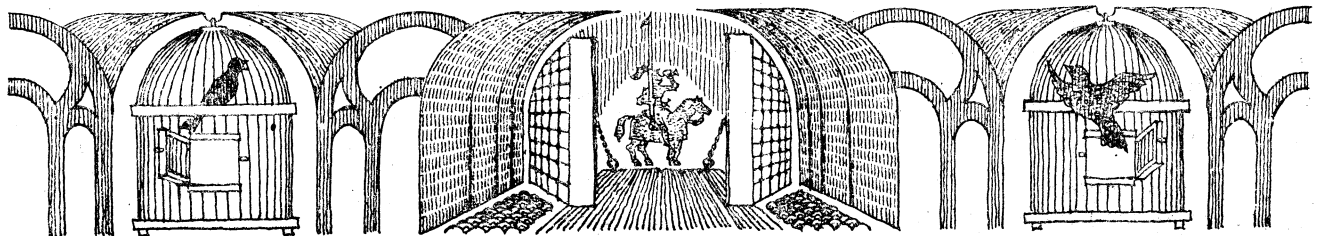
Его я на пальчик себе нанижу,
А после подружкам своим покажу,—
Увидишь, как сразу в округе
От зависти лопнут подруги.

...Быть может,
все это легенда, друзья,
А может быть, все это было.
Но где-то читал я, печаль затая,
Как рыцаря дева любила.

О чудаках

Я слышал был про чудака.
Ходил чудака на птичий рынок,
Вступая в странный поединок
С тузами птичьего лотка.
Он, говорят, купал там птиц
И тут же, отойдя в сторонку,
Их выпускал, смеясь в догонку
Из-под прищуренных ресниц.
Над ним смеялись, но не зло
И старики, и малолетки,
А он, сломав пустые клетки,
Прочь уходил без лишних слов.
Такая была про чудака!
Поддавшись лубочной картинке,
И я купил двух птиц на рынке,
Чтоб запустить их в облака.
Я изгонял щегла из клетки,
Но улетать он не хотел,
Сидел на высушенной ветке,
Клевал пшено и песню пел.
И рядышком — другая птаха,
Ни ожидания, ни взмаха,
Хоть я шептал ей про природу,
Про вольный лет под небосводом.
Смеялись рыночки тузы.
Пшено кидали на весы...
Чего-то, братцы, тут не так!
А, может, я — не тот чудака?

Рисунки
В. Меринова

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

**Феликс
СУЗИН**

Рисунки
О. Шапкина

Первый раз они поцеловались в день Победы. С вошедших в Неву эсминцев били в белесое небо зенитки, нервно татакали эрликоны, белая ночь колыхалась, рассекаемая слепящим пунктиром трассирующих снарядов. Мотались по Дворцовой площади лучи прожекторов, выхватывая кричащие рты, залитые слезами лица, подбрасываемого кверху, сверкающего орденами и медалями флотского старшину.

Слитая воедино толпа вопила, пульсировала, и под аркой Генштаба Нину и Сережку так прижало друг к другу, что губы их невольно оказались в опасной близости.

С этого момента потянулись восхитительные минуты свиданий, разделенные короткими часами скучных повседневных дел. Удивительное, прекрасное имя «Нина» звучало в грохоте трамвая, шорохе дождя, шелесте подошв; стоило прислушаться, и становился слышен стук сердца: «Нина, Ни-на».

Напрасно директор школы, распаяя себя, взывал к совести и чувству долга, напрасно сердилась и плакала мама. Конечно, они говорили

правильные и нужные слова о пропущенных уроках, о близящихся экзаменах, но Сережа не воспринимал эти слова, словно директор и мама были в другом измерении; реальными были лишь часы, оставшиеся до встречи с Ней, все остальное не существовало. И поэтому каждая репетиция драмкружка — они готовили «Романтиков» Ростана — превращалась в праздник.

И вдруг все заколебалось. В драмкружке появился новенький, Костя Рязанов, худошавый черноволосый красавец с профилем утомленного индейца. Девчонки остолбенели и к следующему занятию все срочно сделали завивку под Целиковскую. Нина, естественно, не обратила на новичка никакого внимания, и Сережа впервые ощутил радость собственника.

Однако вскоре как-то так получилось, что Нину они стали провозить вдвоем. Сережка всю дорогу пытался шутить, шутки получались тяжелыми и глупыми, он понимал, что проигрывает рядом с солидно потягивающим дорожную папиросу Костей, но курить было противно.

Надо было что-то делать, надо было в конце

концов выложить ей все, чтобы она поняла, какие высокие страсти кипят в его сердце. Он не какой-нибудь хлыщ вроде этого Рязанова, в котором, кроме смазливой физиономии и умения пускать дым колечками — он был уверен в этом, — ничего нет. О, она еще пожалеет, когда в бравом молодом адмирале узнает Сережку! И пьесу он напишет, и сценарий для кино. Но как сказать ей об этом? Где найти слова, которые дошли бы до ее сердца?.. В те редкие минуты, когда они — теперь, увы, случайно — остаются вдвоем, язык деревенеет.

Начались экзамены. Надо было как-то перевалить в девятый класс. И сердечные переживания временно отошли на второй план. Потом начались каникулы, Сережку послали вожатым в пионерлагерь на Карельском перешейке, и еще по дороге у него родилась мысль: написать письмо. Большое, грустное и одновременно пылкое, полное горьких раздумий письмо, такое, чтобы Нина поняла, кого может потерять.

С трех сторон к Финскому заливу подступал лес. Столетние сосны теснили десяток крепких бревенчатых домов с мезонинами, большими окнами, украшенными затейливой резьбой наличниками. Сквозь серую губку мха и редкую зелень брусничника там и сям выпирали гранитные ребра. В стеклянную гладь залива далеко убежали хлипкие настилы пирсов, возле них редкими спичками торчали мачты затопленных яхт, а чуть поодаль из воды дыбилась корма подорвавшейся самоходной баржи. За пирсами, у горизонта, там, где темная зубчатая полоса леса сливалась с тонкой, едва уловимой чертой, отделяющей блекло-сиреневое небо от серо-голубой воды, виднелись крошечные домики погранзаставы. Сережка стоял впереди своего отряда, то и дело оглядываясь. С импровизированной трибуны уже второй час грозила всяческими карами за несоблюдение многочисленных правил начальник лагеря — мужеподобная дама в габардиновой, перетянутой офицерским ремнем гимнастерке, а утомленные дорогой, проголодавшиеся мальчишки буквально засыпали стоя. И он чувствовал их голод и их усталость, он волновался и тревожился за них. Тридцать пять младших братьев переступали с ноги на ногу за его спиной, он еще не знал, как зовут каждого, но уже был за них в ответе. Вот двое во втором ряду незаметно обмениваются тумаками. Кто они? Перенесли блокаду или вернулись из эвакуации? Закоренелые драчуны или просто перевозбуждены?

Начальницу сменил ладный капитан в фуражке с зеленым околышем.

— Будем знакомиться, ребята. Я — Ковалев, начальник заставы. А вы теперь — наши соседи. Разговор у нас будет серьезный, взрослый...

Сами понимаете, война только-только кончилась, кругом разруха, а все-таки вы, дети, на первом плане в нашем государстве. Вот вам ла-

герь — отдыхайте, купайтесь, набирайтесь сил. Но места здесь еще тревожные. Саперная рота трудилась две недели, вроде мины все извлечены, но, чем черт не шутит, кое-что могло и остаться. Потом — граница рядом, недобитые всякие бродят, шюцкору бывшие иногда заглядывают. Поэтому за зону лагеря не выходить! В лес без вожатого не соваться! Всякие экскурсии согласовывать с дежурным по заставе... Знаю я вас, пацанов: обязательно надо лазить куда не положено. И указатели вас не удержат, и колючка. Всем вам кажется, что там, за проволокой, медом намазано. А там найти можно только одно — смерть. Не вам, детям Ленинграда, объяснять, что это такое... При чем смерть может таиться в красивой оболочке. Зона вокруг лагеря, конечно, проверена, но может оказаться, что где-нибудь в укромном уголке вы вдруг наткнетесь на определенно привлекательный предмет — финку, часы, куклу, плитку шоколада или даже пистолет. Ни в коем случае не трогать! Это может быть мина-сюрприз. О такой находке вы обязаны сразу же сообщить вожатому. Понятно? А вообще места здесь чудесные. Купайтесь, набирайтесь сил. Рыболовы, учтите: возле затопленной баржи отлично клюет окунь...

Сережка оглянулся, мальчишки в строю перестали клевать носами и, оживленно перешептываясь, подталкивали друг друга. Речь начальника заставы определенно произвела на них сильное впечатление, но, кажется, совсем не то, на какое он рассчитывал.

Поужинав, ребята быстро уснули. Тридцать пять носов сопели в унисон. Бились в закрытые окна комариные полчища. То почти гасла, то наливалась оранжевым соком одинокая лампочка под потолком — движок на заставе плохо справлялся с возросшей нагрузкой.

Сережке тоже очень хотелось спать, но данное себе слово надо держать — настоящий мужчина всегда исполняет задуманное. Он привычно погладил ладонью свою полевую сумку — настоящую офицерскую сумку из толстой седельной кожи, с медной застежкой. Ни у кого в классе такой не было. Достал начатое письмо, трофейную авто ручку пронзительно зеленого цвета. Почистил перо. Простые, идущие к сердцу слова уже были сказаны раньше: «Я к вам пишу...», а свои никак не складывались в фразу, равную по звучанию. Нельзя было сказать «я люблю тебя», это было в его понятии равноценно торжественному «будьте моей женой». А что можно сказать?..

Всю следующую неделю было не до лирических размышлений. Тридцать раз на дню Сережка проклинал ту минуту, когда согласился стать пионервожатым. Очень трудно было понять доверенных ему ребяташек. Еще труднее повести их за собой, не подавляя индивидуальности и не лишая свободы, столь необходимой в их возрасте.

Наконец, в «мертвый час», когда мальчишки

спали — «всем повернуться на правый бочок, руки поверх одеяла», — чувство долга пересилило страх перед белым листком. Сережка постарался мысленно представить Нинино лицо и достал из сумки заветную тетрадь.

Традиционное начало: «Здравствуй, дорогая Нина!» — после недолгого раздумья пришлось отвергнуть. Почему «дорогая»? Отдает некоторой зависимостью. Она еще подумает, что он никак не может забыть поцелуев возле ее дома. Конечно, он их не забыл и никогда не забудет, но зачем намекать? Между тем сухое «Здравствуй, Нина» — тоже не годилось.

Надо было подумать.

В этот момент где-то рядом раздался дробный грохот, словно великан с железной палкой в руке пробежал вдоль садовой решетки. Разлетелось оконное стекло. Стая сверкающих разъяренных шмелей, визжа, пронеслась через комнату, и от противоположной стены полетели щепки. С кровати, стоявшей у этой стены, кубарем скатился рыжий Алька и завопил диким голосом. И сразу весь дом взорвался плачем и криками.

«Пулемет! Бандиты!» — вихрем пронеслось в Сережкиной голове. Не сознавая своих действий, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, движимый только инстинктом самосохранения, он выскочил в коридор и упал, столкнувшись с выбежавшей из своей комнатки вожатой младших девочек Анечкой Крошкой. Крошка — такая у нее была фамилия и прозвище тоже, и очень ей подходило, потому что и ростом и обликом она мало отличалась от своих подопечных, а когда наряжалась в плиссированную юбочку, красные туфельки с носочками да повязывала бантики в косичках, вообще могла сойти за старшую их подружку.

— Ты куда?! — закричала она. — Не выпускай их на улицу! Там опасно! На пол всех! За печь! За печь!

Ей и в голову не пришло, что Сережка мог хоть на миг забыть о своих мальчишках. Он понял это и сморщился, как от сильнейшей боли. Никогда ему не было так стыдно и горько, и особенно потому, что Анечка была так уверена в его высоких человеческих качествах.

Он ринулся обратно в комнату и, заставляя себя не сгибаться, побежал вдоль кроватей, выстроенных рядами.

— Не бойтесь, ребята, не бойтесь! — стараясь придать своему голосу бодрость, приговаривал он. — Это пограничники проводят учения... Давайте и мы проведем учение. Всем лечь на пол и ползком за печь...

Ребята сгрудились вокруг него — тихие, напуганные, дрожащие; за последние четыре года они хорошо узнали, что несет за собой каждый выстрел. Загибая пальцы, Сережка пересчитал мальчишек. Двоих не хватало: Кокушева и Чернявского.

Выстрелы не повторялись. Послышались удары в рельс — общий сбор!

Когда отряд занял свое место на плацу, Кокушев и Чернявский стояли в общем строю как ни в чем не бывало. Только Санька Чернявский то и дело тер ладони, стряхивал с них нечто невидимое, а у Кокушева футболка на плече была выпачкана черным. «Заводила, конечно, Кокушев, — решил Сережка. — Он лиговский, а лиговские все блатные».

Против обыкновения, щедро пекло солнце. Тек пот по ребячьим спинам, но никто не болтал, не шевелился: понимали — дело не шуточное. А время шло и шло. И расхаживала взад-вперед, заложив руки за спину, начальница в шикарной своей, жаркой гимнастерке, молчала, курила одну за другой толстые папиросы «Пушка».

Но вот раздался гул мотора. На площадку влетел «виллис», лихо развернулся, и на землю соскочил начальник заставы. Постоял, подумал и пошел вдоль строя, крепко вминая каблуки начищенных до блеска сапог в хрусткий песок.

— Ну, орлы, кто тут войну устроил? Мы уж заставу в ружье подняли, решили, банда с той стороны прорвалась... Так что кто отличился — шаг вперед!

Никто не шевельнулся в строю, никто не вздохнул, слышно было, как шипит, пропадая в песке, ленивая мелкая волна.

— Эх вы, храбрецы! Напакостили — и в кусты. Не-ет, братцы, умеешь шкодить — умей и ответ держать. Последний раз предлагаю: кто стрелял — вперед, и с белым флагом! Полвины долой! Значит, нет сознательных? Напрасно. Потому что мы, пограничники, все насквозь видим.

Он еще раз прошел вдоль строя и остановился перед Сережкиным отрядом.

— Ну-ка ты, — палец усталился в Кокушева, — два шага вперед!

Кокушев, опустив голову, сделал два крохотных шажка и, отделившись от всех, сразу сделался жалким и одиноким.

— Выверни карманы!

Возле облезших сандалий с вырезанными для больших пальцев дырками выросли две горки патронов с красными и желтыми головками.

— Трассирующие и зажигательные для немецкого крупнокалиберного. — Начальник заставы потянул носом воздух. — И смазкой пулеметной пахнешь, вон на плече след остался. Где пулемет? Выкладывай!

Вдруг, расталкивая ребят, из рядов выскочил шуплый, как мышонок, Сенька Чернявский и встал рядом с Кокушевым. По щекам его текли слезы.

— Это не он! Это я! Я нашел пулемет и уговорил его... Мы не думали, что так получится... Мы не хотели... Я только чуть-чуть нажал...

— Что нажал?!

— Ну, то... которое стреляет...— Сенька боялся вытирать слезы, и они капали прямо на песок.— Не отправляйте нас домой, пожалуйста. Начальник заставы опустил плечи, вздохнул.

— Орлы-ы... Куда пулемет дели?

— Бросили обратно. В старый колодец возле бани... Там еще много оружия.

Действительно, заброшенный колодец, казалось, намертво заколоченный, был доверху набит военной рухлядью: снаряжными ящиками, касками, ржавыми автоматами «Суоми», а поверх всего тянул тонкий хоботок к небу крупнокалиберный пулемет.

Ну какой мог быть спрос с этих приморенных войной, тощих, не достигших десяти лет пацанов? В лагере хоть каши давали вдоволь, а это было важнее всего. Взяв с Кокушева и Чернявского «честное пионерское», решили их оставить, а уж Сережке выпали полной мерой.

Вечером, когда все успокоилось, можно было, пожалуй, сесть за письмо. Но после пережитого Нина показалась далекой, как статуя в Эрмитаже. А кто ж пишет письма статуе?

На следующий день, то ли от нервозности, то ли уж так совпало, к Сережке вернулась позабытая было малярия. Неделью пришлось глотать горячайшую хину. Купаться было нельзя, загорать нельзя, в лес ходить рискованно. Валялся в постели, подсчитывал сучки на потолке, стоял у окна и смотрел, как бегут по заливу отороченные пеной, бесконечные волны, изредка, лениво дымя, проползала черная туша парохода, а ближе к вечеру стремительно пролетел серый силуэт погранкатера.

Сосны, гранитные валуны, соленый ветер... Сережка прикрывал глаза и ждал. Из-за мыса выплывали красноносые ладьи. Ревел рог. Белокурые воины, распаленные жаждой наживы, прыгали за борт, бежали по мелководью к берегу. Плыли крытые дерном жалкие домишки. И бежала, скрывалась в топких болотах, унося скудный скарб, чужь белоглазая...

Два раза где-то совсем рядом прогремели взрывы. Сережка очнулся и высунулся из окна, но спросить было некого, все отряды ушли в двухдневный шлюпочный поход, а дежурные, конечно, отирались возле кухни. Тревожиться не было причин, скорее всего это саперы рвали в карьере собранные мины. Но все-таки...

Сережка тщательно оделся и вышел во двор. Никого. Как-то неуютно стало на душе от этого одиночества, в конце концов, могли бы и вспомнить о бедном. Очень жалко было себя, и Сережка не мог решить — то ли двинуться на кухню, к обществу, то ли вернуться и залечь на кровати в гордом одиночестве.

Из-за угла соседнего дома выбежала Анечка Крошка и, задыхаясь, закричала:

— Скорее, Сереженька! Несчастье! Они ушли!

— Кто ушел? Куда? — не мог понять Сережка.

— Понимаешь... Дежурные по кухне. Краснов и Егоркин. Из старших мальчишек. Нарубили дров и ушли. А я дежурная по лагерю. А больше никого нет.

— Да ты не волнуйся,— попытался успокоить ее Сережка.— Что тут особенного? Ушли и вернутся, не маленькие.

— Ты ничего не понял! — Анечка насквозь промокшим платочком пыталась вытереть струившийся по лицу пот.— Они на эсэсовскую дачу побежали. Девчонкам похвастались, что принесли подарки. А тут два взрыва, и совсем рядом... Если это они, я утоплюсь, честное слово. Надо бежать, Сережа. Надо искать. А вдруг... они... еще живы.

Лицо ее вмиг постарело, осунулось, страшно было на нее глядеть.

— Ну конечно,— сказал Сережка.— Сейчас... Я с тобой... Вот только переобуюсь.

У него немного кружилась голова и подташнивало, но сейчас это не имело никакого значения.

Эсэсовской дачей неизвестно почему называли бревенчатый двухэтажный дом, высившийся в одиночестве на поляне километрах в двух от лагеря. Повсюду торчали еще не потемневшие на срезе пни, по краю в два ряда тянулась колючая проволока. Дорогу, ведущую к дому, перегораживал грубо сколоченный щит, на котором крупными буквами было выведено: «Заминировано! Прохода нет!» Рядом, на обочине валялся щит поменьше, на нем дожди уже почти размыли готическую вязь.

Может быть, дом на поляне и в самом деле был базой отдыха немецких офицеров, а деревья вокруг были вырублены, чтобы помешать нападению партизан. Может быть. Но неизвестно, каким образом родилась легенда о несметных сокровищах, хранящихся на этой базе. Фантазия ребят, переживших тяготы блокады и эвакуации, не поднималась выше реальных земных благ: пищи и одежды.

Тихими белыми ночами, когда нервы взбудоражены и заснуть невозможно, в спальнях сдвигались незаметно кровати и начинался великий треп. В подвалах таинственной дачи — так постепенно утверждалось — были оставлены груды консервов, мешки с мукой, рулоны материи, связки сапог. Объем богатства зависел от личных потребностей рассказчика. Днем, в более трезвой обстановке, все сходилось к мнению, что все же кое-что стоящее там, безусловно, есть. Иначе зачем было немцам так хитро минировать эту поляну? Саперы, мол, до сих пор не знают, как к ней подступиться. Если бы не секретные мины, давно бы эту дачу распотрошили.

Вилась, бежала по густому черничнику тропинка. В лесу было душно, хотелось пить, и так хорошо было бы остановиться, набить рот душистыми кислыми ягодами, глотнуть соку, прилечь на миг на мягкий мох. Но спешила, мелькая ножками, Анечка, и надо было спешить, не отставать от нее.

Тропинка уперлась в колючую проволоку, и Анечка остановилась, бессильно опустив руки.

— Как я и предполагала, здесь их нет. Надо идти дальше.

Дальше? К этому чернеющему на фоне леса зловещему дому, где притаилась смерть?

Ноги стали тяжелыми, словно к каждой подвесили по пудовой гире, лоб покрылся испариной.

— Поймай, — сказал Сережка сдавленным голосом и сглотнул слюну. — А может, их там нет? Может, девчонки наврали? Давай покричим.

— Покричим, — печально согласилась Анечка. — Только чует мое сердце, лежат они там, бедолаги... — Голос ее прервался.

Сережка набрал побольше воздуха и закричал:

— Красно-ов! Его-оркин!

Из глубины леса отозвалось эхо: «о-ов!.. о-оркин!» И накатила тишина, тяжелая, страшная, идущая от зловещего дома посреди поляны.

— Вот и все, — сказала Анечка и с видом человека, который против желания ныряет в холодную воду, полезла под проволоку.

Сережка задержался на миг и оглянулся. Колючая проволока разделила весь мир на две части. С одной стороны были мама и отец, которого за четыре года войны он уже не очень четко представлял, и Нина, и Катера на Неве, и редкий стук дятла, и букашки на бронзовом стволе ближайшей сосны, и розовая россыпь брусники, и оставленная на столе недочитанная книга, — все, что называется жизнью. А там, за зримой колючей чертой, ждало жаркое дыхание взрыва, которого он, наверное, уже не почувствует. Неужели его, Сережки, будущего адмирала или, может быть, драматурга, уже не будет? А весь этот прекрасный мир останется и будет существовать, и продолжат свой неспешный путь букашки, и дятел будет стучать по-прежнему, и ничего не изменится? Нет, нет, так нельзя! Это же несправедливо!.. И как жалко маму... А Нина? Так и не успел он написать ей и никогда она не узнает, как верно и нежно он любил ее. Впрочем, теперь это не имело значения.

Он пролез под проволоку и, придерживая Анечку, сделал первый шаг. Остановился. Поднял палку. Потом, щупая ею землю впереди себя, сделал еще два шага. Остановился. До дачи оставалось еще несколько сотен таких шагов.

— Сто-ой! — раздался позади их злой крик. — Куда претесь, малахольные?! Сто-ой! Мины!

Анечка и Сережка дружно обернулись. На бугорке меж молодых сосенок потрясал кулаками верткий, похожий на ящерицу Краснов, за ним согнулся под тяжестью мешка угрюмый Егоркин.

— Живые! — рванулась назад Анечка. — Милые, хорошенькие! Живые!

— Стой, ни с места! — заорал опять Краснов. — След в след вертайтесь. След в след!.. Вот олухи на мою голову!

Осторожно ступая, Сережка вернулся на тропинку и подошел к Краснову.

— Ох, и вмажу я тебе! — сказал он и сжал кулаки. — Ох, и вмажу!

Краснов ловко отскочил в сторону.

— Это за что? — удивился он. — Вожатым не положено бить пионеров.

— А лазить по минам пионерам положено? — окончательно разозлился Сережка. — А доводить людей до нервного расстройства, — он кивнул в сторону Анечки, — положено?! Не-ет, отлуплю тебя, а там будь, что будет! — И он бросился на Краснова.

Тот опять ловко увернулся и отбежал на безопасное расстояние.

— Слушай, Сергей, не дури, — крикнул он. — А то... накладем, нас двое... Зря вы беспокоились. Разве это мины? Их же второпях ставили, кое-как. Вот мы с дедом под немцем оставались в Новгородском районе, так там были минные поля, как кроссворд, не сразу разгадаешь. И ничего, ходили, носили партизанам хлеб да картошку. А здесь мины все на виду.

— Прямо уж, — умерил пыл Сережка. — Дураки их ставили.

— Может, и не дураки, но видишь небольшие такие бугорки, еще трава над ними вроде пореже и пожелтее? Видишь? Это мины. Почва здесь песчаная, мягкая и вокруг мин просела. Так что иди, не бойся...

— А если проволочка? Если натяжного действия?

— Смотреть надо... Но, спасибо дяде немцу, такие нам не попадались.

— Все равно вы сволочи! — не сдавался Сережка. — Анечка вон из-за вас чуть не померла. За бараклом поперлись, со смертью в прятки играть! Как нищие!

— Ну и что?! — вмешался вдруг молчаливый до того Егоркин. — Эсэсовцы, они всех грабили, богатые были, вот мы и подумали: может, что осталось. У Ваньки, у Краснова то есть, ботинок на зиму нет и взять негде. А отец пал... смертью храбрых. И у меня тоже. А мать на фабрике целый день бьется, и сестренка двое.

— Ну и как, повезло вам? — спросила Анечка и пнула ногой мешок. Раздался нежный стежанный звон. Анечка удивилась. — Что это?

Краснов покраснел и отошел в сторону.

— Эх, закурить бы! — с нарочитым вызовом сказал он и посмотрел на Анечку, но она только

пожала плечами и ничего не сказала. Тогда он, достав из кармана шикарный нож с наборной ручкой, одним движением перерезал веревку, стягивающую горловину мешка. На землю посыпались пустые бутылки из-под финской водки «Алко».

— Дерьмо! — зло выдавил Краснов. — Все дерьмо! И дача дерьмо, и я — не лучше. Дурак! Поверил детским байкам! А там только рваные журналы с голыми бабами да вот эти бутылки...

— А зачем вы их тащили? — спросил Сережка.

— Ну... хоть что-нибудь. Потом пробки у них завинчиваются. Интересно... Малину можно в них натолкать.

Анечка посмотрела на кучу пустых бутылок, на потного Егоркина, вздернула тонкие бровки, вздохнула, совсем как Сережкина мама, когда приходилось зашивать порванные во время игры в футбол брюки.

— И что с вами, дураками, делать, ума не приложу!..

В лагерь вернулись к ужину, и никто не заметил их отсутствия. За ужином только и говорили, что о шлюпочном походе, потом привезли кино. Сережка вернулся в изолятор, куда его определили на время болезни. На столе лежала раскрытая тетрадь, чернели две зачеркнутые строчки.

Он закрыл глаза, привычно настраиваясь на волну нежности, чтобы вызвать в воображении образ Нины, но не ощутил ничего, кроме усталости и желания как можно скорее лечь. После событий дня все эти лирические переживания казались теперь непомерно раздутыми, а его поведение — смешным и несуразным. Было, пожалуй, даже стыдно за предельную открытость души, которую эта милая, но обыкновенная, зачарованная своей внешностью девочка не поняла и не могла понять.

Что ж, была любовь. Была и кончилась, прошла, как приступ малярии. Конечно, долго еще ее имя будет вызывать в нем сладкую грусть, долго еще других девочек он будет сравнивать с НЕЙ, но хорошо, пожалуй, что письмо так и осталось ненаписанным.

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

И ДУМ ВЫСОКОЕ

● В восьмилетней школе № 3 города Артемовска Донецкой области действует музей «Писатели Донбасса», материалы которого рассказывают о литераторах, сотрудничавших в свое время в шахтерском журнале «Забой». Особое место отведено экспозиции, посвященной Борису Горбатову, когда-то учившемуся в этой школе.

● Письмо М. Горького, отправленное в 1923 году из Неаполя студенту Павлу Горобцу, — экспонат музея краеведения Новоорской школы. Горький высказывал в нем рекомендации и пожелания по поводу первых творений молодого человека. П. Горобец не стал писателем, но всю жизнь хранил письмо. Как самую дорогую семейную реликвию письмо передал в школьный музей его сын. В Институте мировой литературы имени Горького подтверждена подлинность и ценность документа.

● Константин Рослый, один из зачинателей новой советской литературы на Дальнем Востоке, погиб во время шторма у берегов Камчатки в 1926 году. Школа в селе Перетино Приморского края, где он был народным учителем, много лет носит имя поэта. О партизане, красном командире К. Рослом рассказывают и экспонаты школьного музея.

● Литературно-краеведческий музей Новокузнецкой школы в Асинском районе Томской области большую часть своей экспозиции отдал материалам, посвященным творчеству Г. М. Маркова. В этом селе прошли детство и юность писателя. В романах «Сибирь», «Отец и сын», «Строговы» многими реальными прототипами автору послужили жители родного села.

● Город Серов Свердловской области. В школе № 3 создан музей В. М. Шукшина. Начинаясь он со сбора газетных и журнальных вырезок, рассказывающих об известном писателе, актере и режиссере. Теперь в музее появились «живые» документы: письма матери В. М. Шукшина, свидетельства его земляков из села Сростки, воспоминания командира Н. Ф. Шамова, под началом которого Василий Макарович Шукшин служил на флоте; афиши, программки шукшинских спектаклей, грамзаписи.

● На родине Юрия Тынянова, в латвийском городе Резекне, при средней школе № 6 открыт музей писателя, в котором собрано немало фотографий, писем, иллюстраций, переводных и отечественных изданий знаменитых романов «Кюхля» и «Пушкин».

● В горах Кузнецкого Алатау в 1922 году отряд под командованием юного Аркадия Голикова добивал остатки белых банд. Туристы Кузбасса, впервые поднявшись на пик имени 50-летия ВЛКСМ, назвали один из перевалов именем А. Гайдара.

● Воронежская земля уже более семидесяти лет хранит память о литовском поэте Юлиусе Янонисе. На одной из улиц в Воронеже, названной его именем, расположена школа № 73, где создан первый в Российской Федерации музей литовской литературы.

● Синие переплеты томов с оттиснутыми гребнями балтийских волн... Это собрание сочинений писателя, моряка, трибуна Всеволода Вишневского. В Ленинграде, на улице его имени, в школе № 473 много лет существует музей, рассказывающий о его жизни.

● Первый советский драматург Сибири

«...Спит деревня мертвым сном. Чем ее разбудить? Чем подтолкнуть ее к творчеству?.. Театр! Вот кто разбудит деревню!» К такой мысли пришел сельский учитель Василий Григорьевич Янчевецкий, приехавший в начале 1920 года в затерянное тувинское село Уюк. Вместе с женой Марией Алексеевной они стали первыми советскими учителями, посланными в уюкскую школу. Не было тогда в глухом селе за Саянским хребтом ни газет, ни радио, ни, конечно, кино, да и книги были редкостью...

Зимой двадцатого года у школы и у сельсовета появилось подобие афиш, извещавших о первых спектаклях в Уюке. На них впервые появился псевдоним В. Г. Янчевецкого, впоследствии автора многих известных исторических романов, одного из первых лауреатов Государственной премии СССР — «В. Ян». На сельской сцене шли тогда его пьесы. «Сваха из Моторского», «Деревня, проснись!», «Красноармейская звезда».

После образования Тувинской республики В. Ян с семьей вернулся в Россию. Он работал в редакции газеты в Минусинске, продолжал писать пьесы, став первым советским драматургом в Сибири. В репертуаре и на сцене старого Минусинского драматического театра появились его драмы: «Колчаковщина», «Капиталист в тачке», «Нота лорда Керзона» и другие.

...Сейчас в Уюке — современная каменная школа. Учатся здесь не тридцать ребят, как в двадцатом году, а триста. В школе проходят недели творчества писателя, устраиваются выставки рисунков по темам его книг.

А в старой, сохранившейся до наших дней маленькой школе будет музей. Школьные следопыты посвятят его дружбе русского и тувинского народов и первому учителю села — В. Яну.

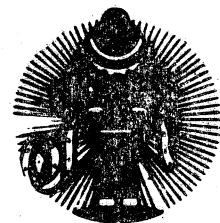
● Наш Пушкин

Конечно, это не подлинные пушкинские экспонаты... Но они подобраны тщательно, со вкусом, со знанием дела — и воссоздают пушкинскую эпоху: мягкий, в старинном стиле диван, изящный столик, стаканчик с перьями — точно такими, какими писал поэт...

Уже более десяти лет существует в школе-интернате № 1 города Пушкина музей гениального русского поэта. Экскурсоводы его могут дать самую подробную справку о любом периоде творчества А. С. Пушкина; они располагают действительно редкими сведениями — например, таким, что первый памятник Пушкину был поставлен еще при жизни его, в 1817 году...

Музей работает по плану, согласованному со столичным музеем А. С. Пушкина. Ежегодно в школе проходят традиционные пушкинские недели с курсами чтецов, инсценировками, выставками рисунков. В последние годы появилась еще одна традиция: отмечать день Лицея праздником в лицейском садике.

СТРЕМЛЕНИЕ...

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

● Здесь русский дух...

Про учащихся средней школы № 1 Новоульяновска не скажешь, что Гончарова они лишь «проходят»... Это имя — не только в школьной программе, им пропитан весь дух школы и ее музея. Русская старина предстает в музейном зале ярко вышитым крестьянским полотенцем, расписным ковшом, настоящим афишным столбом (еще не столь давно он стоял у дома И. А. Гончарова) с оповещением о его спектаклях, с беседкой — совсем такой, какая описана в романе «Обрыв»...

Музей располагает почти всеми изданиями книг писателя, в том числе полным собранием сочинений, вышедшим в 1899 году.

Благодаря школьному музею И. А. Гончаров стал одним из самых любимых и хорошо изученных русских писателей для учащихся этой школы.

● Звучат стихи у памятника

Место для памятника выдалось само собой... Почти рядом со станционной школой. Здесь останавливался поезд. Здесь Александр Блок выходил из вагона и шел в свое любимое Шахматово, куда навещался всю жизнь, ежегодно. Столетняя лиственница, стоящая у платформы, помнит поезда с разными вагонами — «по словию», помнит встречу двух поэтов, Блока и Анны Ахматовой, — мимолетную встречу мужчины, стоящего на платформе, и проезжавшей мимо женщины...

Рядом с липой были посажены саженцы рябины, они будто окружили место будущего памятника. И постепенно росли, пока, год за годом, ребята станционной школы в Солнечногорске под Москвой зарабатывали деньги в совхозе. И вот наконец был открыт памятник: «Александр Блок. 1880—1921 гг.».

В школьном музее ребята собрали подлинные вещи и предметы обихода из старой блоковской усадьбы в Шахматово. Когда приходит время последнего звонка, учащиеся собираются у памятника и читают стихи...

● Ершовские места

Деревня Безруково в Тюменской области — ныне Ершово. Когда-то здесь шли торговые караваны из Москвы в Сибирь и обратно. В экспозиции музея сельской школы хранится редкий снимок: караван верблюдов на берегу Иртыша — купцы едут из Азии и устроили по пути пышные торги...

Жители села считают, что именно под впечатлением этих купеческих караванов, виденных в детстве, у их земляка Петра Павловича Ершова родился замысел «Конька-Горбунка». Александр Сергеевич Пушкин после выхода в свет этой чудесной сказки сказал друзьям:

«Теперь этот род сочинений мне можно и оставить...» Так высока была его оценка.

В литературно-краеведческом музее местной школы бережно хранятся и произведения П. П. Ершова менее известные: «Сузге», «Суворов и станционный смотритель», «Осенние вечера». Ежегодно, в феврале, ко дню рождения писателя, школа проводит Ершовские чтения.

● Основанная Чеховым

Сестра А. П. Чехова Мария Павловна так писала об основании знаменитой Мелиховской школы: «Денег на постройку не было. Я решила достать всяческими путями. Начала продавать яблоки из нашего сада. Затем разыграла в лотерее пожертвованные для этой цели Левитаном два этюда. Антон Павлович, видя мое рвение, поддержал меня и внес для постройки тысячу рублей. Таким образом школа была выстроена».

Мелиховская школа в Подмоскovie, ставшая музеем российского просвещения, отмечает свое 85-летие. Здесь все сохраняется, как в чеховские времена: парты, грифельная доска, географическая карта прошлого века. Одна из самых дорогих реликвий музея — похвальный лист за прилежание, подписанный А. П. Чеховым.

● Экскурсия по музею

Музей школы № 15 в Томске «вырос» из клуба любителей книги. А сначала был просто литературный кружок... Экспонаты музея посвящены одной биографии, одной судьбе.

...Вот портрет — просто девочка по имени Галя. Еще портреты — это уже студентка, а затем врач Галина Волянская, ставшая впоследствии писательницей Галиной Николаевой.

Макет крохотного крестьянского домика на берегу реки Яи в селе Усманка — на родине писательницы.

Панорама горящего Сталинграда... Волга. Пароход «Композитор Бородин». На нем размещался плавучий госпиталь, где работала военным врачом Галина Николаева.

Книги... Они не просто экспонаты — обложки их портеты, они зачитаны учениками и учителями. «Жатва», «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», «Битва в пути»... Французские, итальянские, немецкие, чешские, венгерские, арабские издания.

Множество восторженных отзывов оставляют в школьном музее учащиеся города, студенты, гости Томска. Постановлением Совета Министров РСФСР средней школе № 15 присвоено имя Галины Евгеньевны Николаевой.

ШУВАКИШ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ...

**Сергей
РЫКОВ**

*Рисунки
Е. Охотникова*

У Шувакиша не бывает будней. Он вечный баловень воскресенья.

...Нет, с вокзала мне не уехать. Стена мышц непродоходима, непоколебима, непреодолима. И опыта штурма узкой двери электрички у меня нет.

Еду трамваем на окраину Свердловска до Семи Ключей и там пешком — по изъеденному весной снегу, мимо высоких свечей сосен. Нас много. Мы спешим. Мы спешим потолкаться на «толкучке».

Я на Шувакишском вещевом рынке во второй раз. Впервые был летом 1980 года, после чего написал репортаж*. Много воды с тех пор утекло, тысячи, а может, и десятки тысяч «червопцев» отшелестели печальными листьями над асфальтовым пятачком барахолки. А сколько сейчас снится этот Шувакиш на жестких казенных нарах?

Несколько раз звонили после публикации автору этих строк, деликатно, собрав в узел остатки интеллигентности, угрожали: не лезь, мол, корреспондент, в серьезные игры, не твое это дело, сам ничего не имеешь, так не мешай хорошо жить другим...

И бросали трубку.

Итак, снова Шувакиш, четыре года спустя.

Изменилось ли что?

Изменилась МОДА. Его величество спортивный стиль вытеснил все остальные направления в ветхие ряды торгующих старушек.

Изменились ЦЕНЫ. Они заметно подскочили, круша мои наивные догадки о справедливых началах торговой сделки.

Расширился ассортимент, представляя все новые и новые зарубежные фирмы. Заметно расширилась география покупателей и продавцов. И тюменские, и челябинские, и курганские барахольщики, встав с петухами, примчались к подножию «джинсовой мекки», чтобы засвидетельствовать ей свое почтение.

См. «Уральский следопыт» № 2, 1980 г.

Что еще изменилось?

Шувакиш помолодел. И это не может не вызывать тревоги и сожаления. Девчонки, почти девочки, с любопытством лавируют в стихии дефицита. Частенько их сопровождают взбалмошные мамы, до подногтевой синевы зажавшие дамские сумочки, изредка — и отцы, делающие вид, что им здесь давно все известно.

Юноши степенные, но это только внешне. Ярмарочная лихорадка «толкучки» бродит и в их молодой крови. И юношей часто сопровождают мамы, что говорит о том, что никакой он еще не мужчина, а ребенок, попавший под трамвай желаний. Вот и носится рядом с ним «заботливая» мама меж торговых рядов, боясь оплошать и ругая себя в сердцах, что поддалась уговорам взрослеющего по часам чада. Впрочем, так было и тогда, четыре года назад.

Чуть спала джинсовая лихорадка. Джинсов много, всех мастей и вкусов. Продавцы их, правда, еще гнут свое, еще ломают цену, но уже не так настойчиво, больше по инерции, да и покупатели с ними не больно переминаются: не уступишь — ходи голодный. Зато «бананы»... Ох уж эти «бананы»! Прямо «банановая рожа», а не барахолка. В Европе брюки такого фасона уже отошли, до Шувакиша же, кажется, только докатился тяжелый девятый вал моды. Причем подавляющее большинство этих брюк сшиты не в Европе и не за океаном, а где-нибудь в районе улицы Малышева, на обычной швейной машинке, в уютных домашних условиях. В кругу семьи, любящих детей, беззаботно играющих на персидском ковре «фирменными» медными пуговицами с надписью «Левис», сделанными на заводе золотыми ручками папы (или друга мамы — вариантов много). На жаргоне Шувакиша все вещи самодельного производства называются «самопал». Или — «дербасс». Туманно и резковато? Да. Как и все, что связано с нравами рынка.

Продать — продажность — предать... Вот такая невеста выстраивается цепочка.

У Шувакиша есть свои «шуты». «Запакованные» (то бишь приодетые) с ног до головы парни, распушив хвосты, пижонят, ходят голым, всем видом давая понять — я тот, кто вам нужен, я всемогущий, я доставала, я устрою вам все, что вам надо, я... И протчая, и протчая. Смотрите и гордитесь, что смотрите на меня, что дышите со мной одним воздухом. Словом, пижоны, считающие, что быть спекулянтом куда престижнее, чем академиком.

Взбалмошные мамы ходят в тандеме с дитятей, боясь ошибиться. Они громко задают глупые, неуместные (как кажется подростку) вопросы, презирая в душе окружающих и поругивая за малодушие себя. Но отступать уж некуда. Без куртки (джинсов, кроссовок, спортивной шапочки, сапог, шарфа...) «ребенок» с Шувакиша не уйдет, заткнет вполне взрослую истерику, а это уже нежелательно. Поэтому вот так и ходят сынуля (дочурка) с мамулей, боясь прогадать.

И все равно попадают в ловушку махрового спекулянта.

Вот сцена для неискущенного. Парень предлагает джинсы. Они аккуратнейшим образом уложены в красивый пакет. И сам продавец — как с рекламного плаката: так элегантен, так красноречив элегантен... Итак:

— Сколько?

— Двадцать пять... (Здесь существует неписаное арифметическое правило — к цифре, названной продавцом товара, необходимо мысленно подставить нолик. Например, три — значит 30).

— Двадцать пять? — подозрительно переспрашивает мамаша. Ее одергивает зардевшийся от стыда юнец:

— Двести пятьдесят значит. Надо брать...

— Обалдели совсем, — паникует мамаша и тянет сына от продавца подальше. Спекулянт, сохраняя спокойное выражение, заталкивает джинсы обратно в пакет и спрашивает:

— А за сколько вас устроит?

— Ну, хоть за 170, что ли... — чуть успокаивается мать.

— За восемнадцать и — по рукам, — твердо ставит точку продавец.

Мать молчит, но уже знает, что согласится. Да и чадо, единственное, любимое, свое, кровное чадо со слезами на глазах смотрит на мамашу, и столько мольбы в этих глазах, столько жалости...

Продавец пересчитывает червонцы и выдает симпатичный пакет, который на глазах у покупателей достаёт из спортивной сумки. Мерять джинсы необходимости нет (так настаивал подросток, тем более, что он уже прикладывал их к бедрам. Да и мерять здесь негде, а «заголяться», как это делают покупатели постарше, наш юноша еще стесняется).

Словом, пакет в руках. Продавца и след простыл. Довольны и покупатели, которые, чуть не обнявшись, идут с базара. Почти у выхода сын достаёт из пакета покупку. И... о ужас! В пакете не новенькие джинсы, а старые, поношенные брюки, лоснящиеся от возраста в некоторых интересных местах...

Искать гребителя в коллороте «тучи» так же безнадежно, как искать иголку в сене. Такой фокус называется «куклой».

Мамы плачут, а «куклы» смеются.

Мошенник ловко подменил настоящий пакет на липовый. Таковы нравы Шувакиша.

Вот еще сценка. Совсем юная барахольщица пробует в торговле свой «голос»: впервые вынесла на рынок новые, неподошедшие ей джинсы. Она, как галантный официант салфетку, перекинула товар через руку и неуверенно прохаживается в торговых рядах. К ней подходит парень и начинает торговаться. Наконец, сходятся в цене. Парень достаёт бумажник (подозрительно потрепанный на вид), роется в нем и «вдруг вспоминает», что основную часть денег «забыл» у супруги. В кошельке же сейчас только пара червонцев...

— Да вы и жена, — говорит парень, показывая рукой в сторону. — Подержите, пожалуйста, мою сетку и кошелек, а я мигом вернусь — только возьму деньги!

Красавица ждет паренька, умчавшегося с ее джинсами, и пять, и десять, и двадцать минут... И всю жизнь может ждать. В руках у нее выдавшая виды продуктовая сетка с вчерашним номером «Советской торговли» и обшарпанный гомоток с двадцатью рублями — именно за столько обошлись ловкачу новые вельветовые, темносиние джинсы.

Девушка плачет, смывая косметику, а вежливый подонок те же джинсы, на том же Шувакише продает за двести.

О спекулянтах мы пишем много. В милицейских протоколах о них пишут конкретно и обстоятельно (надо бы чаще!). Поговорим о тех, кто покупает.

В целом, все это нормальные, даже неплохие люди. Такие же, каких тысячи. С единственной, может быть, но существенной оговоркой — плохо, что обратиться за помощью к спекулянту стало для них возможным (а для кого-то и нормой). Они, уверен, понимают, что обращаться к дельце, ловкачу не слишком этично, но — обращаются. Даже ищут с ним знакомства, заглядывают в глаза. Можно понять желание человека (тем более молодого) хорошо, по моде, со вкусом одеться. Но нельзя понять и простить человека, который от одного вида импортной тряпки входит в раж, идет на поклон к спекулянту.

«Буду откровенным, — пишет нам рабочий цеха окатышей Качканарского горно-обогательного комбината Владимир Звигин, — хочу в своем достаточно скромном гардеробе иметь и джинсы. Единственная причина неосуществившегося желания — личная неприязнь (даже ненависть) к спекулянтам. Не жалко отдать за хорошую вещь больше деньги, но когда осознаешь, что деньги эти пойдут не в государственный карман, а в грязные лапы фарцовщика — мерзко становится на душе. Нет уж! Обойдусь без дефицита».

Кстати, о дефиците. Появились в магазинах (пусть еще не в избытке) хорошие джинсы — и на рынке по-утих вокруг них ажиотаж. Но вот другая «болезнь» — кроссовки: «Адидас», «Пума», «Тайгер», «Карху»... двести рублей за пару — разве стоят они того?! И советские кроссовки идут за сотню и выше! Удобно, прочно, красиво, в ритме с модой... Но — дефицит. А без дефицита спекуляция, что рыба без воды, что птица без крыльев, что свинья без грязи.

Даю себе отчет, что этой публикацией не рассеешь «тучу». Но найдутся, уверен, люди, кто посмотрит на себя со стороны, задумается и скажет: хватит, перехожу от проблем джинсов «Монтано», курток «Аляска», кроссовок «Адидас» и прочей чешуи к проблемам собственной судьбы...

Мой собеседник — заместитель начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Свердловского городского управления внутренних дел Василий Иванович Родионов.

— В масштабах проблем, которыми занимается ваша служба, Шувакиш — это мелочь, так сказать, или...

— Далеко не мелочь. Около девяноста процентов всех задержанных за спекуляцию взяты на Шувакишском рынке. Имея рынок, нам удобнее работать.

— Но год от года барахолка молодеет, завоевывает все больше поклонников...

— Растут и цифры задержанных... Кстати, среди них немало комсомольцев. А примерно 60 с половиной процентов задержанных едва достигли 30 лет.

— Не напрашивается ли вывод: пора закрыть барахолку.

— Думаю, это скоропалительное решение. Скажите, вы видели, чтобы у нас продавали в подземных переходах, в общественных туалетах, около магазинов?

— Около магазинов — видел. В других местах, признаться, нет...

— И не могли видеть. А вот в других крупных городах страны, где нет вещевого рынка, пятачки купил-продажи возникают стихийно. А потом — вещевой рынок служит и тем, кто честно пользуется его возможностями. И этих людей обижать мы не имеем права.

— Василий Иванович, как пошатнуть «авторитет» спекулирующего Шувакиша?

— В основе спекуляции лежат, на мой взгляд, экономические причины. И если мы все хотим изжить зло — спекуляцию, мы не имеем права заблуждаться на этот счет: дефицит — питательный бульон микробов спекуляции. Это во-первых.

Второе. Утверждая первое, не надо забывать и того, что спекулянтами не рождаются — ими становятся. Стало быть, надо формировать у молодежи разумные потребности, воспитывать истинные ценности, а не мнимые. Штаны и магнитофон не должны быть предметом идолопоклонства.

Одними карательными мерами нам с этим злом не справиться. Нужен комплексный подход.

Все правильно рассудил Василий Иванович. Разумно: на Шувакише органам правопорядка работать удобнее. Но ведь и фарцовщикам, этим неприкрытым проводникам буржуазной морали, буржуазного образа жизни, тоже на нем работать удобнее.

Понимаю, вопрос наименее сложный. С насока в нем не разберешься, но на вопрос: «Нужен рынок или не нужен?» — я отвечу категорично: в таком виде, в каком он есть сейчас, не нужен. Он вреден. Это помойка, которую вынуждены были вынести, как и любую другую мусорную яму, за черту города. Но и этого оказалось мало. Помойка на запах собирает тучи и тучи жирных мух...

Взять бы всю эту жижу и присыпать приличным слоем дуста!

Рынок необходим как торговый прилавок с его товаром. Но нравственную, моральную сторону операции «деньги — товар» нельзя отдавать на откуп патологически нечестным людям. Можно сделать нечто похожее

на большой комиссионный магазин. Не знаю тонкостей его устройства (это можно продумать), но контроль за ценами будет жестче.

Недавно на экраны страны вышла документальная кинолента Свердловской киностудии «Дефицит и его поклонники». Уже сам факт того, что фильм снимали на нашей уральской земле, говорит о том, что слава Шувакиша известна далеко за его пределами. (Не многие, например, челябинцы, знают, что в Свердловске работает лучший в стране театр оперетты. Но то, что в Свердловске есть «всемогущий» Шувакиш, знают и челябинцы, и кустанайцы, и тюменцы, и пермяки, и курганцы...) Так вот фильм...

Фильм режиссера Бориса Урицкого начинается с итога. Парень огорожен от мира барьером. Топорщится светлый, стриженный ежик волос. Судорожно гуляет кадык, и неодолима тоска в глазах. Скажи ему еще неделю назад, что он, студент Московского горного института, преуспевающий молодой человек, счастливой внешности и эрудит, сядет на скамью подсудимых; что в зале суда прослезятся его родственники, нахмурятся друзья, ядовито ухмыльнутся знакомые, а прокурор назовет его действия страшным словом «преступление»; скажи ему так, и он рассмеялся бы вам в лицо.

Кинокамера скользит по лицам, останавливаясь на другом, спрятанном за барьером, парне: рослый, темноглазый, растерянный, сметенный свалившейся на его плечи бедой. В зале сидит его милая молодая супруга — будущая мать. Комкает платок, глаза отрешенные, заплаканные. Ее молодой, любимый муж обвиняется в спекуляции. Он студент Ленинградского кораблестроительного института. Теперь, конечно, уже экс-студент... Фильм исследует три уровня явления: экономический, юридический, нравственный.

В фильме приняли участие известные экономисты страны, ученые. Они-то, собравшись за «круглым столом» перед кинокамерой, и порассуждали о проблемах, источах, причинах и следствиях дефицита. Говорят они умно и убедительно. Корни дефицита в недостаточно гибком планировании: производство часто работает на показателе, а не на спрос; если наша промышленность научилась отвечать так называемому макроспросу, то микро-спрос остается неудовлетворительным; исходной точкой планирования должно быть изучение потребностей населения... Словом, невольно задумаешься, за что покупатель на вещевом рынке платит надбавку — за риск дельца-продавца или за нерешенные проблемы промышленности, торговли, планирования...

Да, рассуждаем за «круглым столом» давно и много.

Но пока мы рассуждаем, они, фарцовщики, действуют. И здесь уже не до теоретических выкладок. Спекулянт заражает эрозий моральные ценности общества. Стимулирует хищения. Резко снижает стимул для трудовой деятельности. Даже, если хотите, невольно вмешивается в процесс перераспределения доходов населения. Спекулянт — трутень, он не участвует в создании ни материальных, ни духовных ценностей, но активно участвует в их потреблении. Словом, куда ни кинь — один минус.

Спекулянт, делец — носитель и проводник чуждой нам идеологии. Это идеологический диверсант внутри страны.

В редакцию приходят письма, в которых читатели размышляют на тему «Люди и вещи». Начнем с цитаты одного из них, строителя из Североуральска Валерия Кторов: «В нашем подъезде живет солидный внешне, немолодой уже мужчина, которого уличили в краже библиотечных книг. Скандалная была история, она получила широкий резонанс, соседи перестали замечать Н. Н. Он брал книги, а потом перепродавал их по завышенным ценам. И дома у него приличная библиотека. Так вот я думаю: когда мы сталкиваемся с обычным, барахольным спекулянтом, тут все ясно. А как быть

с Н. Н.? Интеллигентный человек, с высшим образованием. Начитанный (говорит, горы книг прочитал). Выходит, сотни мудрейших людей эпохи учили его уму-разуму, делились с ним всеми существующими духовными ценностями, накопленными целыми поколениями, и все насмарку? Выходит, он «глотал» эту литературу, как шпроты, а в кровь, в сердце так и не воссаялся витамин культуры?»

Выходит так. Так, к сожалению, бывает. И бывает нередко. Тысячи великих трудятся над шлифовкой наших душ... Увы, не всегда все получается гладко.

Мораль Н. Н. в принципе ясна — он потребитель. Потребитель до мозга костей. Возможно, Н. Н. и нафарширован умными мыслями других людей, но в главном он все-таки неумен: не понял он, что по-настоящему интеллигентен тот, у кого добры сердце и душа. У кого душа развилась раньше мозга.

Бездуховность всегда была сутью потребительства.

Вот еще письмо, автор которого по известным соображениям посчитал нужным остаться инкогнито. «Меня исключили из института за спекуляцию пластинками. Со временем я понял, что поступили справедливо. Но никто так и не разобрался в том, что спекулировал я не столько из соображений обогатиться, сколько из желания самоутвердиться. Сначала я был весь закомплексован, во все стороны торчали колючки моего характера. Но когда стал лучше других одеваться, разбираться в дефиците дисков, меня стали выделять. Мне это нравилось. Я потом втянулся».

Итог известен. Так бывает всегда, когда средством самоутверждения становится вещь.

В жизни нас окружает, подсчитали ученые, 20 миллионов наименований вещей. С каждым днем их становится все больше...

Потребности наши растут (осмелюсь предположить, что дефицит как таковой будет всегда, человеку всегда будет чего-то не хватать, даже в самом развитом обществе). Растет благосостояние. Все это здорово. Но разумно ли человеку мыслящему ставить перед собой единственную цель — только иметь. Не важно, что («Жигули» или картину), но иметь, и только. Вправе ли вообще ставить человек перед собой такую цель? Справедливо ли это по отношению к самой жизни — целью ее делать материальное благополучие? Коротче говоря, измерять жизнь количественной, а не качественной мерой. Измерять жизнь метрами, килограммами, рублями?..

Справедливо ли это?

Шувакиш кипит. Он — вечный баловень воскресенья. Воскресенье — день исключительный, он всегда на границе с праздником. Я знаю людей, и их немало, кто всю неделю «спит», а оживает только в воскресенье. Только седьмую часть жизни такой человек хоть как-то пытается двигать мыслью, телом. Только седьмую. Справедливо ли это?

Такой человек обкрадывает себя, обкрадывает нас.

6 НОЯБРЯ 1982 ГОДА ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, ОРГАНИЗОВАННАЯ ГАЗЕТОЙ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ», УРАЛЬСКИМ НАУЧНЫМ ЦЕНТРОМ АКАДЕМИИ НАУК СССР, СВЕРДЛОВСКИМ ОБКОМОМ ВЛКСМ, ВЫСТУПИЛА НА УНИКАЛЬНЫЙ В ПРАКТИКЕ АРКТИЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ 10 000-КИЛОМЕТРОВЫЙ МАРШРУТ ПО ВСЕЙ СОВЕТСКОЙ АРКТИКЕ — ОТ УЭЛЕНА ДО МУРМАНСКА.

В МАРШРУТНУЮ ШЕСТЕРКУ ВОШЛИ: РУКОВОДИТЕЛЬ — СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ, СТАРШИЙ ИНЖЕНЕР ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ УНЦ, 32 ГОДА; ШТУРМАН — ПАВЕЛ СМОЛИН, СТАРШИЙ ИНЖЕНЕР ИНСТИТУТА ГЕОФИЗИКИ УНЦ, 29 ЛЕТ; РАДИСТ — ВЛАДИМИР КАРПОВ, ЭЛЕКТРОВАКУУЩИК МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА, Г. СВЕРДЛОВСК, 36 ЛЕТ; ВРАЧ — ВЛАДИМИР РЫБИН, ТЕРАПЕВТ 4-Й СВЕРДЛОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ БОЛЬНИЦЫ, 34 ГОДА; КИНОФОТООПЕРАТОР — ЮРИЙ БОРИСИХИН, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПУБЛИЦИСТИКИ

ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 38 ЛЕТ; КАЮР-ПРОВОДНИК — ФИЛИПП АРДЕЕВ, РАБОЧИЙ ХОРЕЙВЕРКСКОЙ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ, АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ, 42 ГОДА.

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ № 1 (РУКОВОДИТЕЛЬ — ГЕННАДИЙ ЧЕУРИН, РАДИСТЫ — БОРИС КОТЛЯР, ИГОРЬ СОКОЛОВ), ОБОСНОВАВШИЙСЯ В ПОСЕЛКЕ ЛАВРЕНТИЙ НА ТИХООКЕАНСКОМ БЕРЕГУ ЧУКОТКИ, БЫЛ ГОТОВ ОБЕСПЕЧИТЬ ЕЖЕДНЕВНУЮ СВЯЗЬ С ГРУППОЙ.

ПОСЛЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ШЕСТЕРКОЙ УЧАСТКА УЭЛЕН — ЧОКУРДАХ БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ ПЕРЕЛЕТЕЛ В ПОСЕЛОК ХАТАНГУ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ, ЗАТЕМ — В МУРМАНСК.

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ № 2 НАЧАЛ РАБОТУ В НОЯБРЕ (РУКОВОДИТЕЛЬ — ФЕДОР СТАРОСТИН, РАДИСТЫ — АЛЕКСАНДР ПЛИШКИН, МИХАИЛ СОКОЛОВ) В ПОСЕЛКЕ ЧОКУРДАХ, ЗАТЕМ ПЕРЕЛЕТЕЛ В АМДЕРМУ НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА.

БЕСКОНЕЧНАЯ

**Юрий
БОРИСИХИН.**

I. ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ. Суждено было жить

6 ноября 1982 года.

Приказ № 1.

«Маршрутной группе в 6.00 выйти направлением Уэлен — Мурманск. Расстояние — 10 000 километров. Объявляется полное единоначалие. Устанавливается сухой закон. Обращение между участниками только на «вы», только по имени-отчеству. При обсуждении спорных ситуаций высказываться по старшинству. Не терять из видимости переднюю и заднюю нарты. Зеленая ракета — внимание, красная — опасность.

Руководитель экспедиции Сергей Соловьев».

— И, ребята дорогие, берегите друг друга...

Ночью даже не прикорнули. Упаковываясь, старались запомнить каждую вещь. Прорезиненные мешки, зеленые ящики выносили на крылечко гостиницы. Над Уэленом и океаном шел снежок.

Шесть утра. Начали собираться любопытствующие. Я сел на нарты с Филиппом. Гикнули, покатали. Упряжки сразу разъехались в раз-

ные стороны. Мохнатая шара уэленских собак стреканула за ними. Километра через два местные собаки весело и бездумно повернули назад; оторопевшие, мы не смогли удержать своих, рванувшихся следом...

Уэленцы еще не успели разойтись: «Ну что ж, ребята, оставайтесь чай пить, экспедиция финишировала с блеском, мы все видели». Смех смехом, а надо же ехать! Но как сказать это собакам? Володя Карпов вспомнил про Белочку, единственную «даму», взяв ее в повод и, не мешкая, двинулся в лагуну. Упряжки с шумом покатали следом; мы поняли, что до Инчоуна доберемся.

Сразу открылись классические арктические виды. Над океаном завис плотный туман, солнце едва просачивало, видимость — метров тридцать, не больше. Снег мерцал, слепя. Выбрались на узкую косу. Снег здесь не держится — заскрежетал под полозьями песок. Мы с Рыбиным двигались вблизи. Проще сказать, жались друг к другу — не столько, конечно, от страха, сколько ошеломленные игрой света над океаном, берегом, сопками. Но Арктика еще не пронимала, шел с чувством, будто на прогулке по Уктусу, под Свердловском.

Экспедиция, значит, началась. Ничем, кроме движения, большую эту тысячеверстную дорогу не одолеть. Что бы ни было, прежде всего думай о том, как продвинуться вперед — пусть на метр...

Среди снега и песка — совершенно новенький мотоцикл. Откуда ты, милый, заехал? Какая лихая головушка и зачем завела тебя сюда? Володя Карпов посмотрел на спидометр: всего сорок километров. Так и остался загадкой мотоцикл среди белого безмолвия.

Карпов и его Белочка прекрасно поддерживали темп. Темнота загустела так, что видимость упала метров до десяти. Перевал навалился тенью; сияние, похожее на корону, вело нас на Инчоун. Чтобы ускорить движение, Паша встал на лыжи. Тропа вдруг пропала. Скрежетали камни под полозьями, внезапно вставали из темноты валуны.

Заревце манило. Для пущей надежности засек направление на звезду. Паша вдруг забрал резко вправо, через полчаса кинулся почти назад. Подбивало спросить: правильно ли идем? Но есть закон: у штурмана направление не спрашивают. На минутном привале, оказавшись недалеко от Паши, не удер-

ГОТОВИЛАСЬ К ПЕРЕБРОСКЕ МАРШРУТНИКОВ ЧЕРЕЗ БЕЛОЕ МОРЕ ГРУППА ПЕРЕПРАВЫ (РУКОВОДИТЕЛЬ — ВЛАДИМИР АРЦИБАШЕВ, ЧЛЕНЫ ГРУППЫ — БРАТЯ ВАЛЕРИЙ И ГЕННАДИЙ СЕВАСТЬЯНОВЫ). ПЕРЕПРАВА ЭТА СОСТОЯЛАСЬ В ИЮНЕ.

В ЭКСПЕДИЦИОННОМ ЦЕНТРЕ (ГОРОД СВЕРДЛОВСК) ДЛЯ КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ БЫЛО УСТАНОВЛЕНО КРУГЛОСУТОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО. РУКОВОДИЛ ЦЕНТРОМ ЗАМЕСТИТЕЛЬ С. СОЛОВЬЕВА БОРИС СОБОЛЕВ.

СВЯЗЬ С БАЗОВЫМИ ГРУППАМИ И ОРГКОМИТЕТОМ, ПРИЕМ И ПЕРЕДАЧУ МАТЕРИАЛОВ В ГАЗЕТУ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ», СВЕРДЛОВСКИЕ ГАЗЕТЫ ОБЕСПЕЧИВАЛА ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ В СТРАНЕ ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ РАДИОСТАНЦИЯ УРАЛЬСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ С. М. КИРОВА.

ВОЗГЛАВЛЯЛ ОРГКОМИТЕТ ЭКСПЕДИЦИИ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА,

КОНТР-АДМИРАЛ, НАЧАЛЬНИК ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-1» ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПАНИН.

ЭКСПЕДИЦИЯ НАМЕРЕВАЛАСЬ СТАРТОВАТЬ 15 ОКТЯБРЯ, ЧТОБЫ ДО ДЕКАБРЬСКИХ МЕТЕЛЕЙ ПРОЙТИ ЧУКОТКУ, А ДО САМЫХ ЖЕСТОКИХ ЯНВАРСКИХ МОРОЗОВ ОДОЛЕТЬ ПОЛЮС ХОЛОДА В ЯКУТИИ, ДО ВЕСНЫ — ТАЙМЫР И ПО БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ В ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ ВЫЙТИ К БАРЕНЦЕВУ МОРЮ. НЕОЖИДАННАЯ ДОЛГАЯ ПУРГА ЗАДЕРЖАЛА СТАРТ НА 20 ДНЕЙ. ЕЩЕ НЕ ПРОИДЯ И МЕТРА, ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОИГРЫВАЛА ГРАФИКУ ОКОЛО 800 КИЛОМЕТРОВ. НАДВИГАЛАСЬ ОПАСНОСТЬ ОСТАНОВИТЬСЯ БЕЗ СНЕГА, ГДЕ-ТО У ПЕЧОРЫ, НА ПЕСКАХ...

В ПРЕДЛАГАЕМОЙ ПУБЛИКАЦИИ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК МАРШРУТНАЯ ГРУППА В ГОРАХ ЧУКОТКИ И ТУНДРЕ ЯКУТИИ, НА ПОЛЮСЕ ХОЛОДА, ОБРЕТАЛА НЕОБХОДИМУЮ КРЕПОСТЬ И УВЕРЕННОСТЬ.

А Р К Т И К А

жался-таки от вопроса. Паша помолчал, всматриваясь в мое лицо, сухо пояснил:

— Идем на зарево, Юрий Сергеевич. Значит, правильно.

Вопрос мой был крайне неуместен — обычно ничем иным, кроме страха и недоверия, такие вопросы не диктуются. При сердечном стыде в темноте первого арктического перевала раз и навсегда зарекся задавать вопросы штурману.

Филипп ехал то впереди, то чуть позади. Однажды появилась, выплыла тень, собаки дернули. Медведь?! А может, показалось? Вынырнул Филипп.

— Филипп, вроде медведя видел.

— Не паникуй, — серьезно успокоил он меня, — я недалеко.

Филипп и Сергею рассказал, что я видел медведя. Я не стал разубеждать, тем более, что сам почти поверил. Да и кто скажет точно, что медведя не было?!

Скользнули с горы (в темноте показалось — в пропасть) навстречу тусклым огням. На узкой улице поняли, что в поселке играют свадьбу. Собак привязали у гладких серых столбов, похожих на все телеграфные столбы России. Подошел народ. Смотрят с участливым любопытством. Вдруг толпу раздвигает

высокий парень, без шапки, рукавиц.

— Я — Сережа, — говорит громко. — Все гости — ко мне!

И мы пошли, покорные его командам и голосу. Дома он вытащил из заиндевелого амбарчика кусок моржового мяса, тут же разрубил. И не просто разрубил — из каждого кусочка сотворил нечто похожее на гребешок:

— Собачка любит маленькие кусочки. На морозе мясо тверже камня. Вот вы, устали если, то у вас укус слабый. Так и собачка. Собачку надо уважать.

А в поселке действительно праздник! Пестрит улица платками, малахаями, меховыми шапками. Песцы на шапках — белы, лисы — рыжи, чернобурки — в серебре. Здесь впервые увидел настоящую упряжку. Собаки легкие, как пушинки, нарты — само изящество. И каюр — суховат, невесом. Собаки поставлены в упряжку с сантиметровой точностью. Бег десяти рыже-бело-серых лаек бесшумен, стремителен, согласован и покорен не только голосу, но и любому еле заметному движению каюра. Вижу, как загорелись глаза у командира экспедиции.

Инчоунцы вызвали экспедицию на

состязания упряжек. Сергей командировал Пашу — позор проигрыша пусть падает на самую молодую голову.

В снежном вихре упряжки умчались. Наши собаки, тяжеловатые и отъевшиеся, начали отставать. Чуда не бывает: лишний вес — помеха бегу. Наконец видим: впереди чукча, за ним, метрах в ста, — Паша. Отстал не очень далеко. Позже он, однако, рассказал, что чукча придерживал свою упряжку.

Потом был бег. Снова выставили Пашу. Он бежал легко и спортивно, но паренек выдержал этот темп все два километра! Паше стоило больших трудов не отстать. Нельзя было проигрывать, равно как и выигрывать: все же Паша — кандидат в мастера спорта. Он поступил мудро: догнал паренюка, обнял его, так вместе и финишировали. Ничья. Но Сергей сказал, что в общем зачете мы должны одержать верх. Незачем копить проигрыши до Мурманска. Потянули канат. Сильный

Карпов, мускулистый Рыбин, массивный Сергей встали замертво, дернули — инчоунцы посыпались на наше поле...

К вечеру пошли и пошли гости. Несли все, что могло понадобиться в дороге: нерпичьи штаны, торбаса, алыки, потяги, запасные веревочки, варежки, малахаи, рыбу. Приводили и собак — Сергей по местному радио объяснил ситуацию, намекнул, что экспедиции нужны дополнительные упряжки.

Филипп и Сергей занимались приемкой пополнения, а мы с Рыбным поехали за копальхеном. Копальхен — особым образом приготовленный корм для песцов, собак — хранится в складах, вырытых в вечной мерзлоте. Склад — заиндевевшая улица под землей. Штабелей с копальхеном — целые как бы кварталы с переулками. Голубому темному льду, быть может, миллионы лет.

Вечером это мясо рубил. Произошел не очень приятный разговор с Сергеем. Тот посмотрел на куски и сказал, что рубить надо гораздо мельче. Я ответил, что чукча показал именно так. Сергей насупился и отчеканил: «Надо рубить так, как говорю я. И вообще, тяжеловатый ты человек». Я только и смог ответить, что не стоит делать далеко идущие выводы из-за куска мяса. Разговор оставил неприятный осадок. Мне пришлось дать себе второй зарок: никогда, ни при каких обстоятельствах не продолжать разговор, носящий характер взаимных претензий. Долго еще в свете окна рубил мясо и наполнял прорезиненные мешки.

На полоску света вышел человек — в сапогах, очки, улыбка, фуфайка нараспашку:

— Не так рубишь. Собачке нужна маленькая порция.

Меня как дернуло:

— На Урале под руку не говорят. Как рубить мясо — я уже слышал.

То ли вид его неприбранный, то ли бесцеремонность тона покорила меня... Неучтиво отвернулся. Человек подышал мне в затылок и тихо ушел. Конечно, надо быть терпеливее. Но опять же: как горазды люди давать советы...

Как много собак привели!

Сытые, гладкие, лохматые, гордые, счастливые, тоскующие, лающие, отрешенные, неухоженные... Рыбин говорит:

— Не берите собак в сердце. Считайте их просто транспортом. Иначе потом трудно расставаться будет...

Гости, гости... Вот Петр Иванович Пеняуги. Называет себя русским чукчей (видимо, из-за усов). Рассказывает: «Охочусь на нерпу, моржей. Дочка есть, мама есть. Кроме меня еще 30 хороших охотников.

Моржи есть. Всего два лежбища, богатое лежбище в Инчоуне. Приехал сюда 28 августа 1943 года с женой».

— Так хорошо помните день приезда?..

— Война ж была! Каждый день считали.

Инчоун уснул. Так тихо, что слышно, как посапывают в каждом доме. Сами чукотские дома невзрачные. Против уральских пятистенков, как говорится, не плясывать, но зато удивительно держат тепло.

Хорошо в ночи. Собаки свернулись калачиком, как бы посидели от летящей поземки. И вдруг пошел крупный снег, сделалось совсем темно. А потом с океана, сбоку, будто рухнула еще одна плотная снежная стена. Под ноги ударило, развернуло. По ушам резанул свист. Ни зги. Пугающей тенью качался огонь от фонаря, но скоро исчез и он. Я поспешил захлопнуть дверь.

Мелкий сыпучий снег лез в невидимые щели. Казалось, что поселок качает. Отсюда, из защищенных сеней, через дырочку видно, как неизменно быстро и секунде несутся плоские слитки снега, как беснуется ветер, соединивший небо и землю.

Что может быть надежнее жилья! Мы сидели притихшие. Сразу вспомнилось, что на маршруте, этом десятидесятикилометровом пространстве, всего двадцать два поселка...

К утру отпуржило, приметало только слегка. Я рубил мясо острым топором. Вокруг — местные собаки. Вежливость их настораживала: они сидели не прося, но явно ожидая удобного момента, чтобы хватануть кусок.

Откуда они? Весь приличный собачий актив поселка на привязи.

Молча наблюдавший за моей работой парень словно ждал вопроса и ответил с поспешностью:

— Это старые собачки. В упряжке быстро не бегут. Берите любую, если понравится.

Залюбовался черным псом. Он поглядывает, склоня голову. Мощная грудь, седина у носа, лапы белые до колен.

— Иди ко мне, — сказал я. — Мы оба седые.

Но Старик (я его окрестил мгновенно) легко отпрянул.

Вечером с Филиппом укладывали нарты. Малица, спальник мешок, продуктовая увязка, фотоящик, рюкзак с теплыми вещами, керосин, мачта антенны — всего около 300 килограммов. Тащили нарты к месту старта. Рядом, радостная, крутилась Белочка. Будет первое расставание. Белочка остается в Инчоуне. Ей нельзя в компанию самцов, иначе кровавые ссоры неизбежны.

Последнее собрание.

— Все готовы? — спросил Сер-

гей. — У всех по десять собак? У всех нарты перевязаны, подтянуты, подбиты? У всех есть запасные алыки, потяги?..

Сергей осунулся. Ему тяжело уже сейчас: секрет все-таки, как он смог так организовать, что за два дня мы имеем еще 30 собак? Меня же вопрос о десяти собаках застал врасплох. Пока рубил мясо, ребята нашли недостающих псов, а у меня их всего восемь.

Вышел в ночь. И что: в свете фонаря стоит Старик! На радостях подбежал к нему, но пес спокойно отшагнул в темноту. Я эту собаку не отпусти! Быстро привел Белочку, привязал в светлый круг. Как заискрилась ее белая шерсть! Старик вильнул к Белочке. Я прыгнул, схватил пса за шею. Он не освободился. Руками почувствовал, как почти до костяной упругости налита его грудь. Старик дал посадить себя на цепь.

Что еще не успел сделать? Ах да, нерпичьи брюки! Чукчи носят их подвязанными, отчего поясница практически не защищена. Надо подставить полоску. Вышел с брюками на улицу. Смотрю: две женщины около собак. Показал, что надо сделать. Женщины согласно закивали, забрали брюки. Ни секунды не сомневался, что завтра принесут переданными.

Но ведь что-то здесь не так! Никогда раньше не было со мной, чтобы мог позволить себе попросить починить одежду просто прохожего...

Через час женщины спокойно принесли готовые брюки, я спокойно принял дар.

Теплым добром светится все, что делает этот небольшой народ, родной своей Чукоткой открывающий большую Россию. Нельзя не полюбить его — живой, страстный, веселый, робкий, естественный.

Ночь, а гости все идут...

Раненько, при стечении народа, выстроили упряжки: потяги белые, из синтетической ленты, красивые. Но у меня только девять собак! Сергей взглянул исподлобья:

— Нужно десять. Даю час. Где угодно.

Вспомнил про знакомого чукчу Серезу. По глубокому снегу побегал на берег океана, к невысокой избе. Собаки встретили лаем. Горела свечка: низко наклонясь над столом, Сереза рассматривал цветную книжку.

— Сергей, — сказал я с порога, — у меня не хватает собаки. Выручай. Очень тяжело встал из-за стола Сергей.

Никогда, ни при каких обстоятельствах в жизни не попросил бы о доверчивого человека необходимую ему вещь!..

У Сергея было четыре собаки.

Отпустит, одну — даже упряжки не наберется. Но и без собаки вернуться нельзя, все ждут меня одного.

— Я не могу уйти без твоей собаки, Сергей. Ты — последняя надежда.

Сергей печально мотнул головой. Он отцепил красивого пушистого пса с шальными глазами, сам повел его:

— Пес хороший. Но пока не ставь вожак, пусть походит в третьей паре, а там — выбьется. Карьеру хочет сделать. Имя у него длинное, назови своим, каким хочешь.

— Пусть будет Молодой. Старик у меня есть.

— Пусть...

(И выйдет в вожак Молодой, да за гордость, кичливость и вороватость упряжка разорвет его при подходе к Енисею.)

Вижу: бежит молодая чукчанка без платка, спешит. Догоняет и без разговоров начинает бить Сергея ладонью по щекам. Видно, Сергей отдал одну из лучших собак, семейную.

Сергей отбивался словами:

— Им идти далеко!.. В тыщу раз дальше, чем мне!.. Им далеко, мне близко. Им нужней!..

Только собрался сесть, как задняя черная собачка перекусила потяг, упряжка скрылась в переулке, а я с нартами остался на месте. Посмотрел бы кто на меня со стороны: смешная минута и горькая.

Из толпы вышагнул охотник с темным твердым лицом и протянул свою потяг. Быстро понял, что этого мало, наклонился, подвязал к нартам как надо и кому-то гортанно крикнул. Из переулка уже тянули мою упряжку. Упал животом на верх нарты, помчался по улицам, пряча голову от встречных столбов.

Океанская белесая гладь открылась быстро. За нами вышло из поселка еще несколько упряжек. Последний чай пили с охотниками у темного мыса.

Все-таки какие они — короли Арктики! Красиво подогнанная одежда, острый нож, надежное ружье, кисет с табаком.

Чай пили из наших металлических, обшитых кошмой термосов. Никудышный чай — взболтанный, теплый, невкусный, впервые — надо же, в Арктике! — не порадовался ему.

— Все, ребята, у вас будет хорошо, только не сдавайтесь собакам. Могут они дать вам бой, — сказал один из охотников.

— Какой такой бой? — не понимали.

— Ну, это словами не расскажешь...

...И собаки дали бой. Они легли в снег, будто осердившись на что-то, и забастовали. Артист (так я назвал черную собаку, откусившую потяг) обстриг алык и демонстративно лег невдалеке. Собак, если хочешь повиновения, можно взять лаской или силой. На ласку времени не было. Сергей ухватил за алык вожака, протасил упряжку за бугорок. Мы услышали хлопанье остела — тяжелой палки с железным наконечником, визг, извинительное вяканье.

Перевожу ситуацию на человеческий язык: вдруг псы ожесточатся? Вспомнил слова конструктора самолетов Антонова: «Пока самолет на полосе — груда металла. Оторвется от полосы — вот тогда он самолет!»

У нас есть экспедиция, есть цель, есть маршрут, но, пока собаки не подвластны команде, мы не можем считать экспедицию управляемой. Сергей бил псов, исполняя закон Арктики: отношения вступающих на тропу должны быть выяснены с предельной ясностью. Человек — сильнее собаки. Пусть будет так.

Через полчаса упряжка Сергея поползла в нужном направлении.

Сразу начался подъем. Дотацились до половины горы, встали в мягком снегу. Первый ночлег. Корма взяли на три дня, но я не устоял: брошенные куски собаки проглатывали на лету, голодный же блеск в глазах, похоже, только разгорался. Сердце дрогнуло — дал еще по куску; опомнился, когда обнаружил, что корма осталось на полтора дня.

Лагерь устроили так: в центре — палатка, по периметру — упряжки. Алыки размокли, размякли. Особенно те, которые сшиты из сыромятины. Ни одного челога: где порвалось, где перекушено, где лопнуло. Как еще держали! Хоть и проста конструкция алыка, да с тройной надежностью: он держится, пока не порвутся все три лямки. До поздней ночи чинили упряжь; сырая, она вкусно пахла.

При спуске с перевала заметил, что мои нарты идут не как у всех: забирают влево. Может, скопил груз? Но перевязывал его Филипп, упаковал всем, как и куда правильно пропускать веревку при увязке, мне же уложил и поклажу.

Остановился, присел к полозу. Ай, ай! Оказывается, ночью собаки перегрызли сыромятные ремешки, соединяющие копыл с полозом, тот и отошел. Крикнул Филиппа, подошел и Паша. Потом вернулись все остальные и даже Сергей. Обгрызть ремни могли только его, Сергея, собаки, на ночь привязанные к моим нартам. Как же он не знал, что подпускать близко к нартам собак нельзя!?

Дел по ремонту много: разгрузить, из маленьких дырочек на полозе выбить старые ремни и завязать новые. Филипп, похоже, не очень знаком с чукотским способом подвязки копыльев. Похмыкивая, он изучает чукотский узел, потом осторожно начинает работу...

Снова пошли сопки — невысокие, но с мягким снегом. Толкали нарты, кричали на собак. Стало жарко. С горы скатывались весело; когда нарты попадали в полоз идущего впереди, я и вовсе был счастлив. Как недалеко под сердцем лежит это чувство у каюра: катил бы полоз!.. Насечкой поперек пути — глубокие каньончики с водой на дне. Собаки с ужасом в глазах и страдальческим постаныванием перепрыгивали их. Папаха, мохнатая белая лайка, не достала до бережка, повисла над водой и закричала, как перед смертельной опасностью, — страх собачий очень близок человеческому: бояться ям, воды.

Сопки пошли круче, сквозь снег выбивались камни — мы вступили в отроги Чукотского хребта. Тактика ходьбы простая: Сергей берет сопку в лоб. Филипп, идущий последним, охает и хлопает руками: можно же обойти! Но Сергей не любит обходы. Не любит! Я тоже близок к тому, что объезд — длинное дело, а напрямую — ближе и яснее. Только на вершине понимаешь: впереди еще десятки сопко — запасайся терпением, дыши глубже, нам придется еще много раз подниматься. Понимаю: когда обхитришь сопку, обьезав ее у подошвы, наверное, чувствуешь себя умелым тактиком, но страшная трата сил при лобовых атаках впредсрывает в мускулы ожесточение. Может, оно-то и необходимо? Может, в этом и расчет, чтобы, загрузив на горках, душой порадоваться, как подарку, океанской лагуны, пусть и торосистой.

Но где же океан? На ночлег встали в глубокой долине, затянутой морозной мглой. Долго возились с палаткой: смерзшаяся; она гремела, щелкала, когда пришлось ее растаптывать, обивая лед. Я кормил всех собак. Так приказал Сергей. Своих пришлось немного обделить — слишком уж голодными показались псы Карпова, которые с отчаянием, торпедно бросались на летящий кусок мяса. Я жалел их.

В палатке морозно. Втиснулся Карпов, потрясая алыками, точнее остатками: пообкусаны, лахтачи части даже выедены. Как собаки не разбежались?! Вопрос: чем и как чинить на ходу? Хорошо, что в Инчоуне запасся веревками. Собак почил и довольно жестоко — мордой в снег, чтобы не грызли упряжь...

Еще одна ночевка. Теперь — у подошвы сопки, в распадке. Преж-

де всего сооружается как бы нартовое ограждение. Четверть часа, примерно, маневрируем, пока не подтянем нарты так, чтобы поводок первой собаки достигал задника последних нартов, причем — на достаточном расстоянии; опыт первой ночи был убедителен, к тому же утром Паша Смолин показал свой магнитометр, покрытый желтым комком льда: собаки почему-то облюбовали его при отсутствии столбика.

Затем каждую из десяти собак необходимо вывязать, то есть снять алык и пристегнуть на отдельную цепь. Разумеется, бродить при этом в глубоком снегу. Когда алык на собаке, она не отдыхает, ей необходимо чувство свободы, хотя бы призрачной.

Потом распаковываются нарты, ставится палатка. Сначала устанавливаются лыжи, на них — металлический конус. На него натягиваем верх палатки, потом отвертываем нижнюю ее часть. Втаскиваем вещи.

Я заносил ящик с фотоаппаратурой, спальник, десять алыков. Рядом устраивались ребята — Володя Карпов с рацией, Рыбин с медицинскими инструментами, Паша Смолин с сорокакилограммовым ящиком, затем — кухня с набором кружек, мисок, ложек, скороваркой. Шли следом спальники, малицы, последними вкидывали дежурные валенки. Палатка набивалась почти в два яруса вещами, и, когда мы расставляли все по местам, каждому оставалось по маленькой площадке. Потом шли помогать ставить антенну. Титановая телескопическая (то есть складная, как старинная подзорная труба), она выметывалась на 12 метров. Растяжки укреплялись на палки, введенные в снег горизонтально. При ветре мы с Пашей едва ее удерживали. Еще часа два уходило на то, чтобы натопить снег, сварить кашу с тушеной, вскипятить на утро чай. Самое раннее, к двенадцати ночи мы засыпали. Подъем — в шесть утра.

Самое тягостное — запряжка собак. Каждую собаку нужно отстегнуть, поставить в алык, провести к потягу, встегнуть. Пока запряжешь одну и берешься за другую, первая уже успела запутаться. Подсчитали: установка лагеря, его разборка занимала 4—5 часов. Все понимали: много. Выезжали не с лучшим настроением.

В первый день от Инчоуна * прошли 8 километров, второй — двенадцать. Таким образом, по всем параметрам — по расстоянию, по личному самочувствию, по организации движения — проигрывали графику очень сильно: к 10 ноября — больше 800 километров.

На третьей ночевке собаки дали нам решительный бой. Алыки — в ужасном состоянии, чиненые-перечин-

енные, причем на скорую руку, часто на ходу; запасные же кончились. Во что запрягать? Еще проблема — ошейники. Привезенные из Свердловска не выдержали сырости и мороза, быстро расползлись, распались, а надо было что-то повязывать на шею шестидесяти псам крепкое, неразвязывающееся. Подходящий материал — распущенные синтетические сети. Но не у каждого из нас они есть. Решение должно быть кардинальным. Профилактику знали: зажмешь обкусанный алык в челюсть провинившегося, пристукнешь — день не трогает. Завтра все повторять сначала.

— Будем макать алыки в керосин, — сказал Сергей. — Не очень гигиенично, но надежно.

— Отчего же, — возразил Филипп, — и гигиенично.

Проблему сохранности алыков от вечно голодных псов решили. И сразу новая: холод и сырость. Их дарила палатка. В первую ночь мы как-то не заметили отсутствия Филиппа, а во вторую с недоверчивым удивлением смотрели, как он укладывается спать. Филипп низко завывал малицу вокруг ног, вправлял вовнутрь капюшон и рукава и сваливался на нарты. А утром, когда мы снимали палатку, свежий и румяный помогал нам. Но собаки его уже запряжены, нарты упакованы, сам он в прекрасном настроении... Филипп не звал нас из палатки и ни разу не говорил о том, что ее можно не ставить, но живой пример, когда мы пурхались в темноте и тесноте, а Филипп был свободен и постелью ему была вся чукотская земля...

Вспомнил знаменитого Торо, прошедшего много лет в добровольном одиночестве: «Мы встречаемся слишком часто, не успевая приобрести друг для друга новой ценности. Мы трижды в день сходимся за столом и угощаем друг друга каждый раз все тем же заплесневелым сыром — нашей собственной персоной. Мы живем в тесноте и спотыкаемся друг о друга, и от этого, мне думается, несколько теряем друг к другу уважение. Для подлинного важного и сердечного общения такая частота не нужна».

Чувствовали и мы нечто подобное. Раз палатка не может быть спасением в Арктике от холода, в психологическом плане она, как ни суди, — инструмент принудительного общения. Вернее, несколько обостренного реагирования на то, что кто-то не так подоткнул лыжу, не так застегнул, не тот взял спальник или алык. Теснота — арена взаимных претензий. Как тяжело нести весь день-денешенек колочки этих претензий. А выход? Можно ли спать, как Филипп, вне палатки, в минус 30. 40 в Якутии, на полюсе холода?

Участок отрогов в районе Чегитуни похож на сморщенную кожу с лопнувшими венами. Они, не застыв, дымятся. Тонкие зеленые наледи весьма ненадежны, тем более, что кое-где припорошены снежком. Нарты сразу схватывают комковатым льдом. На берегу — не слаще: лед не доходит до тверди, в этой зоне хлебнешь и водички. Хорошо, что нерпичьи штаны и торбаса исправно не пропускают влагу.

Да, поддали жару теплые ключи. Собаки измокли, мы перепотели в эти два дня, содержанием которых было, пожалуй, единственное: сход в наледную воду, выталкивание на берег, мокрый снег, снова сход. Но румянцы у всех пылающие. Хуже всего Сергею: и первый он идет, и тяжелей — собственным весом сразу на максимальную нагрузку проверяет лед. Смотрю на грузоватую его фигуру, и напрашивается сравнение с медведем: внешне вроде медлителен, но в нужный момент — резок, мгновенно реагирует. Собаки ползут по животу в воде, к мокрой шерсти примерзает снег, упряжки гремят сосульками на бегу, как бубенцами. С великим трудом втащили нарты на скальную площадку. Их сразу схватило морозом, как впаило в снег. Ночевка.

— Палатку не ставим, — сказал Сергей. — Можно рыть пещеры под берегом. Возражения есть?

— Как готовить? Ветрено... — уточнил я.

— Рыть яму. Рыть укрытие, — совет Сергея был продолжением команды.

Снежный карниз заметно толст. Он безопасен: катиться ему некуда, а о землетрясениях на Чукотке мы что-то не слыхали. Распрягали собак с некоторым показным весельем: вернее всего, этим прикрывалось волнение. Володя Карпов установил мачту, вырыл себе снежную комнату. Я улегся на нарты. Решил себя привязать-таки: слышал, что человек, замерзая в Арктике, начинает инстинктивно раздеваться, может панически убежать. А при пурге — это конец. Обнаружилось, что не у одного меня нечем кормить собак. Видно, тоже сдало сердце у ребят: выдавали не по одному куску. Собственно, планировали дойти до Чегитуни за три дня, а брели уже четвертый, и пока не было достаточно ясным, сколько будем идти. Угрожающе коричневые пятна гор и сопки на карте пересекали путь.

— Кашу отдадим собакам, — подытожил Сергей.

Сами, значит, без ужина. Но естественность и простота, с которой мы решили отдать ужин псам, приятно согрела, хотя это была не жертва, а необходимость. Собаки, как темные изваяния, натянули цепи к скороварке. Страшно голодны они. Я принес теплое варовцо в полиэти-

леновом мешочке, каждой досталось по полладошки. Сам не соблазнился ни крупинкой, варевко кинул в снег. Всего на один жевок собаке, даже снег проели чуть не на метр.

Нам говорили в Инчоуне, что голодная упряжка может съесть человека. Глаза, по крайней мере, жестко и требовательно посеркивали. Когда я кинул пустую банку из-под тушенки, Артист так ее хватанул, что сплюснул и прокусил. Завернул банку в варежку, положил в мешок — для музея «Следопыта». Но ходил уже осторожно. А сердце сжималось от жалости. Декарт отказывал животным в душе, отводил им роль бесчувственных автоматов. Я не знаю о их душе ничего. Но мне дано ведь зачем-то видеть в собачьих голодных глазах все узнаваемые чувства — от надежды до мольбы, от угрозы до жажды ласки.

Ночью проснулся от удара. Открываю глаза: низко склонился Филипп Никитич, залепленный снегом. По шуму и злomu шороху снега понял: начинается пурга. Филипп Никитич закричал мне в ухо, чтобы я вставал и быстро шел к кострищу. Над лагерем текла лавина сырого снега, льдистых осколков. Снежный заряд! Отвязался от нарт, к лыже приторочил обвязочную веревку, с посохом этим пошел за Филиппом. Он исчез сразу. Стена снега! Веревка натянулась, я остановился. Совсем рядом — темные пятна, ребята, видимо, стоят. Не хватает немного веревки, чтобы дойти. Чуть порыв — стон пурги усиливается, стена плотнее; сам я, как снежный ком. Кричать бесполезно, видимости — ноль.

Сорвал поясной ремень, наставил веревку — тогда только и дошагнул до ребят. Все добела залеплены. Лагерь на глазах погружается под холмы снега и плоского, секущего, брэнчащего льда. Слов не слышно, но по Сергею понял, что надо держаться вместе. Нет Карпова. Его же может занести в пещере так, что не отыщешь! Ах да, провод от антенны — он приведет куда надо...

Чуть утихло, стали вырывать Володю. Он проделал лыжными палками дырки в снегу и чувствовал себя достаточно спокойно, но встрече обрадовался. Выволокли его вместе с рацией на свет божий. По лицу его поняли: Володя поражен ужасным видом лагеря.

А где собаки?

Нашли их по утонувшим в снег черным цепям. Снег затвердел, отрыли с трудом. Радости в собачьих глазах нет: повяли, поослабли.

Запрягли не скоро — заиндевели веревки, затянулись узлы. Корма не осталось ни у кого. Если за день-два не выйдем к Чегитуни, к океану, а точнее — к жилью, где есть корм, то... Дальше не думаю.

Дорога потянула в гору. Под-

нялись: впереди — сопки, сопки, и нет намека на океан. Спускались на квадратное темное пятно, оказавшееся домиком. Завернули туда в надежде найти корм. Но домик полуразрушен, окна продуваются насквозь. Собаки упали пластом.

Забрался на чердак, там была тьма и запустение. Володя Карпов обследовал домик еще тщательней. Завершил осмотр Рыбин.

Собак поднял пинками, первый раз бил ногой. Равнодушно потащились. Хвосты, как по команде, опустились вниз. Долго лавировали, но Сергей неожиданно повел нас в лоб. Филипп, как обычно, захлопал руками: проще же обойти! Но Сергей, не оглядываясь, толкал нарты и шел выше, выше. Следуем за ним. В гору идти всегда тяжело даже налегке. Собаки заглядывали недоуменно. Оторвался Давид и с отчаянной, извальной радостью начал закладывать круги вокруг упряжки. Нарты я отпустить не мог, едва держал их на уклоне, Давида проклинал. Но пес как-то быстро сник, подошел к своему алыку. Паша помог его встегнуть.

— В середку его, в середку, — крикнул Паше.

Паша понимающе кивнул, выдвинул вперед Старика. Тот встал на место вожака, как там и был.

До океана не дошли. Первый раз не докормили собак. Сергей мрачен. Карпов вышел на связь с базовой группой. Спросил Сергея:

— Сказать?

— О чем? У нас все нормально. Завтра будем в Чегитуни.

— Будем ли?

— Не сомневайтесь.

Когда говорит Сергей, не верить невозможно. Уснул спокойным сном в теплой утробе оленьего спальника. Володя Рыбин бормотал во сне.

Утром увидели наконец темную полоску. Собаки тотчас прибавили ход.

Но рано обрадовались. Океанто близко, да каньон неожиданно резко сузился, и мы чуть не попали в скальную щель. Как же выбраться на склон? Он так крут, что нарты легко опрокинутся. А на них — треть тонны... Выскреблись собаки Сергея, он исчез за перегибом. Ловко и резко прошел по стенке Рыбин. Медленней, но столь же надежно провел упряжку Карпов. Но когда вышел Паша, снежная корка дрогнула и поползла. Лавина! Паша поехал вниз, но, видно, ногами угодил в уступ. Ясно было, с каким напряжением держал он висающие почти над каньоном нарты.

— Хак, — кричали мы упряжке, — хак!

Рыжий Север выдернул упряжку.

Океан! Голубая тяжелая вода, беспорядочный лед. Какой крутой спуск! Одно спасенье — снег глубокий, собаки не разнесут. Но что та-

кое? Понесли, как сумасшедшие. Успел заметить искаженное криком лицо Карпова. «Стой! Стой!» — услышал как бы издалека. Упряжка моя неслась на голый скалистый край обрыва. Только бы держал остел, только бы не кончился снег! Артист, извиваясь, бесновался. Один Старик влисто встал у края, остановил упряжку.

— Артист, стойте! Чертова собака! — От удара остелом не удержался.

Перед нами был океан. На глазах свободную воду затягивало льдом. Ветер — холодный, лущущий — здесь чувствовался остро. Метрах в пятидесяти от берега уже выселись торосы. Полоскалась в разводах вода. За ледовым полем чистая вода неколеблемо синела до дали. А что же по курсу?

А по курсу — черные скалы, сизые разводы, никаких признаков жилья. Где же мы выскользнули? Просто выход к океану не решал ни одной проблемы. Корм, просушка одежды, отдых — вот что нужно. И Сергей уже мял лоб ладонью — к перемене погоды побаливала голова.

...Собаки понесли быстрее. Старик вывел упряжку на вторую позицию, за Карповым. Еще спуск. Мало того что крутой — длиннющий. Съехать надо по дуге. Опасный слалом. Почти шепотом послал Старика: «Хак!» Он взял влево, но Давид и Артист азартно рванули прямо. Запорошенный снегом карниз висел над острыми камнями берега. Всадил остел, от резкого удара чуть не вылетел из нарт. Артист же, мне кажется, даже подмигнув мне, плавно завернул и вскачь, в опор полный понес вниз.

Отдыхался только подле Сергея. Чуть напрягшись, он наблюдал за спуском.

Отсюда, снизу, виднее, насколько он опасен. Важно, как среагируют собаки: увлекутся прямым спуском — полетят вниз. Рыбин прошел на большой скорости по карнизу, спустился, чуть бледен.

— Молодцы, — сказал Сергей то ли про упряжку, то ли про нас.

Устрашающий желоб спуска, белейший снег, голубая полоса океана — все из того яркого, что бывает в жизни только раз.

Чегитунь... На порог избы вышел охотник. Нет, он не бежал навстречу, утопая в снегу. Он как хозяин ждал у крыльца. Пожал руки. Жали и мы — так крепко, как могут жать спасенные.

Немного опишу избу Рытлю.

Она состоит из двух половин: одна — жилая, другая — то ли склад, то ли мастерская, где хранятся сети, оружие; их соединяет холодная, забранная досками терраса. Хорошая

печь. Металлические койки с цветастыми одеялами. Транзистор. Рация. Капканы. Лампа. Чайник. Нож. Вещи все — красивые, основательные. Книжки «Хижина дяди Тома», «Разгром».

Одежду сушили целый день, как прикованные. Отойти нельзя: олений мех при пересушке ломается, недосушенный — прет, растягивается. Сушили одежду, ели... Рытлю — невысокий, легоныкий — приносил беремце рыбы почти так же, как мы на Урале носим дрова. Выкладывал на дощечку, распластывал ножом. Рыба не пахнет: вот белая, лоснящаяся срезом, вот красная, неестественной свежести, вот карандаши сойки, вкуса замороженного масла, голец, чир, омуль, нерка...

— Я самый богатый чукча, — говорит Рытлю. — Я на медведь ходил еще. У меня все есть...

— А как вообще с медведем ладить, если нападет? Бывало с вами? — Это просто-просто. Кидаешь вверх шапку, пока он шапку следит, копые ему в горло. Копье!

Михаил встает в напряженную позу, стремительно вскидывает руки, как бы ударяя копьем.

— Я сильный, — говорит Рытлю, переводя дыхание, — дам вам мясо на дорогу. Не раньше, чем через три дня. Сушитесь, отдыхайте. Идет пурга. Не пущу никуда...

По глубокому снегу бредем в рытлевские склады. В малахае, кухлянке, снегоступах Михаил передвигается легко, даже снег под ним не поскрипывает. На дощатых поддонах лежат громадные окорока копальхена — моржового мяса, зашито в толстые шкуры. Как Рытлю мог справляться с такими кусищами?! Мы их едва поднимаем втроем.

— Рубите сколько надо. Пусть собачки кушают много...

К ночи Рытлю вышел на связь с Инчоуном. Ему ответили:

— Пурга над Чукоткой. Охотники в поселке. Во льды не удаляться. Ждать. Ждать до сигнала.

— Три дня будет плохо, — сказал Рытлю. — Устройте собачек. Ветер плохой идет. Очень плохой.

Я привязал собак вдоль сруба одного из трех домиков Чегитуни. Старик потянулся ко мне, даже показалось, прильнул в тревоге, другие собаки крутились, царапая твердый у прикрытия снег; когда уходил, Старик резко толкнулся за мной, постоял и начал быстро рыть сугроб.

Успел ли Старик — проверить уже не смог. Едва прощупал одежду, подсохла или нет, послышался прерывистый шум. Потом шум перешел в гул, а тот — в сочный свист. Погромыхивала крыша. Пошел к двери, но Сергей приостановил:

— Пока не стоило.

А я уже открыл. По глазам удалили светящиеся струны. Снег летел режущими пластинами параллельно

земле. Скорость его ошеломляла. Наждачная, бритвенная стена неслась с угрожающим, зарождающимся в океане гулом. Какая-то сила втягивала в круговорот — шагнул и мгновенно был срезан. Казалось, снег прошил меня, понесло, как мятый кулек.

Как я изловчился ухватиться за угол дома — не помню. Втащился в сени, медленно отходил от страха. Совершенно новое ощущение: гибельная эта пурга. Живому тут плохо! Как собаки? Как охотники, врывающиеся в снег где-то на полпути? Что будет с нами, если?... Видно, такое мучительное недоумение было на лице, что Сергей, недовольно поморщась, дал знать, что не надо делиться впечатлением.

Отряхнулся, ушел в уголок. Беспокоят собаки. Как там Старик? Я впервые думал конкретно о Старике. Помнил его просительный взгляд.

— Давайте перетряхнем пожитки, — предложил Сергей, — может, что и не понадобится так остро, как казалось. Под пургу — хорошее занятие... Володя, может, оставим часть чая?

Чая у нас — мешок.

Рыбин поспешил опротестовать: — Нет. Буду везти сам.

Сергей промолчал, а Рыбин пошел в холодную часть дома — перетряхнуть чай, подупаковать.

Отпустило внезапно. Снег поглубел. Казалось, качались прозрачные волны — так играл воздух над берегом и льдом.

Но Рытлю качал головой:

— Плохо, плохо. Оставляйтесь. Пуржинка вернется.

Сергей, однако, приказал собираться. Рытлю выехал проводить, одел новые меховые штаны, камлейку приятной темно-красной отделки. Вид его независим и торжественен.

Мы съехали с крутого обрыва в реку Чегитунь, и упряжки медленно, можно сказать, важно покатили по реке.

Мы не оглядывались, каждый понимал — никогда больше не вернуться сюда. Приятный наш дом, прощай!..

Ехали часа два речным каньоном. Рытлю часто поглядывал направо: где-то был среди скал проход. Действительно, скоро показался маленький просвет. Рытлю ловко направил туда свою упряжку. Подъем почти по скальным ступенькам. Рытлю с легкими нартами проскочил, а Сергей с тяжким своим грузом застрял. Железные полозья, естественно, не шли по камню. Пришлось жаться ближе к уступу, где полоски снега, чтобы катился хотя бы один полоз. Сильный все-таки человек Сергей. Метров пятьсот — в подъем, злым рывком. Он дал нам знать: идти можно.

Путь по скалам занял часа три,

собаки буквально измождены. На скалах — синие тани, но чувствуется некое напряжение: то ли сырость в воздухе, то ли разряженность. Казалось, темнота растет снизу. Рытлю как-то поспешно попрощался. Мы пожали ему руку, мне показалось, что он смотрит на нас несколько испуганно. Его упряжка исчезла за перевалом с быстротой, нашим собакам пока недоступной.

Через полчаса поняли, почему спешил Рытлю: закрутило, завертело, казалось, в гигантском горшке со снегом безжалостная мутовка взбивает снежную взвесь. Нарты идущего впереди Паши только угадывались.

Очень близко увидел залепленное белым лицом Сергея.

— Держитесь потесней, ага?

Не успел ответить, нарты понесло вниз: упал плашмя на поклажу, хотел воткнуть остел, но он жалко заскрипел по твердому снегу; еще мгновение — и вместе с собаками рухнул вниз. Близко мелькнули острые концы титановых полозьев. Пашины нарты почти наполовину врезались в снег. Меня швырнуло на собак, они взвизгнули, по треску дерева понял, что нарты переломились. В страхе вскочил: за мной же Филипп, Сергей! Собаки с удивительным проворством выбрались из-под нарт, одна волочилась темным пятном. Господи, кому помогать? Где Паша, что с собакой, куда упал Сергей?

Тишина, только жалобный стон собаки. Мы упали в каньон! На карте нет каньонов, Рытлю тоже не говорил об опасных спусках. Где же ребята? Паша махнул рукой: мол, выберусь наверх, посмотрю — и тут же исчез. Ищу его глазами и, ошеломленный, вижу, что на меня летят собаки без нарт. Шмякнулись, запутались в живой комок.

Вернулся Паша. В руке — ракетница. Он выстрелил. Зашипело, но красный пучок повис низко. Полное неведение, кто где и кто с кем. Паша снова исчез, я склонился над собакой. Самая последняя, Нега, попала под полоз, ее протащило, теперь она медленно отходила от шока. Откуда же упали собаки без нарт? Услышал наконец близко голоса: Карпов, Сергей, Филипп. Не до рассказов. Начали ставить палатку. Забрались в нее обескураженные.

С ужином не спешили. Положение серьезное: во-первых, не знаем, где находимся, во-вторых, неизвестно, сколько продлится пурга; меня, ко всему прочему, тревожили сломанные нарты. С Филиппом выбрались из палатки. Еще крутило. Над собаками — белые бугорки: спят сердешные. Осмотр нарт неутешителен: полоз переломлен, держится только на металлической пластине. Филипп вернулся в палатку, принес

небольшой кусок дерева. Откуда взял — загадка. Полос укрепили. До Нешкана дойдет, если не спикурую еще раз.

Утром при рассеянном, брезжащем просветлении увидели, что упали не с обрыва, а со снежного гребня. Крепкий трамплинчик соорудила пурга! Как бы он не пошел по склону на нас. Поспешили поскорее убраться.

Что-то ошеломляюще быстрое совершилось за спиной: снежная пыль из белой стала золотой, золотистой, голубой, играющей невиданными оттенками. Край спящего солнца стал такой близкий, что я пожегился. Мир преобразился!

Солнце как бы высвобождалось. Из него исходили пучки лучей, и каждый падал стрелой в снег, горел в нем чистейшим светом. Всем спектром света!

Сырая тьма подснежного подвала превратилась в сияющий диск, где каждый выем сиял своим цветом, сверкал и переливался.

Володя Рыбин оглядывался онемело. Даль была золототканой, видимой на десятки километров вокруг. Глубокое расслабление вошло в сердце. Как на ладони, увидели ориентиры, про которые говорил Рытлю,— две сопки, гору справа, русло реки...

Для кого так мощно играла природа? Кто свидетель, кроме нас? И неужели это могло так вот кануть, не увиденное человеческим глазом, не впечатленное благодарной душой?

День стремительно кончался, снег тяжелел, скоро выступила вода. Собаки дергают вбок, боятся замочить лапы — надо вставать с нарта.

Как быстро холодает! Еще до вечера пришлось переодеться: вместо торбасов надел топки. Попросил Рыбина подождать, чтобы собаки не сдернули нарты. Не спешил, потоптался, однако варежку не уберет, выронил ненароком, собаки мгновенно ее съели. Даже до земли не долетела. Поставили палатку в последний раз, смотрели на нее, как уже на обреченную. Да и то сказать, немного она радостных минут доставила.

Филипп неожиданно и с грустью говорит: «Когда я открою дверь в родном доме?» Скучает Филипп. Он прилетел с Колгуева еще в июле.

В дневник:

«Обстановка у нас не сильно взрывоопасная, как-то все ладится. Честно говоря, я уже не раз про себя называл этот поход великой жизненной удачей. Великая удача обязана граничить с великим риском».

Утро чуть туманное. Я обнаружил, что собаки прогрызли мешок с кормом, собрал объедки. Если бу-

дем идти больше двух дней, снова предстоит голодный марш. Рассердился на собак. Несколькими раз заносил над головой Давида остел, но не опустил.

День ясный, но не очень чистый. Вспомнил вчерашнюю фантастику, когда солнце в одно мгновение подарило нам золотистую долину. А сейчас мела поземка и холодало. Низкие перья облаков обещали пургу. Хорошо бы проскользнуть за день!

Облачные перья толстые, небо мрачное — видимо, близко океан. Вышли на речной лед. И тут я впервые почувствовал прелесть быстрого бега упряжки. Река шла под уклон, расширяясь к океану, собаки бежали слаженно, красиво и весело. Пожалуй, пора представить мою упряжку. Впереди шел Старик и Молодой, за ними — Гимнаст и Нега, еще дальше — Артист и Папаха, а завершающими — Братья-разбойники, Давид и Смирнушка.

Остановились пить чай. Достали тяжелые литые кружки, распечатали термосы, но чай показался невкусным.

Снова — в путь. Упряжка Филиппа неожиданно быстро ушла вперед, он едва успел упасть на нарты и где-то в снегу остался лежать его прекрасный нож. Филипп вспомнил о нем только час спустя. В Узелене мы все крутили в руках этот нож — с ручкой из моржового клыка, с искусной резьбой, из прекрасной стали. Мне казалось, что этой вещи жить долго. Но вот в мгновение нож потерян. Как трудно сделать вещь и как легко ее потерять!..

Не зря кружились перышки — пурга. Сидим в избушке. Метет низом. Небо в прорывах голубое, но внизу видимость нулевая. Пробовал снимать, но пленку не тянет. Долго возился с камерой. Наконец пленка пошла. Поскольку я остался без мяса, Сергей поделился со мной. Много едим. Едим сойку мороженую! Она тает во рту, как масло; варим уху — за день съели почти таз. Очень много говорим об этике, о том, как вести себя с северным народом; говорим о медведях — сообщили, что их штук сорок пасется около выброшенной туши кита недалеко от Колючинской губы. Когда Володя принял эту радиogramму, мы переглянулись — такое количество медведей даже трудно представить. Филипп порассказал страшные истории о том, как медведи нападали на людей.

Шкура белого медведя лет с тысячу назад считалась чрезвычайной редкостью. В древних северных сагах упоминается, что за полученную в 1056 году шкуру белого медведя из Гренландии шведский ко-

роль Генрих отдал вполне снаряженный торговый корабль, значительную сумму денег, драгоценный золотой перстень.

Сегодня белый медведь охраняется законом. Нам просто нужно поосторониться. Но как? А никак! Пока ведь и страха нет. Просто не будем делать больших глаз, пока чист горизонт.

День практически темен весь, пишу при лампе. Сергей долго возится в углу с бумагами. Вечером вдруг просит нас послушать, что у него получилось. Он написал в «Советскую Россию» репортаж о переходе. Вроде неплохо. Диктовал Сергей до 5 утра. Каждое слово Карпов выкрикивает трижды: плохая проходимость радиоволн.

Впервые надел малицу, вышел запрягать собак. Все неудобно: очки запотевают — не могу руками достать до них, фотоаппараты висят, когда наклоняюсь, стучат по нартам. Медленно запряг, упаковал нарты. В малице тепло, но нужно менять буквально всю систему движений.

...Путь шел в гору. Вел Филипп Никитич. Я немного отстал поначалу и сердился про себя, что Филипп тянет по косогору, а не берет гору в лоб. Можно пересечь перевал, но Никитич затеял езду по склону, нарты идут вкось: сидеть невозможно, а идти в малице, да еще в гору...

В дневник:

«Утром снова пурга. Но мы, как бы не замечая ее, запрягли собак. Дорогу они не нашли, а нам из-за встречной снежной стены глаз не открыть. Океан близко. Лед поломало, дымятся полыньи. Вперед ушли Паша, Филипп, но собаки, описав круг, рвутся к избушке. Малицу не надел, ошибку понял сразу — жигануло по камлейке, она стала набухать влагой. Не пошли собаки у Карпова, Рыбина. Завернул обратно Север, причем бросился прямо в океан... Паша ринулся следом, на ходу сбрасывая малицу. Не успели даже среагировать — туман закрыл всех. Подошел тревожный Филипп: «Паша вымок, возвращаемся».

Редко когда прочтешь на лице Сергея тревогу, но тут она была. Он хотел победить перевал непременно сегодня, но обстоятельства сильнее.

Паша, правда, в океан не бросался; я так и не понял, почему Филипп сказал неправду. Наверное, понимал, что брат перевал в такую круговерть — бессмыслица. У меня самого было сомнение. А это — плохо. Я думаю, что нужно внутренней уверенностью помогать общим усилиям. Поддержал ли кто

верой порыв Сергея одолеть в пургу 13 километров до Энурмино?

Вернулись. Филипп Никитич весь вечер с загадочным видом точил нож. Я пошел к собакам, они сблизись в кучу. Забыл варежку: собаки съели ее. Пока ходил за новой — обморозил руки. Кожа вздулась, водянистые пузыри лопнули. Рыбин забинтовал так, что трудно держать топор. Долго разделявали моржа, открытого у избушки.

Сегодня стало ясно, зачем Филипп точил нож. Он взял мой спальник и распластал его вдоль и поперек. Отступления нет. Теперь мы без спальников. Я вспомнил, как этот тяжелый, хотя и теплый предмет отбирал у нас каждое утро по часу и больше. Логика одна — надо облегчить нарты. Да и, помнится, Никитичу пришлось выгонять меня, например, из спальника карабином.

Ребята используют лоскутки для ремонта тобоков. Никитич из разрезанного спальника сшил прекрасный мешок для фотоаппаратуры (мехом наружу), и теперь в Энурмино я смогу оставить свой фанерный ящик.

Под боком у большого моржа откопали моржонка. Сергей отложил его как лакомый кусок. Если начнем есть моржатины, то лучше начать с молодого мяса. Но Филипп Никитич этих планов не знал — изрубил моржа для своих собак. Мне это резко не понравилось, будто кусок изо рта вынули. Но волевым толчком остановил эмоции. Как трудно держаться приличий!

Утром выходили неуверенно: поземка низовая, страшный холод, собаки дрожат. Только вынесли алыки — те замерзли, стали колом, на собаку не натягиваются. Не мог поймать Артиста. Не подходит. Качаюсь на ветру с куском мяса. Подаю ему, он схватит, убежит... Поймал с трудом, но Артист перехватил алык, скрылся в снежных вихрях. Снова не пошли собаки у Паши, Север просто сошел с ума — как его прикормила избушка!..

А моя упряжка качнулась влево, я — за ней. Караван ушел вперед. Собаки повернули к избе. Как ни тормозил, они утащили. Большого позора в жизни не испытывал. С великим трудом развернул упряжку, но... остались с Пашей в пурге одни. Видимость — метр, не больше. Глаза слепит. Я сунул очки в рукавицу. Паша как-то слабо спросил: «Что будем делать?» — «Возвращаться», — сказал я. Связались с Сергеем. «Идите к домику!» — приказал Сергей. В голосе его слышно сожаление: приходится возвращаться всем.

Круг синего неба, овалы гор, сильная низовая поземка. Я весь обледенел. Высадил собак на цепь. Возился долго, бинты кровенят. Распаковал нарты, стаскал мешки. Ко

всему прочему ноги сырые, на подошвах тобоков — проплешины. Надо делать стельки. Воеет вьюга, а мы страшно далеко от цели. Сижу спиной к печке, чувствую, что и лицо липкое. Не умывался ровно месяц. Из варежки вытряхнул давленное стекло — все, что от очков осталось.

...В полусне услышал чужие голоса. Из Энурмино прибыли хозяева избушки. Они стесняются нас, топчутся у дверей, будто в гостях. Еще и возмущаются:

— Что же вы плохо искали? У нас же есть хорошее мясо!

Мы у охотников поубавили моржей, а они сетуют, что не лучших. Пойму ли я до койца, почему так легко становится на сердце от людского бескорыстия? Пойму ли, отчего я с жадностью смотрел, как одевался, отправляясь в качающиеся льды бухты Кенишхун на охоту, Паша Смолин? Он даже движения повторял те же, что охотники — настолько, видимо, вложена в нас способность понять, перенять опыт другого.

Способность к пониманию — лучший дар человечий... Мысль, понятно, с высоковатым пафосом, но не холодной же сердцу от нее.

Болят спина. Думаю о силе, которую надо искать. Вздыхнув, пошел нарвать травы для стельки. Как гнет ветер! Полчаса ловил травинки, сбегаясь от ожогов ветра. Да, в поле, таком вот поле один человек не может ничего. Не хотел, чтобы эта мысль придавила меня еще ниже. Не так все. Не так! Мы же люди, мы можем взяться за руки! Никогда так резко не чувствовал что от одной мысли человек может быть сильней.

До Чокурдаха 2000 километров, а прошли около двухсот. Идем уже 24 дня. Надо думать, как ускорить движение, иначе не «впишемся» в зиму. И ускоряться надо раз в 5—7! Удивительно, но драматизм ситуации не сознавали: отношу за счет спокойного тона Сергея. Он уверен, что выход есть...

А топор не берет толстую кожу моржа. Нашли ржавую пилу и пилим, как бревно. Собаки смотрят на нас умоляюще: им холодно, да и пурга вымотала. Покормили собак. Как быстро восстанавливает силы кусок моржатины! Псы повеселели. Сварили и бебе.

— Надо же когда-то начинать, — сказал Сергей.

Варево позанивает. Бульон — с песком, камешками. Шкуру дочиста не оскоблишь. Моржатины не показались самым худшим в мире продуктом. Пахнет, конечно, но и тепло почувствовал сразу. Паша, Карпов и Филипп пробовать наотрез отказались. Рыбин вроде занял научную позицию, то есть наблюдателя. Ночью же Паша с Карповым все-таки отведали варева. Не прикоснулся к моржатине один Филипп.

Тогда мы еще не знали, что одолели очень важный барьер. Когда откажемся от огня, то поможет нам выжить именно моржатины, готовность делить с собаками одну и ту же пищу...

В дневник:

«Утром Володя вышел на связь. Ему сказали: «Ребята, не тоскуйте, по всей Чукотке идет пурга. Однако — затихает. Через день-два можете выходить».

Но Сергей сказал: «Выходим сегодня!»

Тринадцать непройденных километров до Энурмино отняли у нас четыре дня.

Сергей как предчувствовал: сверху пробилась голубизна.

Мягким полукругом выступил перевал. Часа четыре шли до него. В гору собаки тянут понуро. На нарты уже не присаживаюсь: хрупнут еще. Перевал сужался узким горлом. В пургу у нас не было ни малейшего шанса найти эту щелку среди карнизов.

Нарты било о камни; вылетел один копыл, второй. До Энурмино, в полтеми, дошел едва-едва... Поселок запомнился бочками с голубым колотым льдом, углем в фанерных ящиках, мясом моржа невозможной твердости. Даже пришлось закупить новые топоры — прежние лопнули.

Первый раз почти за месяц умыл руки. Они были красные, распухшие, с гнойничками после обморожения.

Запах еды! Ужель на свете есть места, где еда дается просто так, без всяких усилий? Достал бумажку (рубль), а тебе — полная чаша горячего варева! Чистые передники поварих, белые тарелки, ложки и даже цветы на подоконниках...

Уж не на другой ли планете находится Энурмино?

Дома, почти утопшие в снегу, стоят у самых океанских торосов. Не шагни за дом — не увидишь океан: его закрывает гигантская ледовая щетка, которая к тому же поскреживает, как несмазанная.

Вечером — гость. Полнолицая Валя Вигчай, повариха, сидит у каминки и тихо переводит взгляд с подсушенных малиц на радиостанцию, с медикаментов Рыбина — на нашу скороварку. Вещи ее изумляют. Володя облегчил медящик, — протягивает Вале пакет, набитый препаратами.

— Куда мне столько таблеток, — удивляется Валя.

— Это же медикаменты!

Валя достает платок, укутывает пакет.

— У нас редко кто болеет. А может, не говорят. Буду просить, чтобы говорили...

Ночь постанывала от мороза. Мы гуляли по поселку. Ни одного журналистского вопроса не вырвалось: сколько человек в поселке? Чем за-

нимаются? Как складывается жизнь? Чего бы хотелось?..

Но как посмотреть на Арктику Валяными глазами?

Валя предлагает:

— Зайдем? У нас дома чай. Брат на охоте.

— Мама не посетует на поздних гостей?

— Что вы!

В сенях из угла поднялась большая черная собака. Приостановился. Пес напрягся.

— Уйди, Метель,— сказала Валя.

Почему так остро и без нужды защемило сердце? На цветной клеенке узкого стола стоит сахарница, два граненых стакана, лежит ложечка с обсохшим белым песком. Зачем же сетуют на засилье якобы одноликого ширпотребя? Едва ли не такая же сахарница стояла на столе у мамы в Коптелово. Едва ли не с таким же сахаром. Пусть мы едим из одинаковых чашек, пусть мы сидим за одинаковыми столами, пусть мы говорим одинаковые слова. Пусть! Пусть мы и чувствуем иногда одинаково. Одинаковы мы, россияне, одинаковы.

— Кто у нас, Валя?— встревоженно спросили из спаленки.

— Гость, мама, гость...

— Николай не поев уехал... Добрался ли?

— Он у меня пообедал в столовой. Горячего. Доедет. Не метет же.

Что спрашивать? В чукотской ночи едет охотник на дело, и в белом куржаке кухлянка его, дуга нарты, собаки... Только подумаешь, какво ему там,— ознобец от ног к сердцу идет. Не случайно сказал вдруг на встрече в энурминском клубе:

— Еще надо посмотреть, как назвать экспедицию, чья она. Идем на чукотских нартах, везут чукотские собаки, по чукотской земле, в чукотской одежде.

Но сколько ни думай, заботы остаются заботами: надо менять нарты и двух собак — братьев-разбойников, которые тянут плохо, похуди и, что самое удивительное, не переставая, грызутся, ссорятся.

В окно постучали. Выглядываю: во всю нижнюю стеклянную дольку — знакомая улыбка! Владимир! Приехал из бухты Кенишхун! Поймал себя на том, что вот в чужом далеком краю есть человек, встретить которого так неожиданно радостно. Машет мне отчаянно: выходи!

Владимир привез новые нарты. Не самые лучшие, но отдал какие есть, и ехать на них можно. Привел он и двух собак — черных, пугливых. Только они маленькими показались. Поделился сомнениями. Сергей удивленно вскинул брови и сказал, что я, видимо, ничего не понимаю в собаках, эти две — прекрасные лаечки.

Отдал разбойников: одного — Карпову, другого — Паше, а себе встегнул новеньких. Утром алык одного из них оказался пуст.

— Ищи, где хочешь! — приказал Сергей. — Не дело разбрасываться собаками.

Долго искал дом Володи. На стук никто не отозвался. Пришлось стукнуться в соседний дом, где горел свет. Вышла закутанная в шаль женщина. Я объяснился. Она поглубже запахнула, потыкала козлом в окно соседа, что-то крикнула. Вышел Володя — одетый, незаспанный.

— Убежала? — удивился он. — Какая хорошая!

Крикнул — пес отозвался, но из конуры не вылез.

— Бедная моя, — он вытащил смущенную собаку, донес до моих нарты. Кольнуло сердце: никогда больше не увидит хозяина.

Утро от дня отделял только недолгий золотистый вислох. Практически уже давно жили в темноте.

Сумерки — синие, клейкие. Вполне представлялось, что и как может погрузиться в темноту. Упряжки шли заметно быстрее! Надо сказать, что в Энурмино мы оставили и запасную теплую одежду. Вечером перетряхивали рюкзаки — намкнув и обледенев, они явно перегружали нарты. Что же убрать? Свире, гревший меня на вершинах Кавказа, Памира, Приполярного Урала? Варезки, связанные мамой? Шарф, сотканый руками дорогой мне женщины? Нет, от этих вещей не отказаться: явственно услышал мощный внутренний протест. Только Сергей отвернулся, я покидал все обратно в рюкзак, завязал поспешно. Ах тряпичники мы, тряпичники! Почти за месяц мы проклянулись едва к двумстам километрам из двух тысяч, положение крайне угрожающее, нужно (нужнейше!) облегчить нарты, но я будто прирос к варезкам, шарфам. Слаб человек против вещи. Слаб.

Сергей, видя мучения наши, незнакомо усмехнулся — одними глазами, — потребовал выставить все шесть рюкзаков как бы на смотр и приказал лишнее отнести на почту. Вот и все, поплывут наши запасные вещички тихим посыльным ходом в базовый лагерь. На нартах остался корм для собак, у меня — плюс фотоаппаратура, канистра для керосина, аптечка.

Итак, 2 декабря, после кенишхунской пурги, встал на Чукотке наст. Филипп, я видел, даже упал на колени и бил ладонями плотный, древесный, затихший снег. Это — пропуск из Чукотки в Якутию!

Наст — великолепное явление Арктики! Наст приходит как нечто всеожидаемое. И ближние, и дальние охотничьи и промысловые точ-

ки ее становятся — пусть трудно — доступными для мотонарт, упряжек, вездеходов, просто охотников. Жесткая, искристая щетина снега как бы выстилает тонкую полоску побережья между торосами и скалами Арктики.

Вышли на дистанцию в 60 километров от Энурмино до Нешкана. Надо пройти за день. Этот день придавал началу полярной экспедиции завершающий штрих. Мы входили в запланированный график. И еще: этот день вершил бы десятилетнее усилие руководителя экспедиции Сергея Соловьева и оправдывал бы надежды, возложенные на нас Иваном Дмитриевичем Папаниным, оргкомитетом, земляками.

Океан как бы потягивался, хрустел, посвистывал, погромыхивал.

Мы заметили, что свершилось что-то важное. Упряжки шли быстро. Невдалеке, на синем куске льда, белел медведь. Попробовал остановить упряжку обычным движением стелы, но куда там! Он только царяпал снег и гальку припая. Налет всей грудью. Усадил острие. Стоит медведь, стоим мы. Не стрелять же! Филипп махнул рукой предостерегающе: ни звука, ни движения!

— Нам дорого обойдется страх, — сказал Сергей, — нельзя терять времени.

Я сел спиной к упряжке: будь что будет. Мы прошли шестьдесят километров за день.

Это было движение по всем статьям отличное от прежнего. Нарты не тыкались, не переваливались, а скользили. Геометрия упряжек — пять собак слева, пять справа, ровный бег.

Полностью поглощен движением. Какое невиданное разнообразие возможности идти вперед — по камням, сопкам, каньонам, трещинам и так разнообразно быстро! Пожалуй, ночь эта — самая радостная.

Если вся ночь полярная такая — можно жить!

На подходах к Северному полюсу Роберт Пири, после двадцати трех лет упорного движения к цели, четырех неудачных попыток, писал: «Мы продвинулись так далеко, а каверзный лед чинил нам так мало препятствий, что теперь я осмеливался дать волю своей фантазии и лелеял образ, который торжественно до сих пор усилием воли изгонял из своего воображения — образ нас самих у цели».

Мне казалось, что и для нас именно здесь прорезался образ Мурманска. Мы вошли в график. Значит, можно... Если побеждать каждый день, то общая победа приходит как логическое следствие. Еще заметил: собаки не пугались, нарты не развязывались, вещи не терялись...

Глубокой уже ночью по разбитой тракторными санями дороге въехали в Нешкан. Молодой и Старик, набрав ход перед поселком, запутались в растяжке телеграфных столбов. Подоспел Паша и, ворча немного, помог распутать. Трудно ехать по поселку. Псы шалеют от запахов еды, теплого жилья, разнообразия троп и тропинок, обвивавших дома. Но вместе с тем собаки и приосаниваются, даже несколько гарцуют: чувствуют повышенное внимание к себе. Вот ведь какие бывают сюрпризы — в домике геологов, где нам отвели место, на столе, закинутая полотенцем, стояла банка молока. Что же, попробуем самое северное молоко страны!

Упряжку вывязал между сугробом и стеной домика — собаки сразу упали плашмя. Ветер завихрял верх сугроба, до горячих их боков не доставал. Постарался покормить как следует. Долго тюкал топориком плоские куски копальхена. Филипп прощупал моих собак, но ничего не сказал. Потряс мои нарты,

— Надо чинить.

— Надо, Филипп Никитич.

— Попробуй сам. Стоянка длительная. Не очень холодно. Если уж совсем не ясно что — зови меня.

Подступаться к ремонту побаивался. Да, в Инчоуне дали не лучшие нарты. Впрочем, что имелось. Распустил ремешки полоза — ба! Основания копыльев подточены, надо их менять! Тут и Филиппа звать бесполезно. Видно, вид мой донельзя был растерянный, что не ускользнуло от глаз чукчей. Один из них ловко перевернул нарты, осмотрел, простукал.

— Тащи-ка в сени ко мне, — полуприказал он. — Поставим на полоз!

...Впервые в Арктике услышали слово «нет». В Уэлене, Инчоуне на любую просьбу или даже намек на нее — легкий кивок, выражающий полное желание помочь. А вот в нешканской столовой на просьбу сварить мяса к утру для дороги услышали от повара жестоковатое:

— Нет, ребята. У меня — семья. Дополнительную работу делать некогда.

Очень приветливое, доброе русское лицо. Однако — отказ. Почему-то вспомнил совет Толстого: «Не проси!» Перекатились желваки у Сергея на это «нет». Он как-то тяжело вышел из столовой.

Нешкан — арктический поселок. Профессии: рыбная ловля, охота и... животноводство.

...Через узкие двери прошел в

темное, пахнущее мучным и сенным — к коровам. Да, к коровам! Что же мне надо в самом северном в мире коровнике, где с десяток буренок поят молоком нешканцев? Какой витамин просила душа?

Просто мне надо взглянуть своими глазами, не походя. Не любопытства ради. А основательно посмотреть, пронюхать, продышать сочиво хлева. Кажется, про детей циркачей есть выражение: вырос на опилках арены. Моя мама проработала в животноводстве сорок лет. День в день сорок лет, в трудовой у нее всего две записи: «Принята...» «Уволена...» Ферма — опилки моего детства. Сено, мерзлая картошка, мука, сырая от молока марля, тяжелые бидоны, автопилки, вагонетки, красные уголки с журналами, скрепленными шурупом. Мама водила меня туда, закутанного шалью. Никогда не оценил непростой этой житейской жертвенности военного поколения женщин... Работа у мамы была практически круглосуточная. Да дом на руках. Да огород. Да печь. Да стряпня. Да мы, малые...

Просто мне надо что-то привезти маме из похода — близкое ей и памятное. Когда я расскажу ей о самом северном в мире коровьем стойле, она как бы изумленно застынет на секунду: «Так прямо и стоят на льду? Там и лета, поди, нет». «Хоть не на льду, но океан рядом». Всплеснет руками: «Травы-то хоть дают?» — «Сено. Хорошее, прессованное. Везут на ледоколах...» А потом она скажет: «Вот сейчас ты исставленный отец. Обманываешь и не смеешься».

Помнится, Гончарова, возвращающегося из путешествия через всю Россию, до неверия глазам поразили в Якутии поля пшеницы и ржи, возделанные переселенцами по Индигирке, Чехова удивили огромные перины и подушки в домах Сибири...

Как ни говори, неизбежными представляем мы на материке северные пределы наши.

В местном клубе — встреча с экспедицией. Впервые слышим: «Геройский переход». Ждем: сейчас ведущий рассмеется — настолько это необычно звучит.

Нас растащили по гостям. В небольшом домике (прихожая, стол, кровать, кухня) молча пил чай. Андрей и Вера Гырыгуль — сироты. Их отец погиб во льдах. Вера учится на швею, Андрей собирается уезжать. Вера красива — тонкое лицо, тихие, осторожные движения; когда спрашивают — подходит близко, как бы присматривается.

— Папу ждали неделю. Упряжка пришла без него. Льды сильно ходили. Нарты как ледяной комок сде-

лались. Мама легла и не встала больше.

В сенях заворохотил кто-то тяжелый, Вера тихо рассказывала:

— Это Туман. Скучный сидит. Теперь один остался от всей упряжки. А у папы лучшие собачки были в Нешкане.

Быстро вышел в сени. Да, Туман — красивейший из псов, каких мне доводилось встречать на Чукотке. Изжелта-серый, крупный. Он сразу встал, как по команде. Ох, силен!

— Отдай, Вера!

— Берите.

Вывел его на улицу.

Какой мощный ход! Пес посмотрел на меня только раз, но с окончательной доверчивостью. Тут же высадил его к упряжке.

— Любите! — сказал своим строго.

Старик посмотрел на Тумана с интересом, Давид скучно отвернулся, а у Артиста не дрогнул ни один мускул. Приняли!

Но нужно решать, кого убирать из упряжки: вакансий только десять. Прости меня, Папаха, но Туман будет полезней. Чтобы Папаха не уязвлялся за упряжкой, привязал его к столбу. Как он натягивал струной поводок, просясь обратно! Упряжка для собаки — работа, корм, жизнь. Теперь пес лишился всего, не понимая — почему. Прости еще раз, Папаха! Мы, люди, не держим ответа за поступки перед животными. Плохо это, судьба еще накажет меня за тебя. И нам, людям, бывает больно, когда ни за что выстегивают из упряжки...

Собираться начали в пять утра. За час собрались. Упряжку едва сдерживал. За Нешканом — обрыв, и все во мне ахнуло, когда буквально спланировал с высоты на снег лагуны. Туман даже стонал от счастья, так ему хотелось работать. Карпов оглядел пса с недоверием, но километров через пять уже засматривался с уважением. Видно, Туман — из редких, страстно неутомимых псов. Какая радость!

Туман сразу внес в жизнь упряжки приятное рвение.

Радость была полной, и только к вечеру (по часам) вспомнил, что ночь будет долгой. Для того чтобы она кончилась, надо выйти из нее живым.

Ледовые сносы лагуны Кантильгын усеяны плавником. Он цепляется за нарты, алыки — рвет, дергает, нервирует. Появились трещины. Собаки немного паникуют, но Туман не дает никому передышки. Широким махом идет на трещину, дергает, и я каждый его рывок чувствую через усилие всех собак.

Вышел вперед. Филипп морщится. Ему надо меня сбродить, но Ту-

ман — еще и азартный пес. Чуть приближается упряжка Филиппа, Артист и Туман, крысаясь, надают. Это вносит сумятицу. Пришлось поставить Тумана сзади, но и там он работает без обиды, со рвением. Старик, умеющий беречь силы, только головой покачивает: «Ну и ну...» Огибаю трещину слева, врезаюсь в Филиппову упряжку. Собаки запутываются. Предстоит адская работа по растаскиванию двадцати собак.

— Куда же вы, Сергеевич, прете! — говорит Филипп достаточно сердито.

Меня подмыло: будто я виноват!
— Скажите это собакам, Филипп Никитич!

Он всхликает, рука падает на карабин:

— Собакам? А если я их сейчас пощитаю.

— Но-но! — говорю я и не прячу угрозы. — Не делайте глупости, каюр.

Распутали, разъехались, но внутренин озноб долго не отпускал. Карабином пугнул. Ишь каков!

Передняя упряжка нырнула в русло реки. И пропала! Подъехали к обрывистому берегу, но в темноте ничего не видно. Стоять и ждать, когда пропавший появится на той стороне? Но Филипп (это он оторвался от нас), видимо, стоял и ждал нас. Уж больно густая темнота в лоне реки! Ринулись вниз. Глубоко внизу, как будто в конце туннеля, увидели темное пятно — Филипп!

Какой гордый! Осердился, крикнуть лень. Но в небе объявилась луна. Стало серо, чернота прояснилась.

Вышли на небольшой балок, похожий внутри на пещерку с ледовыми сталактитами. Огонь не разжигали. Володя построгол несколько рыб, поели.

Впервые в жизни уснул стоя — места мало, да и покапывало с потолка от дыхания. Почему-то вспомнил некрасовский «Мороз, Красный нос».

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой.
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой...

Стало не по себе в ледяной этой тесноте. Вышел на мороз. В полулуньи собаки казались круглыми темными кочками. Рыбин неподвижно сидел над жоаком. Очарование и страх чувствовал я. Отступили вдруг и холод, и сосущие ощущение голода — давило тоскливое, тревожное чувство бесприютности. Это — неотступное влияние гигантских расстояний. Плотная дебелая луна как бы сгусток поблескивающей серости. Собаки неестественно неподвижны. Да есть ли где жизнь?

Проворным и бесконечным ужом вползала в нас полярная ночь. Так что же она такое, полярная ночь?

Приведу два высказывания. Первое принадлежит английскому полярному путешественнику Кэну: «Я чувствую, что мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть с непреодолимыми силами природы. И полярная ночь, и полярный день старят человека быстрее и неумолимее, чем целый год, проведенный где-нибудь в ином месте».

Нансен, дрейфовавший в ночи на «Фраме», отзывался так: «...полярная ночь, ты похожа на женщину — пленительную женщину с благородными чертами античной статуи, но с ее мраморной холодностью. На твоём высоком челе, ясном по горизонту, чтобы отыскать друг друга, чистом, ни тени сострадания к мелким горестям человечества».

...Вот и отлились мне собачьи слезы! Сергей с обидой выговаривал мне, что Папаху можно было кому-то отдать, хотя бы Карпову (тот кивнул). В суматохе сборов я предлагал Папаху Паше, Рыбину. Не взяли. Совесть и без того жестоко глодала меня за оставленное на произвол судьбы существо. Сергей меня тихонько добил... Карпов по рации справился о положении в Колючинской губе. На карте она похожа на бутылку, куда Чукотское море напихивает лед, сжимая его в гармонь. Можно представить, какие там торосы от давления многокилометровых ледовых полей!

— Да вроде нет торосения, — сообщил Гена Чеурин.

— Сам видел? — быстро спросил Сергей.

Гена приуמוлок.

— Люди надежные передали, — сказал Игорь Соколов, — ледовая разведка.

— Много им сверху видно, — ворчал Филипп.

Да, тонкие кинжалы мелкой торосистости с самолета не углядишь, а они-то и опасны для лап собак. В общем, в неведении мы были: как бы не пришлось огибать Колючинскую губу — это двести с лишним километров.

Филипп пожевал губами и ускользнул. Видно, пошел разведать. Растворился в темноте легко, будто и не было его. Сразу заняло сердце, честно говоря, боишься за каждый шаг друга. Вернулся через час:

— Да, не очень торосы...

Выхода, я почувствовал, нет. Пойдем прямо, торосами. Выдержали бы нарты. Не подвел бы Артист. Не подвело бы его изумительное чутье на след.

С трудом удерживал собак при выходе, и когда они рванули, мо-

ментально перевернулся в торосах, снаряжение вылетело. Сергей помог увязать. Но пласт копальхена, который я упаковал под фотомешок, не зная куда сунуть, выскользнул. Еще потеря: оставил на стоянке кружку. Это уже третья потеря такого рода. Какое-то кружковое наваждение. Впрочем, будет ли чай? Что-то не надеюсь...

Нарты шарахало об лед. Сергей добавил мне в поклажу мотор. Это Туман «заработал» лишний груз. «Нарты переломятся», — как можно равнодушнее предупредил я. «Это будет общая забота», — закрыл тему Сергей.

Стало заметно тяжелее, особенно на такой торосистой дороге. Филипп объявил, что в ночи пойдем по ритму собак, то есть до тех пор, пока они способны идти. Их отдых — наш отдых. Добавил: «А часы спрячьте подальше...» Я их остановил вообще.

Слабость и всепобеждающая сонливость по телу, в глазах заощипывало. Слева зазяла темнота — обрыв! Справа — вертикальная тень! Коридор узок, как скальный карниз. Встаю близко к нартам, придерживаю. Да не галлюцинации ли это, о которых предупреждал Володя? Иду рядом с нартами, а страх просто обжигает. Остановился, собаки сбились в кучу. Не пошли и Филипповы псы. Паша даже подталкивал Севера, но тот скручивался калачом, ложился в ноги. Рыбин даже не пытался гнать. Карпов лег среди упряжки — то ли устал сильно, то ли собак уговаривал.

— Успокойся пусть, — предложил Сергей, — постоим часик.

Стояли молча, мороз мурашками побежал по ногам и выше. Нет, стоять не следует. Но кто стряхнет оцепенение, кто выйдет вперед? Сергей трудно, до неуклюжести, вышел вперед своей упряжки и, жужжа ручным фонариком, двинулся в темноту. Его Тарзан потоптался, потоптался — повел упряжку следом. Поплелись и наши. Сергей вел километров пятнадцать. Страшная трагедия сил! И какова выдержка: упряжка могла сбежать! Как замороженные шли следом. Правда, в радиусе 50—60 километров — поселок Нутепальмен, но близ да около можно ходить долго. Похоже, направление на поселок не ловилось. Сергей выставлял нас по кругу.

— Смотрите внимательно.

Мы должны были засесть зареце, которое в Арктике бывает даже от лампочки. Я наконец заметил продолговатую звездочку. Показал ее Филиппу — мы оба очкарики, — он радостно закивал: вижу, вижу. Решили, что ошибки нет.

И снова забрезжил перед глазами белый щит. Инстинктивно, боясь удариться, отклоняюсь. Взгляд влево — там пропасть, взгляд вправо — там гора. Галлюцинации. Осторожно побрел, держась за остел. Видения исчезли.

Звездочка, на которую шли, раздвоилась, вместо нее — две тусклые лампочки под забитым мохнатым снегом коллаком. Да это же никакой не поселок, а ледокол! Вот он! Я подъехал. Как мощно корабль осел во льдах!

— Собак простудим на чугунной палубе, Филипп. Это же ледокол.

— Да, пожалуй, — согласился Филипп, — надо взять левее, чтобы не поддаваться соблазну.

Краешком сознания думал-таки: если отвернем от поселка, собаки без подкормки совсем станут. Снова скатываюсь с нарт, чтобы стряхнуть оцепенение. Но Старик, встав, слепо смотрит вперед, команды не слушает. Тряхнул Молодого, Давида — взвизгивают, как от боли, крутят головой. Пытаюсь поставить впереди Тумана — нерешительно топчется, хвост поджат. Артист вообще не понимает, что от него требуется, тупо улыбается. Кто же? Иду к Старику, опускаюсь низко к его морде. Она в инее. Осторожно смахиваю изморозь:

— Выручай, Старик. Одна надежда на тебя.

Старик немного постоял, сделал шаг, натянул алык.

— Хак!

Упряжка будто проснулась, вздрогнула, Старик тяжело набрал ход. Этот выведет куда надо! Близо услышал шуршание, как мне показалось, опасное. Оглянулся и чуть не вскрикнул от ужаса: прямо на меня неслась упряжка без нарт. В иглисто-белесом тумане она, казалось, просекала воздух. Что это? Ударил по собакам. Они, к удивлению, пустились догонять привидение, ибо совсем-то оно из глаз не пропало. Видение остановилось: собаки топчутся, волочатся алыки. А если я поймаю руками пустоту? Что будет с моей, так сказать, психикой? Я вижу натуральных собак или мираж?

Ближе подбирался, естественно, мелкими шажками. Это же Пашина упряжка! Но где нарты, где Паша? Я понимаю, что не могу сообщить простую вещь: собаки отвязались.

Паша, заиндевелый, «на двух собаках» догнал наконец. Видно, и собаки галлюцинировали — никак не брали левый поворот, туда, где чудился обрыв. Я видел, Старику приходится сдерживать упряжку. Какая сильная рука у природы! Наверное, этой ночи, твердому снегу, холоду, еще кому-то очень не хотелось, чтобы мы двигались.

В Нутепельмен не въехали — вползли. Не горело ни одно окно. Стены, как мукой, обсыпаны снежной пудрой. Никто не поднимался с нарт. Сергей побрел по улице искать людей. Я забылся. Чьи-то руки подняли меня, кто-то уже занимался упряжкой. На столе, в светлой комнате сельсовета, куда нас завели, краснели в стеклянной вазе яблоки, пахло теплым хлебом.

Ко мне подошел Филипп, извинился за карабин...

Нутепельмен в переводе — край земли. Сто тридцать шесть жителей. 45 кочегаров. Выпекают 28 бухлок хлеба. Больница. Библиотека. Клуб. Двадцать человек — русские, 106 — чукчи. А всего 16 национальностей. Основное занятие шестнадцати охотников — промысел моржей, рыбы, пушнина.

Это все рассказал Иван Наумович Матюшенко, председатель Колочинского исполкома. В Арктике он 26 лет, украинец.

— А вообще, ваша экспедиция — стоящая... Она — тихоходна... Вы многое видите.

Зашел в самую северную библиотеку страны. Катя Луквуна, очень симпатичная чукчанка, спросила украинченко:

— Почему не сразу сюда заглянули?..

Смотрю, что читают. Чехов... Юрий Рытхэу... Станкевич... Фадеев.

...Вечером Артист перегрыз веревку, ушел на промысел. Решил наказать его. Но Григорий, молодой парень, — неотступно со мной и молниеносно перехватил руку с тяжелым остелом:

— Никогда не надо. Собачка не заслуживает.

— Она знает вину — не обидится.

— Собачка знает, что хочет природа. У ней нет вины.

Ходим по поселку. Вглядываемся. И такую возможность нам предоставляют: помогают рубить мясо, чинить нарты. Правда, и Сергей, и Филипп, и Карпов наотрез отказались от того, чтобы кто-то порубил мясо, но мы с Пашей молчаливо приняли помощь. Бесшумно, ненавязчиво Гриша рубит тонехонько мясо, а после обеда исчезает.

— Куда же, если не секрет! — спрашиваю потом.

— Да за льдом же!

Он пилит лед в торосах, развозит по домам.

В восемь вечера (стыло, темно) пошел в торосы, чтобы заснять поселок. Темнота и холод оцепили разом. Даль непроницаема. Жутковато стоять на плотном снегу вблизи океана, чувствовать немилосердность холода...

По случайному или не случайному совпадению в этих местах повернула обратно, не дойдя до Бе-

рингова пролива, экспедиция Врангеля в 1822 году. Врангель писал:

«Отдаленное путешествие, усилия при переходе среди торосов и переправах через полыньи привели наших собак в самое жалкое положение. Не имея более табаку, мы не имели возможности достаточно запастись кормом для собак, что при совершенном изнеможении их принудило меня переменить прежнее намерение описывать берега до самого Берингова пролива и возвратиться поскорее в Нижне-Колымск...»

Здесь вмерзала в лед экспедиция на «Веге», идущей в Берингов пролив. Норденшельд писал:

«При сильном ветре снег переносится в более высокие слои воздуха, быстро наполнявшиеся такой густой снежной пылью, что временами ничего нельзя было различить на расстоянии нескольких метров. В такую погоду не было никакой возможности предохранить дорогу от заносов, и тому, кто сбивался с пути, грозила верная гибель, если он не мог по обычаю чукчей переждать бурю, зарывшись в снег».

Все эти опасности висели над нами. Сергей обошел собак, прощупал одежду. Слышал, как они негромко говорили с Филиппом: собакам надо или еще пару дней, или полторный паек; и чтобы ни у кого ни одной дырочки на одежде!

Беспокоило отсутствие связи. Третий день не слышали мы базу. Карпов не спал всю ночь. Позже мы узнали, что Гена Чеурин после истечения трех дней, как долженствовала инструкция, обязан был объявить аварийную обстановку. Нас могли бы снять с маршрута.

И самое главное, не было ясно, как обходить мыс Онмон — то ли по торосам внизу, то ли по скальному гребню...

Сергей, закрывшись в комнате с охотниками, долго расспрашивал их. ...Постучали в окно: погибла собака!

Мы, потрясенные, полураздетые, бросились к упряжкам — каждый думал про своих. Сдох Копальхен, Володин вожак. Он лежал в свободной позе, подобающей вожаку, но снег на нем не растаял. Это был честный пес, настырный и смелый. Мы все его любили. Копальхен выскальзывал из любого ошейника, но никогда не опаздывал к упряжке. При кормежке мог посягнуть на мясо другой собаки, но при сильном отпоре уважительно отступал. А если собака трусливо отдавала свой кровный кусок, он задавал ей трепку.

Это была первая гибель собаки. Володя посчитал, что Копальхен погиб из-за перенапряжения.

Карпов наконец вышел на связь, и Сергей передал Папанину весточку о наших делах. Иван Дмитриевич откликнулся одобряющей телеграммой. Мы повеселели.

Поселок Лаврентия.

— Делай, как я!
Легендарный И. Д. Папанин
и руководитель маршрутной группы
С. Соловьев.

Наташа Феноменова, дочь
начальника полярной
станции о. Преображения
(море Лаптевых).

Уэлен. Ожидание снега,
ожидание старта.

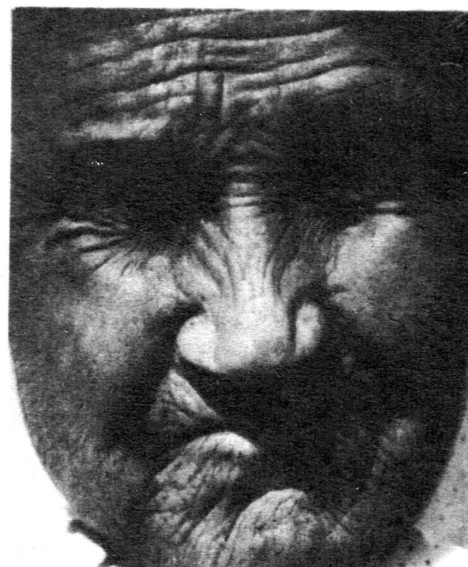

Югорский полуостров.
Днем отдыхали,
ночью шли.

В якутской тундре.

Один из лучших охотников-волчатников
страны Николай Иванович Дузинский.

Поморка Анастасия Ивановна Прокошина.

Лагерь у мирового
полюса холода
на Яне.

Врач Владимир Рыбин.

Встреча. Ангелина Сергеевна Ардеева и каюр Филипп Ардеев.

У победной черты вместе с лауреатом Ленинской премии
Василием Песковым.

Так улыбаются чукотские ездовые.

Остаток дня заготавливали мясо. Копальхен тверд, как бетон. Часа три ушло на то, чтобы отрубить по тридцать — сорок кусков на три дня, за которые мы рассчитывали дойти до Ванкарема.

У меня по-прежнему остро стоял вопрос о вожаке. Кого поставить первым? Старик — консерватор, возраст сказывается. Не знаю, чему учил его прежний хозяин, но мне казалось, в какой-то сложный момент он мог заупрямиться. Да и не очень хорошо идет по следу. А в пургу — это гибель...

Последние гостины. Сидим у врача из Уфы. Ей откровенно опостылел Нутепельмен, молчаливые чукчи. Печально: она ни во что не вникает, отсюда — неприязнь к Арктике. Хорошего не услышали, а плохое брать в дорогу не хочется.

Достаточно нам напутствия Матюшенко, который в России одним из первых среди народных депутатов (по поясному времени) является на работу, затапливает печь, садится за бумаги. Спит еще вся Россия, а Нутепельмен уже знает, как будет жить день сегодняшней и завтрашней...

Упаковал нарты, но место вожака пустовало. Предчувствие трудной дороги как-то замедляло выбор. Взял и почему-то поставил вперед двух черных собачек из Инчоуна. Они так перепугались!

Долго ждали Володю Карпова. Мы практически готовы, а он только снимает антенну, которая запуталась на ветерке, не давалась. Володя начал в раздражении пинать собак. Похоже, просто нервный срыв. — Хватит, Карпов! — крикнул Сергей.

Мы молча наблюдали, не двигаясь: по этике санных путешествий в отношении каюра с собаками не вмешиваются.

Рыбин нетерпеливо ерзал, ждал шкуру своего погибшего Копальхена — еще вчера он отдал его чукчанке, которая обещала сделать все как надо. Нутепельменцы подарили Рыбину пса, чем-то даже похожего на Копальхена. Но Володя еще не отошел от потери, радости не высказывал.

Только выехали — черных собачек сразу же смяли. Артист прошел по ним, присевшим от испуга, как по пустому месту. Гордый пёс! Я снова поставил вперед Молодого и Старика, а при ветре и пурге, где надо держать след, на подмогу буду выпускать Артиста.

Что за Арктика такая! Не успел скрыться за торосами Нутепельмен — посыпал мелкий снежок, задул ветер, вихорки закрутили почти горизонтально, — верный предвестник непогоды.

Километрах в десяти Паша обнаружил, что забыл мешок. Что делать? Сергей пожал плечами.

Паша с виновато-угрюмой решимостью снял малицу, подвезался веревкой, побежал обратно по узкой косе. Никто не успел ни возразить, ни остановиться. Мы легли спать. Сергей скорчился, на лице — боль: опять смена погоды, заболела голова. Через час он развернул упряжку, скинул поклажу и поехал навстречу Паше. Еще через час увидели совершенно заиндевшего Пашу, за ним с отрешенным видом Сергей вез забытый мешок.

Только выстроились для езды — закурило окончательно. Невидный в снежной вихорке плавник цеплял за нарты. Пробирались тихо, не теряя из виду серые штыки торосов. Убавляющие качкой, не скоро заметили, что бело и слева, и справа. Филипп сказал, что двигаться опасно — белая линия утеряна. Что ж, проверим холодной ночевкой, как отремонтирована одежда.

Ветер, однако, доставал везде: он дул как бы со всех сторон и с одинаковой силой. Я отчаянно мерз.

Неожиданно все стихло. Над головой я, скорее, ощутил, нежели увидел что-то необычное: прямо на нас шли широкие цветные бесшумные ленты. Северное сияние! Близкое, нацеленное прямо в меня!

Однажды летом, в селе, попал в сильную грозу. Молнии падали в сырую траву, извиваясь, подползали к самым ногам. У меня тогда шевелились волосы на голове. Сейчас они тоже словно потрескивали, казалось, мы с заснеженными нартами и собаками лишние тут, сейчас нас бесшумно срежет, растворит.

Сначала — страх, потом — удивление, потом — очарование фантастической игрой света. Может, я впечатлителен? Может, ребята, вскочившие и застывшие изваяниями, эту красоту не чтут таковой?

Послушаем Врангеля, Нансена, дающих классические описания этого явления. Вот что пишет Врангель:

«Над северным горизонтом показывается слабый свет в виде сегмента. Сегмент света спокойного и слабее полной луны. Потом от времени до времени являются в нем (по большей части в восточной стороне) движущиеся столбы или пуки лучей сильнее света, поднимающиеся снизу вверх, движущиеся и кривящиеся как будто от действия ветра. Такое движение столь же заметно, как хождение облаков при крепком ветре. Внутри сегмента как будто от действия ветра зажигаются другие столбы; все собрание столбов принимает свое движение в одну общую сторону, и по двух- или трехминутном промежутке исчезают столбы постепенно один за другим, уступая место вновь появившимся...»

А вот Нансен:

«Огненные полыхающие массы разлились теперь блистающими мно-

гоцветными потоками-лентами, которые волновались, взаимно переплетались, змеились по небосводу как на севере, так и на юге. Лучи сверкали чистейшими хрустальными цветами, преимущественно фиолетово-красными и карминными, как рубины, и самым ярким зеленым, как смарагды (изумруды). Всего чаще лучи у основания были красные, а выше искрились зелеными огнями, которые вверх, становясь темнее, переходили в синие и фиолетовые, чтобы затем слиться с синевой неба. Нескончаемая сверкающая игра красок, фантазмагория, превосходящая всякое воображение. По временам это явление становилось до такой степени грандиозным, что захватывало дух. Казалось, вот предел уже достигнут; сию минуту что-то произойдет — быть может, рухнет небеса. Но как раз, когда от напряженного ожидания замирало сердце, огни внезапно слетали легкими и быстрыми блестками вниз. Миг — и нет ничего...»

Нельза не заметить, что Нансен эмоциональней воспринял сияние. Но не в одном литературном таланте дело. Просто человек нашего века ближе к конкретной природе. Он нуждается в ее красоте, ищет слова, точно и насыщенно ее выражающие.

Прекрасное возвышает нас. Но есть еще право на возвышенную мысль, вернее, на ее провозглашение. За Нансеном такое право признали. Вот как оценили газеты того времени патриотическое и общечеловеческое значение норвежской полярной экспедиции:

«Мы суетимся в своих загородках с утра до вечера, с колыбели до могилы, чаще всего так почти никогда и не выбираемся из этих загородок. Но как обстоит дело в данные дни? Все мы почувствовали, что есть что-то хорошее и вне наших загородок, что есть более обширная, обобщающая всех нас загородка — наша Родина. Перед нами открылись широкие виды, мы ощутили в себе лучшие, благороднейшие порывы. В чем главная могучая сила, заключающая мысли и идеи одного человека? Она способна пробудить нас, вызвать к жизни все, что есть в нас хорошего, научить нас видеть великие цели, широкие горизонты, простирающиеся над всем человечеством...»

Крутился около нарты, инстинктивно ждал утра. Забыл, что утра не будет, что темнота — надолго.

Не уверен, что выйду живым... Остро ощутил привкус детской, саможалостливой горечи от мысли, что жизнь не гарантирована.

Прибрел Филипп, как обычно, тронул носком табака и сказал, что потихоньку отправляемся. Собаки

тянут слабо, мерзнут. Шли мы вдоль берега, снова усеянного топляком. По карте путь лежал через лагуну Пындыпыльгын до горы Велькувой к мысу Онмон, через который мы должны спуститься к мысу Ванкарем. Если не пурга, этот мыс высотой около четверти километра мы пройдем за трое суток.

Мороз чуть влажный, одежда сыреет, схватывается льдом. Над океаном серые и темно-серые пятна. Небо в этом месте тяжелое, непроницаемое. Мыс Онмон почти без снега — черные камни, скалы. Как тут лавировать? Придется идти по камням; хорошо, что испуг от таких рельефов оставили еще на Чегитуни. Нарты у меня ненадежные, но Старик ведет ровно, не дергает, не бьет о камни полозья. Филипп начал закладывать галсы, то есть сначала брал резко влево, потом — параллельно вершине, потом — резко вправо; таким образом, зигзагами, начали подниматься. Когда полоз падал на острые камни — шаркало, дергало, звук от металла доставал до зубов.

Не зря старалось сияние. Едва выползли на вершину — запуржило. Да так, что головы не поднимешь. Снег сырой, липкий, плотный. Ход нарт упал. Услышал треск, поклажа покосилась. Одного взгляда хватило: разломилась копылья. Сергей Рыбин, Карпов, Филипп ушли вниз, мы с Пашей застряли на остром гребне. Крутило и свистело как в аэродинамической трубе. В рост стоять — невозможно. Собаки легли. Толчки ветра усилились, меня отодвигало к береговому обрыву, — так может сдуть и в океан. Паша осмотрел полоз. Чтобы притянуть копылья, необходимо сверлить дырки для ремешков. А сверло — у Филиппа.

Долго выходили на связь. Наконец недовольным, как мне показалось, голосом Сергей спросил, где мы находимся. Объяснили ситуацию. — Сверло бы, — несмело предложил я.

— Дайте ракету. Вас, сами понимаете, не видно.

Ракета ушла, зашипев, почти невидной. Если спустится кто-то из нас, — один остается в положении угрожающем, да с двумя упряжками. Подниматься снизу — легко потеряться на склоне. Острая жалость к себе за невозможность что-то изменить. Собак заносило снегом. Одежда, нарты подернулись ледком. Как приговоренный к казни согнулся за нарты.

По рации сообщили, что поднимается Сергей. Почти невозможно отыскать нас. Если Сергей уклонится, ему не поможет никто. Искать человека в таком аду бесполезно.

Через час, согбенный под ветром, вышел на перегиб мыса Сергей. Он промахнулся всего на несколько шагов; отдал сверло, рух-

нул на снег. Ручное сверло Филиппа выскальзывало, не брало мокрую древесину. Попытался взять силой, но погнул его. Кое-как одну дырку Паше все-таки удалось проверить. Остальное приторочили поверх полоза.

Спуск был ужасным: ехал один полоз, нарты шли юзом. Надежда — только на Старика: он не даст разогнаться упряжке, иначе все пойдет кубарем — остатки полоза, поклажа разлетятся по склону.

Несколько раз камни сильно ударили по целому полозу, но он отделался, как выяснилось позже, только трещиной.

Лагеря не было — одни темные снежные бугорки показывали кто где.

— Ну что ж, завтра починаем нарты, — сказал я.

— Нет, завтра будем выходить, — поправил Сергей.

Понял, что всю ночь придется заниматься починкой.

Чинили часа четыре. То при свете фонарика крутил сверло я, то брал Паша. За спинами надуло сугроб. Потяг уходил в него, и как там, под снегом, собаки? Наконец можно отдохнуть. Вырыл кинжалом ямку, постелил оленью сидуху. Снег падал густо, причем липкий, только бы воздух был! Кинжалом пробил его, но залепляло быстрее, чем успевал провертывать отверстия, для воздуха. Если не буду успевать прочищать, — попаду в ледовую ловушку... Пришлось выбраться из норы.

Утром ножами долбили лед; выковыривали собак. Чуть тронул, — нарты наехали на собак, которые едва царпались по склону. Как скользко! А до океана — сопка на сопке. Вверх — собаки до крови рвут когти; вниз — нарты наезжают, чуть не калеча их. Сопкам нет конца; я злился на Филиппа, что он опять шел наискосок, а не спускался к подножию мыса, — там вышли бы на припай.

Злился, конечно, из-за совершенно сырой одежды. Казалось, по всему телу поставили холодный компресс и не отнимают. Собаки тоже шли обмакнутые в воду.

Вдали показалась и манила нас часов шесть тонкая цепочка огней. Это — Ванкарем...

Поселок совершенно пустынен. Безлюдие, глубокие тяжелые тени от низких домов. Каким-то развороченным снежным каньоном мы вышли на улицу и остановились у фонаря на столбе. Как из-под земли появились люди, стали распрягать собак. Привычное гостеприимство чукчей — оказывать помощь не спрашивая. Надо мной склонилось широкое улыбочное лицо: «Я Юра — Юрий Васильевич Тымнетаген. Я помогу маленько».

...Четвертый день живем в Ванкареме. Печь, постели на полу, ведра с едой. Подвел маленькие итоги: еду плохо, из-за меня несколько раз останавливалась экспедиция, дважды мы с Пашей отставали. Плохо пока отснял полярную ночь. У меня нет ни одного снимка северного сияния. Самое главное — на одной из ночевок, когда ребята взяли у меня керосин, чтобы смочить им алыки, я не проследил: канистра оказалась пустой. В одну секунду решил: молчать.

Нарты разбиты, одежда раскисла, снимки не идут, на душе так темно!.. Может, хватит? Может, сесть на вертолет и улететь? Пошел узнавать расписание. По дороге, пробираясь через сугробы, я чувствовал, что, если узнаю расписание, — непременно улечу.

Начальник вертолетной площадки взял меня под локоток, повел домой.

— Послушай-ка лучше музыку, небось, соскучился... — и дал стопку кассет. А сам ушел.

Всю ночь я вставлял кассеты в магнитофон, как диски в автомат. За ночь музыка выжгла тоску. В четыре утра вернулся в избу, тихонько пробрался на свое место. Поедем дальше!

...Отнес раскисшую малицу сунуть в избу к гостеприимной чукчанке. С нартами решилось еще проще: Юра забрал их в свою избу, чтобы починить, но, разобрав и осмотрев, прямо сказал, что дальше идти на них нельзя. Отдал мне свои. Я уже не реагировал на дар, хотя отдать нарты в Арктике, в переводе на материковый язык, все равно, что отдать человеку, полумавшему машину, свою целую, навсегда.

Тяжелые дни прожили мы в Ванкареме.

В дневник:

«11 декабря. Карп»в сутками сидит у рации — никак не может выйти на связь. Тут же засыпает за столом, тут же чинит свои нарты. Пурга не утихает. Ветер меняет свое направление, и приходится периодически перевязывать собак в подветренное место.

12 декабря. Ванкарем полностью занесен снегом. Наконец решился сказать Сергею, что мы несколько дней шли без керосина. Неожиданно он прореагировал совершенно спокойно: «Ну что ж, раз шли пять дней без керосина, пройдем и остальные двести». А вечером решили отправиться в путь без огня.

13 декабря. Плач и тоска. Поход труден неимоверно. Хочу пройти маршрут, но — как? Володя вышел на связь, и неожиданно вместо информации с базы приняли вопросы болгарского телевидения. Спрашивают, как у нас в пути с юмором? Мы от души расхохотались. Знают

болгары, что спросить в трудную минуту. Себе приказ — надо снять по часу в день. Надо держать-ся, вкалывать, работать!

14 декабря. Еще день в Ванкареме. Завидую просто работающим и живущим здесь. Я сказал Володе: «Дорогой, спроси меня: что такое счастье?» И сам ответил ему: «Счастье — никуда не ехать». Ездил на Ванкаремскую «полярку», организованную еще в 1932 году. Сидели, пили чай, смотрели «Бешеные деньги», но не воспринимали. Страсти на экране кажутся чуждыми.

15 декабря. Это — единственный день, который ничем не отмечен. Мы были как оцепенелые. У Володи от сильного ветра упала мачта, и когда ему сказали, он не обратил на это внимания, продолжал вызывать базовый лагерь. Не представляю, как нам завтра выходить».

Провожать вышел весь поселок. Я с трудом запрягал собак. Пытался работать с камерой. Сделал несколько снимков, оглянулся — упряжки уже нет. На другом конце поселка ее с трудом удерживали чучки. Меня вызвал провожатый Юра. Вокруг Ванкарема — цепь торосов, плавник, много мусора, проволоки, пробраться трудно. Юрины нарты оказались удобными, широкими. Мы все еще идем на железных полозьях и, видимо, на ближайшей остановке — мысе Шмидта — придется их менять на лиственничные.

Собаки взяли быстро. У Паши оборвалась рыжая Нерпа и со страшной быстротой скрылась в поселке. Ждать было некогда. Паша обескуражен: убежала лучшая собака.

Втянулись в лагуну Ванкарем. Предстояло как можно скорее идти до мыса. Дальше дорога пролегает через лагуну Амгуэма. Здесь попереки вставали отроги хребта Энкатанского и шесть рек — Ангуэма, Койвэйгыль, Кэмузм, Чгоут, Этманан, Вывыткай. И очень сложное, опасное место лагуны Тэнкэргынпыльгыин — коса Двух Пилотов. Сил душевных — на доньшке, дорога далека... Кончается только одно из пяти морей — Чукотское.

Сергей объявил новую тактику — движение по ритму собак. Пока идут они, не останавливаемся и мы. Дали псам ходовую волю. Я видел впереди согнутую спину Рыбина. Это было единственное, за что держался глазом, жизнью, движением.

Вдруг пятно исчезло. Я взял немного влево, пытаюсь догнать, но скоро почувствовал, что собака впереди нет. Воткнул остел, перегнулся через дугу: собаки висят над обрывом! Внизу, в торосах, барахтаются собаки Сергея. Рыбина нет. Вырываю остел, падаю с обрыва. Нарты летят кубарем, ударяют по ноге — раз, другой. Третий удар, чув-

ствую, не выдержать: просто лопнет кость. Но между мной и нартами оказался Артист. Он пронзительно завизжал. Я отлетел в кучу собак Сергея. Затем на нас свалились нарты Паши. Неожиданно проворным рывком отскочил в сторону. Собакам все-таки попало. Тут же объявился Володя Карпов. Он приземлился под самым обрывом.

Собаки распуtywали почти на ощупь. А после торосы не пустили нас на лед, поэтому продвигались по уклону. Нарты приходилось держать почти в вертикальном положении.

В темноте весь обрыв не виден. На сине-густом прорыве неба заалела луна. Высматриваем хоть малейшую возможность выбраться наверх. Набрели наконец на устье реки. Поднялись по нему, посчитались. Нет Володи Рыбина. Связали нарты вместе, стады ждать. Пускали ракеты, кричали, но под берегом океана была полная тишина. Собаки затеяли драку. Начали хватать и увязку нарта. Моя упряжка почему-то напала на сидушку и вмиг разорвала ее в клочья.

Ни на секунду не мелькала мысль, что с Володей может что-то случиться. Арктике Рыбин не по зубам.

Еще через час выскользнула красная ракета, мы дали ответную. Дождались! И страх, и радость на лице врача. Оказывается, попал в трещину, долго вытаскивал нарты. (А ведь не позвал на помощь!) Острые края трещины срезали мешок с кормом, фотоаппарат. Так что Володя приехал на голеньких нартах. Не развязываясь, двинулись по крутому обрыву. Это опасно, собаки могут сорвать вниз. Филипп резко взял вправо; видя крайнюю усталость и возбужденность собак, предложил встать на ночевку.

Первый раз за всю экспедицию почувствовал сильный голод. До обморока. Знал, что не будет горячего чая. Хлеб и строганина — обед, ужин, завтрак. Хлеб окаменел. Володя попытался разрубить его топором, но булка разлеталась на мелкие кусочки. Я нашарил что-то в снегу, добавил несколько кусочков сахара, с тем улегся у перевернутых нарта.

Даже сквозь двойной слой оленьей одежды снег казался сухим и жестко-холодным. Кто-то тихо постучал по малице. Я сказал, что сейчас встану. Сделал движение, но встать не мог. Снова стук, я снова говорю: сейчас встану. Пытаюсь встать — и снова ничего не получается. Когда в пятый раз ответил на стук, подумал, что это галлюцинация, и попытался забыть.

Утром увидел, что лежал близко от потяга, собаки крутились, веревка касалась малицы.

Впереди — Амгуэма. Мы погрузились в ходовое оцепенение. За

два дня и две ночи не проронили практически ни слова. Только движение. Когда становилось нестерпимо холодно, я вскакивал с нарта, шел рядом с ними, иногда бежал. На следующую ночевку мы встали у какой-то полуразрушенной избушки. Я все бродил и никак не мог найти себе место — как только ложился, неистовый холод поднимался от ног к голове. Только Паша лежал неподвижно, и во мне произвольно возникла враждебная зависть. Сергей разогревался шумно — бежал стометровки; он стер подошвы и мерз, конечно, неизменно.

Двигаться, двигаться, двигаться! Понуру запрягаем. Маленькое приключение с Володей Карповым: он задумался, его упряжка зашла в торосы, с одного из торосов нарты ували, копылья лопнули. Володя едва смог доехать до избушки. Филипп долго чертыхался, поправляя, потом предложил идти дальше. До устья реки Амгуэмы оставалось 30 километров.

Сергей сказал, морщась: — Подождем. Что-то неладное собирается.

У Сергея безошибочный нюх на пургу... Приказал распрягать собак. Филипп демонстративно уселся на нарты — считал, что мы успели бы добраться до Амгуэмы.

Избушка была уютная, с запасом продуктов. Я помог Володе поставить антенну. Едва успели закончить работу и затащить скарб, ветер погнался по земле миллионы бритв — режущих, секущих, свистящих. По ветру, по его низким порывам мы поняли, что эта пурга — из тех, что называют гибельными. В такую пургу ни в торосах, ни на открытом месте не спастись. Какой гений придумал эти стены, двери, печь!

Тепло в Арктике дает ощущение единения человечества, холод — невыносимого одиночества.

Филипп разыскал в тусеках избушки муку, масло, испек лепешки. Мы остро и реально почувствовали, что Сергей спас нам жизнь.

При свечке пытался читать. Сергей лежал рядом. Поворачивается ко мне, говорит: «Ты знаешь, что над экспедицией висят три смертельные опасности?»

Прозвучало неожиданно, даже не нашелся, что ответить. Может, Сергей имеет в виду, что за два месяца мы прошли ничтожно малое расстояние из тех 10 тысяч, на которые замахнулись? Недосыгаема пока даже база в Чокурдахе, и мы не знаем, как увеличить скорость. Может, Сергей думает, что нам все труднее идти ритмом собак? Может, он думает о том, что впереди — Амгуэма и очень сложные участки мыса Шалаурова, а дальше за Айоном на расстоянии почти 800 километров не будет жилья!.. Наша

ближайшая задача — мыс Биллингс. И взять его надо к новому году.

Амгуэма — одна из первых северных рек на пути. Не без волнения ступили на лед. Ветер вылизал на нем окна-линзы. Сквозь них видно, как где-то глубоко внизу несутся вода.

Что-то мне не нравилось в ходе нарт. На одной из остановок перевернул их: два копыла снова вылетели. Как мне везет на поломки! Здесь, не на очень крепком льду, чинить нельзя. А вот на западном берегу есть избушка, где можно надеяться на корм. Долго крутились вокруг нее — не могли найти вход, настолько мастерски он сделан. Володя Карпов нащупал все-таки дверь. Вошли и, к счастью, нашли камин, немного дров. Рыбин решил подсушить свою маску, но в тепле вздремнул, маска упала на раскаленный камин, сгорела. Он побледнел: потеря маски — большая беда, обморожения не миновать...

...Остановились отдохнуть. По неподвижной фигуре Володи Рыбина я понял, что у него неприятности. Подошел ближе: в сумерках лицо его казалось синим. Обморожение видно сразу.

Он сказал:

— Не хотелось бы сходить с маршрута, но идти дальше не могу. Был единственный выход — жать на собак, чтобы оставшиеся до открытия или избушки километры пройти с наибольшей скоростью. Собаки, будто чувствуя беду, шли сильно. Филипп Никитич построил караван строго — через каждые 15—20 километров мы останавливались. Собаки падали, мы отключались. Паша смотрел на приборы, уточнял пройденное расстояние. Мы сходились в круг и — снова вперед.

Я подумал о жестоком законе Арктики, где человек практически не всегда может помочь другому, где он должен выдержать экзамен на болевое одиночество, когда друзья рядом, на голод, когда в мешке еда, на сон, когда ночь, да не уснешь...

Вот и коса Двух Пилотов... В 1929 году ледовая обстановка в Чукотском море оказалась неважной, и пароход «Ставрополь», шедший из Колымы во Владивосток, встал на зимовку у мыса Шмидта. Среди его пассажиров стали появляться больные. Эвакуацию поручили известному летчику Слепневу. Выделили ему два самолета и поздней осенью в разобранном виде доставили в бухту Провидения.

Нелегко подпускала к себе Арктика! Полгода понадобилось, чтобы вывезти больных людей с корабля.

Здесь же, у мыса Шмидта, в том же году зимовала американская шхуна «Нанук». Владелец шхуны отправлял в Америку пушнину, разумеется, с разрешения Совет-

ского правительства. Операцией по вывозу руководил летчик Ген Алсон. 10 ноября американские самолеты вылетели с Аляски, но плохая погода заставила один из них вернуться с мыса Дежнева, другой исчез. В течение целого месяца американские летчики тщетно искали его. 26 января, пролетая над тундрой в районе реки Амгуэмы, заметили торчащее из-под снега крыло. В район катастрофы прибыл и Слепнев. Через 20 дней откопали тела погибших Эйелсона и Борманда. Вот и появилось в русской Арктике название — коса Двух Пилотов.

Трудно представить, чего стоила коса нашему Володе... Через шесть часов совершенно однообразного пути — слева серые торосы, справа скалы — мы вышли к ледовому бугру. Володя передвигался с помощью Карпова, шатаясь.

И снова ночь. Торосы прижаты к самому припаю. Это — океанский берег. Только что пережили небывалое видение — северное сияние, именуемое короной.

Над головами вспыхнул шатер. Сияние исходило из конуса. Белый шар как бы выстреливал пласты света, они мгновенно меняли окраску: зеленая, желтая, алая, синяя... Полюхало небо бесшумно. Наше ощущение шло, видно, от ожидания грома, треска, разлома неба самого: не могла же, в самом деле, природа в таком безмолвии творить этот ослепительный танец. Даже малый просверк молнии на материке вызывает гром! А здесь — при невероятном буйстве красок — слышишь, как собаки позвякивают карабинчиками.

Корона — редкое явление в Арктике. Старался запомнить бег цветов, впечатление. Но кроме того, что никому никогда, кроме шестерых, природа не повторит именно этого космического залпа, я ничего не испытывал. И еще более легкое сожаление, что завтра закрутит пурга. А нам не нужна пурга! Хотя мы идем стабильно по 50 с лишним километров в сутки, по графику должны уже быть в Якутии. Скорость мала!..

Итак, ориентиры: реки Койвельвертын, Кемуэм, Тыйуют, Экиатап, Вызыткар, лагуны Генкозтыппильгын, Эрчкын-Манны, Капытгокыманы, Рыпыльгин, Валькакимманга.

Почти все обморожены. На нос Рыбина, увеличенный и цветной, нельзя смотреть без смеха и жалости. Обморожены ноги у Сергея. Не удалось сберечь руки мне. Карпов не показывает пальцы, но видно — тоже обморожены.

...От мыса Шмидта ушли так быстро, что решили «сделать» не-

доступные пока 100 километров в сутки. Сразу отстал. У Володи Карпова выстегнулась собака, смотрела с недоумением, как мы пронеслись мимо. Оставили ее. Филипп задал сумасшедший темп. Собачьи лапы мелькают, как барабанные палочки. От Шмидта идет зимник, разветвленный, но обозначенный четко. Отстал совершенно.

— Ничего не пойму, — сказал я поджидавшему меня Филиппу. — Бегут собаки хорошо, а скорости нет: сорок пять километров за шесть часов.

— Смени Старика, тут нужен темперамент.

Встегнул Давида и Артиста. Как они подхватили! Старик сник. Он шел, как чужой. «Ты прости меня, Старик, тут нужна молодость».

Пошли мелкие сопки. Как хорошо, что в Шмидте удалось сменить металл полоза на листовницу. Она припелава и присвистывала, но скользила великолепно. И было сто километров суточного пробега в полярной ночи!

После этого марафона Старик отвернулся от меня. Но не надолго. В полосе пурги пролива Лонга Артист и Давид под встречным ветром зарыскали, потеряли скорость, легли. Даже наказывать бесполезно. Всем они хороши, но не могут распределить силы. Снова встегнул Старика. Он вел надежно и степенно.

Пурга принимала все те же знакомые гибельные очертания. Ребята с непривычной и даже аварийной быстротой вырыли ямы собакам, себе — укрытие. Старика взял с собой — надо отдохнуть ему возле хозяина. Забылся на короткую минуту, а когда очнулся, пса не было. Я подполз к упряжке. На своем месте лежал Старик. Без ямки он не пережил бы эту холодную ночь. Дорогое мое существо! Ты не захотел никакого блага вне своей упряжки! Какой тихий урок ты преподнес мне, человеку. Ты настоящий вожак!

...Почти безумный крик: «Ракету!» Вижу только, что упряжка Филиппа рванула в глубь пролива. «Ракету!» Почти инстинктивно встаю на остел. Пускаю красную. Сергей спрыгивает с упряжки за Филиппом. Медведь! Рык собак, выстрелы. Потяги натянуты струной. Отпусти — там в торосах все сохнет в кровавый комок.

Пускаем еще ракеты. Ждем. Волосы на голове потрескивают. Филипп втягивает упряжку. С нее все срезано острым льдом — корм, топор, аварийный запас. Бредет следом Сергей. Все живы.

О, этот пролив Лонга! На остров Врангеля со всего материка бредут медведицы. Там их родильный дом. Медведей в проливе десятки...

...Едим раз в сутки.

«Суп жульен с вермишелью. Рыбный пудинг с картофелем. Пудинг Нурдаля. Мороженое по-гренадски. Домашнее пиво Ригнеса. Мармелад или суп из бычьих хвостов. Оленье жаркое с брусничным вареньем. Крем из морошки со сливами. Датское фермерское масло». Это — обеды дрейфующего «Фрама», с которого Нансен ушел к Северному полюсу.

Долька рыбы, два кусочка сахара, лед с усов вместо чая — это наши обед и ужин.

Почему, имея все, Нансен не дошел до полюса?

В памяти последние строки дневника Лонга. Его экспедиция на «Жанетте» пыталась пробиться к полюсу. Корабль затерло во льдах и раздавило, но люди отправились в дельту Лены. С 13 июня по 20 сентября экспедиция упрямо шла к берегу. 20 сентября Лонг записал:

«Открыли последнюю банку консервов. Ее должно хватить на четыре дня, после чего мы вынуждены съесть нашу собаку. А когда собака будет съедена?»

27 октября. Иверсен совершенно обессилел.

28 октября. Иверсен умер рано утром.

29 октября. Ночью умер Дреслер.

30 октября. Бойд и Герц умерли ночью. Коллинс умирает».

Почему я думаю об этом? Мы не говорим о голоде. Хотя то, что мы съели за день, — ничтожно по объему. Это почти голод.

18 ноября — отказ от палатки. Скорость 12 км в день.

26 ноября — отказ от спальника. Скорость 30 км в день.

1 декабря — отказ от запасных вещей. Скорость 50 км в день.

17 декабря — отказ от огня. Скорость 100 км в день.

Такова необходимая плата за движение. За скорость. Мы — на мысе Биллингс.

Сергей болеет пять дней. Тревожные запросы из Москвы и Свердловска: «Почему стоите?» Сергей сидит над тазом с разведенными лекарствами. Ему нельзя выходить. Путь лежит через перегиб берега — там сильные ветры, с температурой не выдерживать. В торосах ветра нет. — Вы погибнете в торосах. Да и не пустим вас, — серьезно говорят охотники...

А делать нечего. Вот где пригодилась чукотская школа — брать в лоб, не привыкать к объездам. Упряжки стали против торосов. Женщины заплакали.

— Хак! — крикнул Сергей.

Кто разгадает феномен бескорыстия северного человека? Гея Выборнов, парень из Рязани, живет

в Арктике семь лет. Он встретил нас в Биллингсе. Увидел, что смертельно устала собака Рыбина, — отдал свою. Увидел, что Карпов потерял нож, — отдал свой. Сергею подарил кухлянку. Увидел чай на донышке в мешке Рыбина — принес пачку. Узнал о нашем необходимом рационе — отдал бочку моржатины...

Лауреат премии Ленинского комсомола Семен Келы, оленевод, шел пятьдесят километров по тундре, чтобы подарить нам кухлянку. Мне жена погибшего охотника Отке подарила меховые штаны.

Гениями бескорыстия — так называли мы северных охотников.

Еще жгла ночь льды Восточно-Сибирского моря, но золотой подклад горизонта говорил, что солнце близко. Вот почему из тьмы, боли, холода везу нарастающее чувство восторга.

...Этой минутой можно жить всю жизнь. Вышло солнце! Оно красным кругом, источая золотое сияние, катилось по самому горизонту. Я поехал в оленеводческое стадо, чтобы сделать снимок оленя на фоне вернувшегося светила.

Изрытый копытами, но столь же чистый снег, серые важные олени, островерхие юрты. Что в них? Тот же мех, дощечка с едой, питье. Шевелилось стадо. Молодая чукчанка мнет кожи. У нее тонкий румянец и счастливое лицо. Паша сидит рядом, любит ее ловкой работой.

— Паша, — говорит она улыбаясь, — у тебя глаза голубые, как Байкал...

— А где же у вас, дорогие оленеводы, сервизы, тряпки, мебель? Где у вас телевизоры, стерео, моно? И какое вы имеете право быть счастливыми без этого?!

Только смех залихватский в ответ. Отошел и сел на легкие олениные нарты. Солнце не выкатывалось, а шло, как парус, прямо на стадо.

2. ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ.

Упряжки снежной планеты

...Около шести утра Сергей сказал, что не поедет. Как кстати! Никогда в жизни так часто не вскидывал ночью руку с часами...

Легли в три. Бесконечно перекладывали нарты. Филипп дал список из четырнадцати предметов, имеющих право на путешествие, и тем самым установил мировой рекорд арктического максимализма, ибо не разрешил взять почти ничего. Глазами контролирую, но руки

прямо хапают непозволенное. Взял меховую маску, запасные носки — неохота оставлять в Чокурдах. Захватил камлейку. Когда мы приедем в большой поселок, не могу ходить в малице: тяжелая, потная. Переодеваюсь в камлейку — помодней и полегче.

Подремонттировать нарты помог Филипп. Поражаюсь ему: за какое бы дело ни взялся — все получается. У нарт надо было сменить боковую струну, которую перекусила собака. Филипп взял остел, натянул с его помощью струну, нарты выгнулись. Вторую струну я натянул сам. Что за чудо нарты: кажется, поломка угрожающая, но два-три точных приема, и они исправлены.

Ночью вышел к собакам. Холод хватанул так, что я пригнулся. Давид, заиндевелый, лежал недвижно. Остальные собаки повскакивали. Давид не поднял головы. Второй день боюсь, что он не сможет выйти из Чокурдах. У него не только усталость — еще и не ладит с упряжкой, которая не простила ему измены на мысе Сердце Камень.

Тяжело на душе. Когда в один из дней выехал на упряжке вдоль по Индигирке и увидел, что снег очень рыхлый, не мог представить, как станем спать в этом снегу. Впервые почувствовал — он прилипает к руке и мгновенно прожигает. Морозоизлучение, если можно так выразиться, чрезвычайно высокое в Якутии.

Когда укладывались спать, я почему-то остановил внимание на Филиппе. Смотрел, как он тяжело стаскивает тобоки, как медленно прикладывает варежку к варежке, чтобы положить под подушку. В его неспешных движениях, в его заботливой подготовке ко сну чувствовался возраст. Филиппу тяжело. С каждым поселком ему все тяжелее ходить. Но какая работоспособность! Осмотрел у всех нарты, упряжки, обошел всех охотников, подробнейшим образом опросил. Земляки-ненцы (их здесь двое) принесли ему подарки — прекрасный нож, камусные рукавицы, белый свитер с красным рисунком, в котором Филипп попросил сфотографировать его: чувствуется, подарок взволновал каюра. Это были первые ненцы, которых Филипп встретил на пути из Уэлена.

Сергей выбирал нарты. Одни подбиты чем-то вроде линолеума, другие — фторопластом. Якуты говорили, что линолеум держится плохо. Я сам столько настрадался от нарт (на Чукотке у меня сломались двое), что не мог себя пересилить и надеялся, что мне достанутся лучшие. Паша Смолин приобрел четыре новых собаки.

Володя Рыбин долго сидел у магнитофона, надиктовывая письмо руководителю нашей медико-биологической программы доктору наук

Г. А. Воловичу. Волович предупредил, что в Якутии — сильные морозы, и наше решение отказаться от палатки может оказаться фатально ошибочным. Володя искал главный аргумент, почему мы отказались от палатки. Я его не слышал, но, наверное, Володя удовлетворился, потому что, когда отходил от магнитофона, потирал руки.

Спокойнее других, пожалуй, был Карпов. Спал на шкуре. Я люблю смотреть на спящего Карпова, потому что спящий Карпов предвещает удачу.

И вот — снова утро. Снег очень рыхлый. Свежие чокурдахские собаки сразу повысовывали языки. Никак не смог сесть нормально. За несколько дней отдыха отвык сидеть на нартах. Все-таки очень тонкое это дело — найти посадку, чтобы можно было управлять, видеть движущегося впереди, и сохранять устойчивость...

Очень быстро выехали к избе. Вышел якут в фуфайке. Я попросил воды. Якут как-то странно посмотрел на нас, но в избу не пригласил, вынес холодный металлический ковш.

У меня возникло неприятное ощущение от того, что якут не пригласил нас внутрь дома. Минут десять размышлял об этом, потом догадался: хозяин не пригласил в дом, потому что мы были в снегу. В тепле снег быстро тает, и мы уехали бы в мокрой обуви.

Началась тундра. Хороший настр. Собаки вдруг рванули вправо. Вижу: стоит коротконогая лохматая лошадь. Упряжка разнеслась. Кричал — не помогает. Не успел засечь направление, можно закружиться. Втыкаю остел, но снег рыхлый, не держит. Унизительная минута беспомощности. Если опрокинуть нарты на такой скорости, от фотоаппаратуры один лом останется. Да и вес нарт — больше полутора центнеров. Собаки хрипят. Лопнет потяг, тогда они уйдут совсем. Все-таки нарты опрокинул, минуты две лежал без движения. Как много сил расходуется на страх. Артист увертывался, Старик прятал голову.

— Что же вы наделали, дураки! След потерял, ориентировка — тоже.

Солнце село. Куда идти? Уже собрался вернуться к якуту, как Старик подполз, лизнул руку.

— Выводи-на на след, — сказал ему строго.

Старик печально посмотрел на меня: мол, не первый же он в упряжке. Встегнул на место вожака. Старик повел галсами. Вот и след!

Прошли с километр. Чудная картина — подремывает на нартах Сергей. Он видел мою гонку, однако помочь ничем не мог.

Извив реки хотели срезать по

некрутой сопке, но снег тут не затвердел, глубок. Мы с Сергеем остановились. Начал толкать нарты. Устал. Стала наказывать ошибка, совершенная в Чокурдахе. Я долго примеривал новые тобоки, взял немного побольше. Филипп советовал взять, наоборот, поменьше — растопчутся. Не послушал Филиппа, послушал ногу. Прошел по глубокому снегу с километр и понял, что тобоки велики. Стал задыхаться, горло обжигает.

Сразу, будто валун с горы, накатилась избушка; Сергей и Володя Карпов вышли на улицу — места всем не хватит. Размышлял: маршрут по Якутии начал с поражения. Во-первых, за день не сделал ни одного снимка. Почему не снял Чокурдах в долине реки? Почему не снял саму долину? Почему не сделал снимка якута? Почему не снял мою избитую упряжку, полусасыпанного снегом дремавшего Сергея?.. Выходит, я целый день был для экспедиции бесполезен.

Вторая ошибка — раннее доверие к Артисту. Пес много раз подводил меня на Чукотке, и сейчас, помня предостережение Филиппа, я должен был поставить Старика перед ним. Старик смиряет Артиста, давит возрастом и опытом.

И, наверное, самое главное — я напрочь забыл первый совет Филиппа: «Если ваша упряжка погнится за оленем или якутской лошастью, сразу переворачивайте нарты». Я вспомнил совет слишком поздно.

В Якутии Сергей ввел новое правило: за еду отвечает Володя Рыбин, я должен готовить чай, а Паша Смолин — разводить огонь. («Прометей!» — сказал я ему. «Ага, Прометей Смолин. Паша Прометей», — начал он перебирать варианты. А между тем решение тонкое — один человек готовит, один во всем виноват или один всеми хвалим. На Чукотке мы чувствовали, что дежурство по двое — не самый лучший вариант. Если я хронически не умел варить кашу, то, разумеется, на мой счет накапливалось нечто похожее на раздражение, а вот чай я люблю заваривать, это у меня получается, и в то же время мне это радостно.

В очередной избушке мы сочиняли телеграммы — приближалось 8 Марта. Сергей сказал: «Давайте, пошлем телеграмму самой популярной женщине России. Кандидатура?» Рыбин назвал Аллу Пугачеву, Филипп подумал и тоже назвал ее. Володя начертил в воздухе инициалы и улыбнулся. Ну, нам, конечно, имя Володиной женщины не расшифровать. Я тоже согласился, что самая популярная женщина России на сегодня — Алла Пугачева. Тем более, что утром поймали «Маяк» и впервые слушали ее песню о розах. Телеграмму поручили сочинять мне.

Написал: «...Ваши песни помогают нам гнуть эти тысячи километров». Все-таки нам немножко нравилось произносить эти слова: десятки километров, сотни километров, тысячи километров.

Переход в Якутии с мяса на рыбу для собак был не таким безболезненным, каким хотелось бы. Со сбоями шел Старик, плохо чувствовал себя Гимнаст, устала Нега. Только Давид меня радовал — он вкладывал в ход какую-то упрямость. Совершенно выдыхалась Звезда — красивая бело-пестрая лайка, которую мне подарили в Чокурдахе. Когда она выбивалась из сил, то вдруг с отчаянной решимостью тащила вбок. Я несколько раз перестегивал ее, потом наказал, но собака просто ошалела от усталости. Для нее дорога складывалась очень сложно, тем более, что в первый же день прошли более пятидесяти километров.

Мороз — 38. Тихо. Голубое небо. Река Берелех. Я опять потерял варежку. Жалко — дочь Юля шила. Бросился было поднять оброненное, а собаки рванулись за остальными упряжками. Сергей краем глаза увидел ситуацию, притормозил, потом быстро-быстро ушел вперед.

Нарты летят прямо — сняты главные страхи и хлопоты. Оглянулся вокруг — никого. Но странно — до поскрипывания копыльев, шелестящего меха собак чувствовал рядом всех. И мне было покойно.

Догнал Карпова. Он угрюм, держит варежку у лица, сильно раскашлялся. Собаки к вечеру похожи на мотки шерсти — свернулись комочками. Ночевать в снегу? Но Филипп повел на срез. Снова качаемся по тундре. Нарты заваливает, а я в тяжелых тобоках. Если упаду, в тобоках не догнать. Ноги, как ватные, и что неожиданно — подмерзают. А собаки идут с энтузиазмом. Просто шаряют, даже веселую чехарду затеяли! Секунда — нарты летят в темноту. Я чуть маму не кричу. В тобоках не могу встать, вцепился в веревку, тащусь. Захват слабнет, как бы узел не лопнул. Не видно ни зги. Сергей как почувствовал — остановил всех.

И опять ночная езда. Надо «накрутить» еще 30 километров. Паша сразу ушел вперед с каким-то ожесточением на лице. Я подхватил темп. Река похожа на ледяной желоб. Скрип и скрежет по всей Якутии. Скорость очень высока. Зрение, по-моему, обострилось: различаю цвет рыжего Севера. Султан вывернулся, стал, постукивая свободной застегжкой, заманивать упряжку выше по ледовому желобу. Это опасно: сбавь упряжка ход, я захочу вниз на острые ледовые раз-

рывы. Страшновато. Уже два часа ночи.

— Рыбин! — кричу. — Забирай ко мне!

Не слышит. В детстве в такие минуты начинаю плакать. Удивляюсь собакам: что за бес в них вселился?! И догадываюсь: по льду нарты им — пушинка. Закипает зло на Султана. Он бежит быстро, вытянулся, никак не останавливается. Помоему, подрулил Сергей. Он с шумом пошел вниз. Артист — за ним.

Замаячили два пятна: бочки. Нарты, естественно, зацепились.

Только через полчаса смог встать. Сидел, покачиваясь, как бы сламывая тончайшие и болевые иглы мороза. Не думалось ни о еде, ни о ночлеге. Мы выполняли план дня и выполнили его. Не завтракали, не обедали. Прошли положенные на сегодня 60 километров.

Мороз был около 40°. Еды и не предвиделось никакой. Мы доверились течению событий. Важно было дать свободный ход каждой упряжке. Скучное, неотвратимое правило полярной ночи, когда мы держались друг за друга, надо было разрывать. Назревал момент, чтобы выпустить упряжку Карпова вперед. Запас хода у нее велик. Она выдохнется к Таймыру, но надо взять, что можно, сейчас.

Перед выходом Сергей сказал: «Особо не растягивайтесь, помните про след». Улыбнулся: понимаете, насколько тонко дал вам свободу скорости. Соловьев исподволь готовит ход по самой сильной упряжке, но пока скорости не включены: Карпову нездоровится, не можем позволить себе, чтобы он кочевал один. Снова ощутил тяжесть выезда. Как много надо утром делать: одеться, обуться, запрячь собак, все увязать. «Зенит» зарядил слайдами, «Киев» — цветной негативной. Кинокамера заедает. Помучаюсь на холоде. Занимался прекрасный день. Прямо хрустальный. Небо — чистое, глубокое. Не торопимся. Чай, конечно, тоже заваривал медленно. Сергей выговорил мне за чай.

— Всегда, — сказал он. — Всегда будете заваривать чай, Юрий Сергеевич. Рыбин один не справится.

На его языке это означает, что я чем-то провинился, а Рыбин поощрен.

А путь трудный. Тундра есть тундра. Ориентир — через 40 километров. Это пять часов хода по неизвестному. У Рыбина сразу две собаки сбежали, оторвались. Ничем не мог помочь.

За Пашей ехать трудно, его Север не любит след, он начинает брать то влево, то вправо; но когда видит, что рядом дорога не лучше — возвращается. Мои собаки почему-то с утра едва ковыляют. У Паши одна

собака все время забирает влево. Тоже чокурдахская. Похоже, чокурдахские собаки понимают: мы выходим за пределы их края — и инстинктивно рвутся домой.

Собака у Паши продолжала сильно загибать, Паша на меня оглядывался: «Что делать?» Я сказал весело: «Ну что же ты, Паша, мучаешься? Выстегни!» Я хотел придать словам оттенок шутки, но на морозе они прозвучали серьезно. Паша, на мое удивление, собаку выстегнул. А тут подъехал Володя Рыбин, у которого убежали две собаки. Он этого пса встегнул в свою упряжку, и тот начал у него грести, грести лапами и пошел прямо! Паша сразу заскучал, — просить собаку обратно нельзя.

Близится вечер. Вдруг упряжка сошла со следа: какая-то пташка чиркнула над собаками, те — за ней, и я — у края обрыва. Перевернул нарты, чтобы остановить вожака. Ситуация чрезвычайно тревожная. Артист взбешен тем, что пташка не далась. Нарты перевернутыми уже не удержишь. Могу с обрыва сыграть. Артист, дурачок, успокойся. Это воробей. Это невкусно. Этого тебе просто мало!

Надо добраться до Артиста, чтобы он не рванул. Какой температур у пса! Ни разу не видел его уставшим. Схватил. Не удержался, чтобы не долбануть тихонько. Потажил упряжку к склону, где-то надо спуститься. Но склон, как я увидел, с торчащими камнями, спускаться опасно, если вообще можно. Что же делать, Юрий Сергеевич? Вы сегодня волей судьбы — первый. Останавливаться нельзя. Движение ничем не заменишь.

Поднимался ветер. Балла три, пожалуй. В темноте, если буду дожидаться, не съехать. А ночевать на камнях — извините. Решил спускаться. Разнесло. Сильные неожиданные удары сотрясали нарты. Чудом успел оттолкнуться остелом от камня, меня отбросило к скале, снова оттолкнулся. К радости, гора оказалась хотя и крутой, но не такой долгой. Меня вынесло на лед. Отъехал, остановился. Абсолютная тишина. Собаки не выносят тишины и неопределенности, сразу же начинают драться. Рык, визг, чехарда. Едва умиротворил их. Двинулся дальше. Выбора нет: по карте, километрах в пятидесяти должна быть избушка.

Красивая ночь. Мягкий свет от пологих берегов, приятный хруст снега. Топот лапок. Нежная полоска алого у самой земли. В пояснице — тепло. Ни единого постороннего звука. Я понял, что все делаем правильно. Стоит только постоять рядом с красотой, как излучиваешься самым чудесным образом.

— Артист! — крикнул я. — Ты мне нравишься!

— А я? — услышал сзади.

Паша! Как незаметно подкрался!

Догнали и остальные, голоса — веселые. Никто ни слова о грудном спуске. Может, только мне он покажется трудным? Долго шарили биноклем по окрестности: пусто, тихо. Пришлось оглядываться с думой о ночлеге. Долго маневрировали: спать на льду — убийственно для собак. Выбрали маленький кусочек земляного берега. Лечь в одной малице побоялся, поддел сухую рубашку, подвязался потуже. Казалось, холод так и ходит по тебе. Давала знать усталость, тем более, что легли без ужина. Не стал просить у Володи даже обычного кусочка сахара.

Утром не мог подняться сам. Паша меня развязал и шепнул на ухо: «Избушка явилась».

Делили рыбу. Заброска — около 8 мешков чиров. Кормили, сколько собаки могли съесть. Артист, Мохнатый, Гимнаст, как пилками, точили чиров. Какие радостные взгляды у собак. Гимнаст стал, конечно, зарывать остатки своей рыбы в снег, а Старик улегся поудобнее за ветром, за нартами, и, видя горы рыбы, не спешил, смаковал.

Тонкой, похожей на копьё, пешней колот лед. Вечером Сергей намекнул, что воды было мало. Ребята знали: когда я отвечаю за чай, он получается неплохой — густой, пахнущий. Вошли в азарт и пьют, пьют. Карпов приболел. Поворчал, но притих, позволил себе поболеть. Он ни словом не обмолвился на маршруте, что ему плохо. Рыбин призвал его к порядку, уложил в постель, а мы, подсаживаясь, поили чаем.

Вечером справили 8 Марта: съели таз рыбных котлет. Кто-то захотел домой. «А мне совсем не хочется», — сказал Сергей. Я тоже близок к тому, чтобы экспедиция никогда не кончалась. Вот как горячо действует на мировоззренческие установки плотный ужин в тепле!

Выехали поздно. Вот уже который день собираемся выехать рано, а выезжаем с запозданием. «В чем причина?» — спросил я Рыбина. «Накапливается усталость. На четвертой тысяче километров должна накапливаться усталость. По моему плану», — сказал он. Льется белый свет. Кажется, что кванты здесь крупнее, их ощущаешь физически. Снег дымит, как живой. Упряжка Рыбина выстроилась впереди. Не люблю за ним ездить еще больше, чем за Пашей, но сегодня, видит бог, обречен именно на это.

Володя часто останавливается, чтобы подучить собак то пинком, то тычком. Пока он расправляется с ними, я должен стоять и ждать. Иначе начинаются гонки: ни за что не желает уступать. Моя упряжка не любит неаккуратное рыбинское войско: Гимнаст закатывает глаза, Артист рычит. И вот так километр, иногда два едем рядом, пока наконец я не соскакиваю с нарт и просто

не ташу Чемодана за повод и не ухожу от соперника. Но я чувствую, что Рыбину за мной ехать тоже не нравится. Если у Володи все нормально, он делает вид, что дремлет: сидит, покачиваясь из стороны в сторону.

По существу, на дистанции мы находимся втроем. Володя Карпов тоже ушел вперед, а Паша с Филиппом идут левее. Мы должны были охватить широкую полосу, потому что впереди был небольшой балок и этот балок надо увидеть.

Тундра вызывает раздражение своей бесконечностью, неприветливостью, и я снова с огорчением подумал, что не могу прогнать это наваждение. Хотя понимал, что рано или поздно смирюсь с тундрой. Я ждал момента, когда она начнет мне нравиться.

Гигантский каньон, метров 10—12 глубиной. Предстоял томительный поиск спуска. Местность фантастическая: сопки в твердых снежных пупырях, световые пирамиды. Впервые обнаружил, что дует сверху — как бы вдавливая, вжимает в нарты. Собаки все чаще оглядываются. Проверяю узязку: падения в каньон не миновать. Дело осложняется тем, что нависают карнизы. Хорошо, если обрушишься с упряжкой. А если один? Пока выбираешься — собак и след простыл. Вижу: Филипп часто останавливается, приглядывается, но, видимо, везде глубоко, везде опасно...

И как-то упустили мы момент, когда Филипп с разгону упал вниз. Подъехали ребята. Поползли к краю отвеса. Внизу — отпечаток от упавшего Филиппа. Его самого не видно. По каньону тянется след. Надо спуститься. Я ужаснулся высоте, с которой придется лететь, но делать нечего. Мы отошли метров 10—15. Развернул упряжку, крикнул погромче. Чемодан хватил вперед. Чувствую — лечу отдельно от нарта. Моя задача — упасть рядом с нартами. Упал, но сильно ударился о кинокамеру, упакованную в мешке. Собаки спланировали удачнее.

Отъехал метров двадцать, не оглядывался. По крику, визгу, кряхтенью, оханью и аханью понял, что ребятам было тоже несладко. А теперь надо выбраться из каньона. Расслабившись, пустил собак свободно. Надо мною висели козырьки снега, кое-где они могли вот-вот рухнуть. Сошедшие снежные лавины прижимали все ближе к правому берегу, и ход становился все уже и уже. Наконец на одной из стенок я увидел лаз: Филипп ушел на приступ. Собаки, повизгивая, скребли снег, я толкал нарты. Бился долго. На взгорье, совершенно обессиленный, упал на нарты.

Быстро темнело. Собаки как-то осторожно шли по следу. Вдруг — ракета. Мои лайки с шумом рину-

лись на красную, быстро погасшую огненную каплю. Рыбин стоит растерянный, с дымящейся ракетницей. Оказалось, проходил ледовую проплешину и потерял след Карпова. Подъехал Сергей. Все трое сошли со следа! Карпов на сегодня потерял. Славная ему предстоит ночевка.

— Поищу перину, — сказал Сергей.

Да, нужен хотя бы небольшой снежный заструг, иначе собакам не встретить утра. Я нагнулся над лайками и только хотел надеть варежки, как почувствовал, что не могу этого сделать — какое-то странное оцепенение сковало меня. Вот они — оковы холода. Глаза слипались.

Сергей кричит: «Идите сюда, я нашел снег!» Ответил: «Сейчас иду», а разогнуться не могу. Когда в десятый раз ответил, что иду, Рыбин пинками поднял собак, раза два, помоему, пул и меня. По гладкому льду Володя допинал нас до Сергея, отогнул мой капюшон и крикнул прямо в ухо: «Не стой, двигайся! Не будь беспомощным!». Большой обиды, чем обвинение в беспомощности, он нанести не мог. Через силу начал распутывать собак.

Спали до рассвета. Конечно, это был не сон. Я много раз поднимался, так как помнил, что у меня спутаны собаки, подходил, смотрел, могут ли они двигаться, потом снова забывался на некоторое время. Небо холодное, прозрачное. Горизонт изломали проступившие очертания сопки. Неласково отправляться в новый день без ужина, завтрака и обеда. Часа через два вышли на Карпова. Филипп и Паша безуспешно искали балок.

Володя ночевал километрах в восемнадцати. Упряжки вдруг рванули и быстро понесли к нему. Вот как: собаки соскучились по Карпову?! Оказалось, упряжки приметили куропаток — у каждого в тундре своя радость. Когда подъехали ближе, увидел, что Володя не в себе. Я еще издали крикнул ему что-то, но никак на мой крик не отозвался. Вероятнее всего, это была галлюцинация, от которой Карпов еще не отошел. Рыбин сделал знак, чтобы я был осторожен. Неизвестно, что ему чудится в дaliaх искрящегося снега. Я осторожно намекнул Володе, что может быть, мы позавтракаем — накануне я подсунил ему под мешок буханку хлеба. Сергей протягивает руку. Карпов смотрит мимо и вдаль. Лицо отрешенное. Но вот он протянул руку, поздоровался, значит, очнулся.

Полдень ослепителен. Чувствовалось: полярный день набирает силу. Надели темные очки. Собаки бегут с той веселостью, которая не предвещает усталость. Как день рознится от ночи!

Прекрасен солнцепад — так определил я это явление: свет не просто струится — ощущаются толкающие в

лицо порции тепла. Пытаюсь уловить оттенки света: багряный, стеклянно-чистый, сине-лиловый, золотистый, белый, дымный, серебряный, алый. К вечеру краски тяжелеют и как бы падают, отягощенные густотой.

Выходим к урасе — невысокому сооружению из жердей и земли, в которое можно попасть только на четвереньках. Да, шестеро туда не войдем, кому-то придется спать снаружи. Набрал в чайник снега, Паша построгол небольшие полешки. Поужинали. Ночью проснулся от воя собак. Собаки звали меня. Ох, как не хочется выбираться на стужу. Под луной, освещавшей нагорье, увидел восемь точек. Вернее всего — волки. Собаки сильно мерзли, сердце сжалось от тоски за них. Но чем же согреть-то их? Возвращаясь, увидел два темных бугорка, припорошенных снегом. Это спали Филипп и Рыбин. Я оглянулся на них то ли с чувством жалости ко всему живому в этой ночи, то ли с чувством стыда за себя.

Показалось, собаки проверяли мою смелость: выйду ли в ночь, к волкам, под безжизненный свет луны, едва освещавший тундру? Лютый холод и в урасе не отпускал долго.

Еще день в урасе. Самый тяжелый, на мой взгляд. Сидели тесно. Карпов держал рацию на коленях. Мы не знали, где находимся. Это во-первых. Нечем кормить собак. Это во-вторых. Нечего есть самим. Ну, тут можно потерпеть. Но впереди больше сотни километров. Как идти, если не найдем заброску. Сергей сказал Паше: «Мне неважно, где мы находимся, меня устраивает это место. Нужен корм, ищите». Паша с Филиппом запрягли собак. Лица их невеселы. Карпов связался с Чокурдахом. Было за что зацепиться в определении координат. День назад над нами пролетел самолет. Паша сказал, что неплохо было бы запросить и узнать, откуда летел этот самолет. Через час нам сообщили направление полета и точку, где летчики видели нарты. Паша просиял: ему ясно теперь, где находимся. «Не будем мешкать», — сказал Сергей. Филипп и Паша уехали. Сергей все же связался еще и с поселком Энтузиастов. Ответ: «Таких жилищ десятки, вашу точку не определить».

Оставалось ждать Пашу и Филиппа. Скоро зашумели нарты. Открылась дверца, появилось улыбающееся лицо Паши: нашелся все-таки балок!

Я поразился не тому, что сказал Паша, а тому, насколько устало прозвучал его голос. И все-таки улыбка! А ведь пройдены двадцать километров по такой стуже: сильный

ветер, мороз за 40°, по шкале жесткости около 60°.

Сергей прореагировал неожиданно. «Все в балох не поедем, — сказал он. — Поедут трое, остальные подождут здесь». Видимо, Сергею не хотелось вставать и запрягать собак, а может быть, он пожалел Володю Карлова, который, как мне кажется, еще не оправился от болезни. Уехали Рыбин, Филипп, Паша. Рыбину по радию передали: в балке его ждет письмо. Володя за письмом от жены пошел бы хоть на Северный полюс...

С утра не вставали, ждали ребят. Я даже не стал готовить чай — это бесполезно, остынет в миг. Вскоре зашкряпали нарты, приехали ребята, стали раздавать письма. Оказалось, было письмо и мне. Писали из Чоккурдаха. В поселке только и разговоров о нашем отъезде.

Еду, размышляю. Тундра все еще чужда, губельна. Если человек останется один, ему каюк. Выбраться отсюда без помощи невозможно. У меня на нартах 60 килограммов рыбы, отстань я — хватило бы на месяц, а потом встанет вопрос: есть собак? Как ни дико, я вынужден иметь в виду и такой вариант. Знаю, ни в одной из арктических экспедиций русские не ели собак. Даже если погибали от голода...

Упряжки долго вилили среди конусообразных холмов и вдруг погнали под гору. Я увидел лес и над ним дымок. Да там уже лагерь! Филипп и Паша нарубили сушняка — висел чайничек, желтела строганина, булка хлеба поставлена на попа. Где достали? У кого такие, аппетитные заначки?

Второй костер на всю экспедицию. Я с каким-то остервенением ел строганину и пил чай, совершенно отличный по вкусу от того, который удавалось вскипятить на щепочках, чай, пахнувший снегом и сосной, сухими дровами и еще чем-то, чем отличается лесной чай от обычного. Что удивительно, я снова не снимал. Секрет моей профессиональной несостоятельности, видимо, в том, что, когда мне бывало особенно хорошо, когда я получал неожиданную информацию, во мне больше сказывался журналист пишущий, а не снимающий. Когда я впитывал неожиданную картину с лесом, собаками, лежащими в глубоком пушистом снегу, с ребятами, которые буквально пириществовали у костра, просто рука не поднималась щелкать фотоаппаратом. Я душой и сердцем радовался, понимая, что мне в дороге больше нужен запас радости сегодня, чем запас снимков завтра. Впрочем, это эмоция. Дело есть дело. Беру камеру, фотоаппараты, снимаю лес, дым, уже подколпаченные лица парней...

Бросаю рыбины своим собакам. Вдруг Володина упряжка, еще не кормленная, бросилась к моей, дернула Рыбина, тот упал в снег. Когда встал, закричал: «Что же так близко? Целоваться вы с моими собаками подыхали, Юрий Сергеевич?» У Володи сегодня трудный день, простим ему.

Долго устраиваемся на ночлег. Очень плотный наст. Яму не вырыл, поддувало со всех сторон, как ни завязывал малицу, как ни прятал капюшон и рукава, все равно ветер доставал, и как будто холодные шпаги протыкали меня сверху и снизу. Упасть как следует не мог — промахивался мимо постеленной шкуры, под которой запас рыбы на два дня. Свернулся в комочек, но ветер достает, проходит насквозь. Началось забытье. Когда сжимаешься, стягиваешься в пружинку, где-нибудь да остается островок тепла. Вдруг шорох — кто-то тянет из-под меня рыбу. Не пойму — то ли сильные руки, то ли лапы, то ли зубы... Оцепенел, ни крикнуть не могу, ни пошевелиться. Кто же это? Собаки привязаны. Рыбу мог тянуть или шатун-медведь, или волк. Если дернусь, возможно, вместо рыбы заинтересуется мной. Рыба тихо вышла из-под меня, послышалось чавканье. Прекрасно знал, что собаки, если они привязаны, не подадут голоса на медведя. Ноги совсем заколенили. Кого позвать и как? Пропасть, вечность была до ребят.

Уже светало, когда слабым голосом я попросил развязать меня. Ноги отморозил, точно. Спина болела невероятно. Ребята шумели, ходили, но никто меня не слышал. Тогда я решил перевернуться, но оказалось, что ног не чувствую. Ко мне подошел Паша и раздёрнул веревки. Видя, что я продолжаю лежать, подтянул меня за веревки и поставил на ноги. Я упал: какая-то непривычная немая боль в ногах. Это меня обрадовало: значит, не отморожен. «Не все сны досмотрел?» — спросил, смеясь, Паша и пошел. По сборам заметил, что выедем не скоро, начал танец для согрева. Каждый притоп отдавался резкой болью. А ведь надо еще запрячь собак. Поначалу все мои страхи показались дурным сном, однако рыбы-то нет! И никаких следов. О чем и кому расскажешь? Да и надо ли — готовился решающий бросок.

Я поставил впереди Артиста и Чемодана — скоростную пару. За ними — Старика и Давида. Пожалуй, не отстану сегодня. Вдалеке — качающийся частокост: олени. Снимаю. По звуку чувствую: лопнула пленка. Собаки неистовствуют, рвутся. Приближается горе-горькое — олени стада.

Где-то километрах в сорока село Тумат. Отдых, еда, сон! Три слова,

написанные на знамени наших останков. Но только вышли на реку, навстречу, откуда ни возьмись, вывернула оленья упряжка. Мои собаки рванули к ней, и упряжки схлестнулись. Такой жестокой схватки я не видел ни разу. Олени били собак копытами. Чемодан уже валялся без чувств, Артист и Старик разорвали брюхо оленю. Упряжка налетела на второго оленя. Все смешалось, я кричал, бил остелом и тех и других, но все было перепутано, и у меня мелькнула мысль: добром это не кончится. И все-таки оленеводу как-то удалось вырваться на оставшемся олене; собаки, бросив раненого, потащили меня за убегающим. Перевернул нарты. Прошелся остелом по зачинщикам драки, заодно попало и другим. Но собаки, обливаясь морды, не чувствовали себя виноватыми. Впрочем, не я один попал в беду. Сергеевы собаки тоже преследовали оленя. Досталось и Паше — его упряжку заклинило в даурских лиственниках.

Много оленьих троп. Нежные пласты зелени, голубизны напомнили глубинки уральского леса. Происшествие забылось мгновенно. Не осталось ни страха, ни обиды. Как окончательно лечит красота. «Красота спасет мир», — сказал Достоевский. Про спасение не знаю, но рука помощи ее доброжелательна. Туман синего снега и темных елей...

Передвинули стрелки на час назад. Итак, мы прошли второй часовой пояс. Снова выплывает — надо, надо, надо. Заготовить корм, починить одежду, перебрать нарты, проверить копылья, алыки, перезарядить кинокамеру, вычистить фотоаппараты, написать письма, заполнить дневник, просто отдохнуть, выспаться. И все это в два дня. Филипп Никитич как бы между прочим заметил: «У тебя нарты тяжелоатлет иду, что ты везешь в мешках?» Он спросил так, точно пойдет сейчас и проверит. Я ответил, что кроме кинокамеры и фотоаппарата у меня запас пленки. На самом же деле я кое-что притаил. Сидел в комнате, как Крез, перетряхивал котомки. Нельзя ли в самом деле кое-что повытряхнуть? Малица, кухлянка — предметы обязательные. Тобоки, тоборы — из той же серии. Десять собак, нарты, остел. ТТЛ-6, «Киев», «Зенит», кинокамера, пленки. Торбаса — камусные и нерпичьи. Если камусные торбаса еще имеют право ехать, то нерпичьи я давным-давно должен был отправить на базу, но не отправил. Я настолько прикован к этим нехитрым обувкам, которые меня выручали на Чукотке, что отправить их просто не хватает сил. Носки меховые тоже идут по обязательному списку, но вот камусные — уже излишество, зато они такие теплые! А как расстаться с варежками, которые берег шесть лет?.. Рукавицы стеча-

ные. Эти придется прибрать. Их подарил со своих рук плотник на мысе Биллингс, увидев, что мои прохудились. Еще меховые варежки — неприкосновенный запас. Купил их как-то за три рубля в Свердловске, чтобы ходить в лыжные походы, берег, жалел, не затаскивал. Сейчас взял в Арктику. Костюм болоньевый — он давно должен быть на базе, но я, тряпичник несчастный, везу. Хочется в поселках показываться непременно в яркой, красной куртке. Нож широкий — предмет необходимости. Узкий — уже лишний...

С грустью сижу над тряпками и тряпочками, вещами и вещичками. Что же оставить? По жесткому списку Филиппа нужно иметь четырнадцать предметов, у меня — тридцать. Может, сделать так: пусть Филипп при мне отберет необходимое, остальное отправит на базовый лагерь?..

Нас поместили в домике из трех комнат. Поставили столы. Якутки молча, бесшумно попеременно варят, жарят, пекут. Можно есть в любую минуту дня и ночи. Так и делаем. С утра получили рыбу, разделили на всех. Местные ребята помогали раскладывать на пучки длинных, как шпаги, шук, крупных окуней, чиров и еще каких-то рыбешек. Возьмешь рыбку за хвост, поставишь на полено, тихонько построишь, закусишь. Очень вкусно! На морозе строганина сразу присыхает к языку, но тут же нежно тает, как масло. Просмотрели с Рыбиним одежду. Внимательного взгляда не выдерживает: подгнили капюшоны, исхудали рукавицы, просвечивают швы. На белой якутской лошадке отвезли малицы, штаны, тобоки в меховую мастерскую. В низком темноватом помещении уютно. С удовольствием отмечаешь: какие красавицы якутки!

Наше общение в экспедиции друг с другом на «вы» сказывается на общении с местным населением. По крайней мере, я ко всем обращаюсь на «вы» и, наверное, скоро так начну обращаться к упряжке. Старика, например, не обижая человеком, можно звать на «вы».

Получил письмо из Устья Русского. Меня поразило, что письмо пришло быстрее, чем мы доехали на нартах. Как проворна якутская почта!

На встрече в клубе мы говорили о северном человеке как академике своих дел. Северный человек и зоолог, потому что знает жизнь зверей и животных, и биолог, потому что знает жизнь тундры, геолог и эколог.

Мы говорили о северном человеке, но думали о нашем уральском, российском. Почему именно здесь, в бревенчатом клубе якутского поселка, я думал о том, что основа истинных наших отношений с миром — не книжные знания? Это — знание того, что непосредственно нас

окружает, знание, откуда радость взять, знание необходимых нам земли, воды, одежды, работы, красоты, любви... Бродила во мне, бродила эта мысль, еще не совсем определенная, но уже греющая.

Филипп Никитич выступал ровно 45 минут. Мы намекали, что неплохо бы выступить покороче, но учитель в нем побеждал. Каждое выступление, как урок, — ровно 45 минут.

И концерт... Ну как было не поразиться удивительной пластике якутов, их глубоким сердечным голосам. Почему у нас на материке не слышно этих мелодичных якутских песен?..

После вечера меня ждал сюрприз. Включил телевизор, выплыла музыка, на экране появилась Лена Водорезова... Два года назад, в Свердловске, был кубок СССР по фигурному катанию. Решил написать репортаж в «Уральский следопыт» о самой юной участнице. Говорил с Леной и волновался: талант она. Ее любят. Ей было 18 лет, но чувствовалось, что за каждым ее выходом стоит страсть и преданность спорту. В чем она, тайна, того, кого любит и народ?..

...Часов в девять утра подъехали нарты, с них встал седой старик и попросил сфотографировать его с экспедицией. На наш вопрос ответил серьезно: «Я скоро умру, вы уйдете, а на фотографии я останусь навсегда...»

Чудный день — сильный мороз, солнце на сопках, в леске. Все хорошо. Даже камера жужжит ровно, не рвет пленку. Мы ехали уже часа два, сделал несколько поворотов. И вдруг — оленя. Заметил поздно, раньше увидел Артист. Страшной струной натянулся потяг. Опрокинул нарты, вмял их в снег, едва удержал. Попытался дотянуться до Артиста, но он так напрягся, что нарты встали на полозья, и — была такова упряжка!

Гибельное чувство: все кончилось. Я кинулся по нитке следа. Километра через полтора увидел, что потерял варежку. На нартах остались спички, неприкосновенный запас. В этом холодеющем дне я был один. Толчками, вытаскивая тобоки из глубокого снега, шел по следу упряжки — сама она скрылась из виду. Лихорадочно (какое это точное слово в нашем языке!) шарил глазами по горизонту — ничего. Малица тяжелела от пота. Руки уже постреливали — обморожение... Сколько часов брести, и сколько я брел?..

Темнело. Чувства одиночества и безнадежности были так остры, что я брел, зажмуриваясь. Я даже не обрадовался, когда увидел собак. Они лежали на поверженном олене, вымазанные в крови. Упряжь перепутана, порвана. Я бил собак не раз-

бирая. Досталось Чемодану, Артисту, Гимнасту... Досталось и Звезде, увертывавшейся от остела. Я бил собак не из злости, а из той жесткой справедливости, которая напоминала: они поступили плохо, оставили меня одного, предали ради добычи. Собак распутал спокойно, но оттащить от оленя сил уже не было. Убей их — не пойдут. Никто не может. Чист горизонт. Стоп, стоп! «То ли шитсы, то ли мнитсы, показало что невесть, то ли иней на ресницах, то ли вправду что-то есть?» От горизонта отслаивалась точка. Уж не Рыбин ли? Во мне шевельнулось чувство благодарности. Кинулся к Володе с объятиями. Вдвоем стащили упряжку с оленя.

Часа через три встретили избушку, покормили собак рыбой. Сами поели строганины. Глубокая ночь. Я стал замерзать. Надо как-то выбить отпотевшую малицу, надеть оленью рубашку. Остановился, крикнул Володе, чтобы и он остановился. Скинул малицу. Мороз как ножницами хватанул по животу, по шее. Из горла, как курлыкание, посыпались непонятные звуки, которых я никогда слыхом не слыхивал у себя. Мгновенно переоделся. Володя даже не останавливался, он мелькал уже вдалеке. Кусочек хлеба, который я захватил в избушке, начинал жечь живот. Почувствовал сильный голод. Но только пытался достать кусок, собаки вдруг брали в сторону.

Среди синей ночи, будто с трудом разрывая ткань, замигала, заискрилась и тут же остыла ракета. Как далеко до ребят? Стоянку мы все же проехали; Володю подвела самоуверенность, а меня — робость. «Ну что ж, — сказал Володя, — будем ночевать». Утром нас нашел Паша. Он, оказывается, должен был стеречь нас у дороги с керосиновой мигалкой, найденной в избушке, но уснул, плоску задуло.

Паша увез к избе, свежей, недавно срубленной. Я, только вошел, упал под стол и заснул мертвецким сном. Проснулся, увидел горку строганины, записку, чтобы догонял. Видно, сладко спал, не хотели меня будить. На душе очень легко... Но какая жесткость во всех решениях Сергея: Паша нас просмотрел, он же искал. Он, и никто другой.

...Начались оленьи тропы. Рыхлой полосой они пересекали нартовый путь. Собаки забеспокоились, зарыскали, заволновались. Скорость нарастала, еще немного — и упряжка станет неуправляемой...

Почувствовалась близость жилья. Как прекрасным дымом вдалеке над оленеводческим чумом! Там уже ждал Филипп Никитич с маневренной своей упряжкой. Он быстро подстегнул моих шальных разбойников, уже затеивших оленье стадо. Я с содроганием представил, как упряжка вонзается в него, как олени ко-

пытами бьют собак, прошивают их рогами. Для острастки прошелся палкой по упряжке, привязал лаек к косне.

В чуме пили чай, спрашивали, когда самые сильные морозы. Оленеводы жалуются: «Шибко здесь холодные зимы. Вы еще захватите морозы на Яне...» Бывает, что оленеводы в страхе оставляют стада, скрываются в поселках,— так грозен мороз.

...Казачий спал. Мы вылетели на маленький мостик, за ним — овраг, ямы. Собаки наши ошалели, я вынужден был перевернуть нарты и встать среди поселка. Где ребята? Подошла девочка и замерла, оглядывая нарты, тяжело дышащих собак. От изумления она не говорила ни слова. Я спросил, где наши. Она тихо ойкнула и убежала. «Веди», — сказал я Чемодану. Он взял влево, в гору.

...Конечно, Казачий сегодня совсем другой, чем в пору поисков ускользающей Земли Санникова. Каменные дома, школа, магазины — все добротное, основательное, чтобы не так страшил близкий мировой полюс холода.

Пригласили на встречу в местную школу. Привыкли, что рассказываем о дороге по 2—3 часа, но здесь, в Казачьем, нас удивило необычное количество вопросов. Около ста записок слетелось к нам из взбудораженного зала. И спрашивали-то о чем — о Чукотке, о погоде, о снеге, о льдах, о собаках, об Якутии, о реке Индигирке, о животном мире, о рыбе, о материковой России... Большинство школьников, конечно, еще не бывали за пределами Якутии. И мир большой так их волновал. Школьники, конечно, знали об якутской Арктике, о Севере, да и о мире. Много. Но им важно было опереживание их знаниям. Подумалось: интерес к экспедиции симпатичен этим вот сотворчеством, как бы подтверждением восприятия Арктики человеком вообще.

Собаки отдохнули великолепно. Погоду можно было считать теплой, где-то за минус тридцать. Падал снежок. Мы выехали 15 марта в полдень. Поселок скрылся из виду разом. Предстояло несколько дней одинокой езды. Дорога шла мелким леском, вернее — кустарниковыми полосами.

Такими ли были они семь десятилетий назад? Именно отсюда ушел на поиски Земли Санникова Эдуард Толль, человек с судьбой возвышенной и трагичной. Его, руководителя первой российской научной полярной экспедиции, увлек санниковский мираж. Старт экспедиции, исчезнувшей во льдах около острова Беннета в Ледовитом океане, начинался от Казачьего.

Эдуард Толль был одним из основоположников комплексного изучения Арктики.

Три полярных экспедиции провел Толль — в 1885—1886, 1893, 1900—1902 годах. Его исследования составили семь томов изданий Российской Академии наук. Они касались вопросов экологии, ботаники, геологии и метеорологии, гляциологии, систематического наблюдения земного магнетизма, северных сияний и, наконец, этнографии. Это был честный и глубокий ученый.

Исследования Толля по ископаемому льду, проведенные на Большом Ляховском острове, не превзойдены до сих пор.

Но как же в нем уживался еще и романтик? Как увлекла Толля легендарная Земля Санникова?

13 августа 1900 года, будучи на западном берегу острова Котельного (Восточно-Сибирское море), он занес в свой дневник: «Горизонт совершенно ясный, вскоре (...) в направлении северо-запад ясно увидели контуры четырех гор, которые на востоке соединились с низменной землей. Таким образом, сообщение купца Санникова, впервые увидевшего эти горы, подтвердилось полностью. Мы вправде, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и написать на ней: Земля Санникова». Какое трагическое видение! Но Толль, неутомим в стремлении достичь цели.

Вышли из Петербурга на яхте «Заря» 8 июня 1900 года. Зимой 1901 года «Заря» уже была на Таймыре. Там лютовали морозы и метели. Толль не отсиживался. С каюром Расторгуевым успел уточнить размеры Таймырского залива. Да еще и собрал сведения о геологической структуре полуострова Таймыр. Он находит, что к северу от мыса Челюскина должны простираться те же геологические структуры, что и на Таймыре. Через 30 лет это предположение блестяще подтвердилось исследованием Новой Земли.

В августе 1901 года «Заря» снова подняла якоря и отправилась на восток. На пути к острову Ляховскому не встретили ни одной льдинки и беспрепятственно дошли до северной оконечности острова Котельного. Толль принял было решение следовать к острову Беннета, но неожиданно экспедиция вошла в полосу плотного тумана, а затем и ледяного барьера.

Пришлось встать на зимовку. Сразу же начались санные поездки. Но пришли и несчастья. Заболел доктор Вальтер, через несколько дней его не стало. Зимой идти на острова Де Лонга с Толлем согласились далеко не все. Но прибывшие на остров Котельный проводник-

эвенк Николай Протодьяконов и якут Василий Горохов составили Толлю верную команду. Четвертым стал астроном Зееберг. Никто их после этого не видел и о них не слышал.

Отсутствие сведений о Толле встревожило Академию наук. Решили послать спасательную экспедицию, и 28 октября 1902 года она прибыла в Казачий. На острове Беннета нашли следы стоянки. Нашли и последнее письмо Толля, адресованное Академии наук. В нем Толль писал: «Отправимся сегодня на юг, провизии имеем на 14—20 дней, все здоровы». Комиссия пришла к убеждению, что Толль и его спутники погибли при переходе в полярной ночи.

Вообще весь XIX век и начало XX были классическими временами экспедиций на собачьих упряжках, что нас особенно интересовало. Офицеры Великой северной экспедиции Анжу, Врангель и участники экспедиции восьмидесятых-девяностых годов предприняли на собачьих нартах самые длинные переходы, особенно в восточной части Лены и Колымы. Еще во времена путешествий Миндендорфа около 160 лет назад собака и на Хатанге, и на Енисее была лучшим упряжным животным. Миндендорф, русский исследователь Таймыра, покрывал на собаках расстояние от Дудинки до Туруханска.

Так что сравнивать и по анализировать есть что и есть у кого.

В упряжке Толля, например, было почти столько же собак, как у каждого из нас, но Толль путешествовал с каюром Расторгуевым. Кормил же Толль собак хуже, — он давал меньше полукилограмма мяса — вдвое меньше, чем мы.

Но вот еда участников его экспедиции была значительно разнообразнее. Гороховые консервы, печеночный паштет, сыр из дичи, морские сухари, шпиг по сто граммов в день, шоколад. Шоколад, правда, везли и мы, только — в НЗ.

Арктический опыт живет долго. Теперь, когда я смотрел на свою упряжку, я видел, что она на исходе пятой тысячи действительно надежна и крепка. «Добрый народ — собаки», — писал Чехов. Впереди у меня — идеальная пара для тундровой езды: уравновешенный, контактный Чемодан и порывистый, неутомимый Артист. Им подвластна любая скорость. Дальше — Гимнаст и Старик, Молодой и Давид. Все шесть собак спокойно могли претендовать на звание жоака, и в зависимости от погоды, рельефа, времени суток я мог варьировать ими.

Как она, упряжка, радовала меня теперь! Неплохо шли Султан и Мух-

тар, самыми последними оставались Звезда и Нега. Нега был, пожалуй, самым слабым звеном. Он, видимо, решил просто игнорировать мои команды и сигналы, всегда плелся с неохотой.

Впрочем, плохо шел не только Нега, но и Мухтар. У него раскоровянились ноги, и когда из-под снега показывались кустики или жесткая трава, он инстинктивно жался к потягу, и упряжка вынуждена была замедлять ход. Я останавливался, перевязывая Мухтара на другую сторону; подтыкал Негу, пытался все-таки догнать ребят, которые ровно удалялись от меня... Мне, по всей видимости, светила не только холодная, но и одинокая ночевка.

...Кончился лес, начались неожиданные: на картах — ровное место, на самом деле вырвался на пути приличная гора, видно, отроги Полуосного кряжа. Повертев головами влево-вправо, мы поняли, что придется переваливать его. Упряжки даже с минимальным грузом встали на подъеме. Пришлось выгрузить часть корма с нарта, а упряжки, подталкивая, завести наверх. Потом таскали и мешки, проваливаясь в снег. Потная работа. Наверху сразу чувствуешь ветер...

С горы пришлось ринуться первым, так как Сергей приказал получить заснять спуск. Спуск был едва ли не из самых рискованных: круто, каменисто, близко пни, коряги, вязкий, цепкий кустарник. Я встегнул вперед Старика и Чемодана, и Старик так повел упряжку, что нарты не отставали и не наезжали. Спуск заснял.

Ночь встречали на равнине. Сочно, сверкающе вышли звезды. Мы — в низком блюдце озера Лейды-Кем.

Паша, как обычно, объявил, что идет на Венеру, она холодно висит над горизонтом, и свечение ее, кажется, сопровождается хрустом... Мы рассредоточились. Я мог спокойно ехать за Пашей, тем более что наши упряжки были примерно равного хода, и больше чем за предел видимости мы не расставались.

Холодало быстро, но какое удовольствие бежать и греться рядом с упряжкой. Когда бежишь, нарты становятся на семьдесят килограммов легче, собаки с благодарностью оглядываются, закручивают хвосты.

Мы решили во что бы то ни стало быстрее добраться до поселка Энтузиастов, не задерживаться и там, чтобы к концу марта поспеть в Тикси. Отставание от графика угрожающее — около трех месяцев.

Скоро заметил, что Паша ехал к Венере сначала левым боком, а потом звезда оказалась у нас за спиной! Значит, мы поехали обратно! Я подстегнул Старика, догнал Пашу и крикнул ему — замечает ли он, что звезда за спиной. Паша строго и насмешливо ответил мне, что он, ко-

нечно, видит, но идет по следу, а сегодня было указание со следа не сходить.

Да, мы ехали обратно и никакого объяснения этому не находили. Слева по движению вырастала гряда гор. У подножия, по осевшему снегу, вероятно, шло русло реки, темнота под тенью гор — полная. Подумал, если мы спустимся в долину реки, то гористые сбросы не позволят скоро выбраться. Но как вывернуть на берег?

Паша исчез в темноте. Около спуска к реке притормозил собак: надо точно знать, в реку ли спускается дорога, на берег ли? На спуск собаки уйдут рывком, след легко потерять. Пашину упряжку не видно, и Артист, для которого русло реки — повод мчать вперед и вперед, все-таки может попутиться и следом. Русло реки — сплошной язык темноты. Только упряжка скользнула вниз — опрокинул нарты, наклонился, чтобы разглядеть получше: след поднимается вверх по берегу.

Рыбин и Паша ждали меня с лицами заговорщиков: у них есть решение, но что посоветую я. Предложил:

— Посмотрим по-настоящему, действительно ли мы идем по следу.

Паша достал фонарик. Мы поразились: след идет навстречу! То есть мы едем дважды наоборот. И спиной к звезде и против следа.

— Повернем — и все правильно! — воскликнул я.

Рыбин продолжал дотошно исследовать тропинку метров на сто и увидел, что есть следы, которые идут и на восток. И нам нужно было решать, в какую сторону идти.

Я остался около упряжек, а Рыбин с Пашей отправились на сопку — посмотреть, не мелькнет ли где зарево поселка Энтузиастов? Представил, как трудно спускаться в скользких тобоках по скалистому каньону, затем — карабкаться по склону. Ребята ушли, насторожилась глубокая тишина. Собаки свернулись, только Старик, считая себя обязанным стеречь, сел так близко, что дышал почти в лицо. Ничуть не беспокоился, что мы найдем в конце концов дорогу, но неопределенность томила. Ребята вернулись часа через три. Рыбин развел руками: выбрались на одну сопку, выросла вторая, за ней могла быть третья... В темноте не видно, где кончается гряда гор. Понукали собак, решив довериться им. Те дружно ринули в восточном направлении. Несколько раз Чемодан пытался сорваться вправо. Мне тоже казалось, что в прорывах между вершинками гор кое-где мерцает зарево. Даже Старик явно тянул туда.

Скоро дорога плавно повернула вправо. Пробрались между сопками, и тут дорога резко кинулась вниз во каменистому склону.

Низ провала наполнен густой темнотой. Первой ушла упряжка Рыбина, потом — Паша. Я пустил свою, и как только она взяла ход, понял, что спускаемся просто в узкий котлован, из которого трудно выбираться. Действительно, продирались из него нудно и долго... Часов пять то спускались, то поднимались и казалось, конца этому не будет... Удивительно, как еще держатся нарты?! Удивительно и то, что с каким-то тупым упрямством сначала падали, потом поднимались из бесчисленных воронок. Удивительно, что мы ни разу не остановились, чтобы посоветоваться — правильно ли идем. Великое дело интуиция, великое дело опыт!

Сергей утром сказал неожиданные слова:

— Друзья, будьте предельно внимательными. Погибать нельзя! Это — остановка экспедиции. А нам нужно быть в Мурманске.

Значит, выбора нет: надо уцелеть, надо быть в Мурманске.

...След показывал, как умело и предусмотрительно лавировали Сергей и Филипп Никитич, вероятно, интуитивно чувствуя опасность при обходе этого заманивающего горного ожерелья.

Когда нарты рухнули в первую яму, я быстро скатился, чтобы весом своим не порушить их, но когда попытался влезть обратно, обнаружил, что мои камусные варежки заledenели клешнями, а бока и копылья нарты тоже льдисто-скользкие. С трудом ухватил остел. Наверху светлее. Только тут понял, какая опасность ожидала нас всех. Если бы только мы поехали между горами на брезжашие отблески, то упали бы с пятидесятиметрового обрыва!

Скоро блеснули огни поселка Энтузиастов.

Вошли туда глубокой ночью. Но на улице полно народу. Мы пытались улыбаться...

Поселок Энтузиастов молод, все тут капитально, дома большей частью с водой, газом, всеми удобствами.

Собаки пользовались успехом чрезвычайным. Ребяташки толпились подле них до поздней ночи. Пов мгновенно перекормили, чему мы весьма слабо сопротивлялись. Самим же пришлось скрыться от любителей автографов и бесед в Доме отдыха шахтеров. А дел много: ремонт одежды, обуви, нарты. Нужны и свежие собаки.

...У этой красивой палевой собаки оказались молодые хозяева. Они привели ее сами. Решил сразу же приблизить собаку к себе. Завел ее в комнату. Хороша! Только протянул руку, чтобы погладить, пес буквально всадил в кисть зубы и, кажется, прошил до кости. Испуг оказался настолько сильным, что я почувствовал: к собаке мне уже не подойти.

— Володя,— крикнул я Карпову,— уводи этого тигра прочь... Отдай хозяевам, будь добр.

Володя в секунду оценил ситуацию:

— Да...— и покачал головой.— На перевозпитание едва ли стоит тратиться.

Отъехали километра два. Оглянулся я и удивился, как быстро теряется поселок среди снега: в Арктике особенно заметно, что человеческое жильё так невушительно, уязвимо. Как редко мы, люди, оглядываемся на свое жильё-бытьё с этой вот стороны, иначе откуда неистребимый пессимизм, что мир перенаселен...

Забыл упомянуть, что при запряжке обнаружил: исчезли Звезда и Чемодан. Кликнул местных ребят. Они обшарили все уголки поселка. Скоро привели Чемодана с извинительным выражением в глазах: забился под теплотрассу и спал. Но Звезды нигде не было. Вместо нее ребята привели невысокого пса, причем похожего на Звезду. Он с какой-то печальной доверчивостью прильнул к моей ноге. Ждать и выяснять некогда: встегнул в упряжку. Только поднялись на склон, увидел, что Володя Рыбин восседает на собаке и машет тяжелым кулаком. Да это же Звезда!

— Володя! — крикнул ему.— Посмотрите, кого бьете!

Тут же бросаю взгляд на свою новенькую — так это же Володин Якут. Рыбин, видно, в темноте не заметил, что у него другой вожак, а Звезда никогда не хаживал в этой роли. Естественно, ему сразу же досталось на орехи. А Якут шел в упряжке прекрасно. Он с мольбой смотрел на меня, чтобы я не возвращал его Рыбину, от которого ему попадало.

...Приближался полюс холода. Сама точка ничего, наверное, не значила, но внутреннее напряжение росло. Ночью стужа со свирепостью сжала, сдавила, согнула вдвое. Ближайший до Яны поселок Хаир казался не менее долгожданным и спасительным, чем Мурманск. Холодное одиночество — так бы я определил это состояние. Не двигаешься и не видишь смысла двигаться. Растет шишка льда на усах и бороде, коченеют варежки, одежда, тяжелее ступают собаки. Да и мысль, кажется, не пробивается дальше крайней собаки, окостеневших на ней ремней и себя самого, как бы прилепленного к нартам.

Плохи такие минуты для человека: просто стираешься морозом...

В шесть утра вышли к устью Оленька. Дорога простенькая, по реке, собаки бежали весело. Но у Неги капала из уха кровь, пес заметно слабел. Мне пришлось вы-

стегнуть его из упряжки, привязать сзади. В Хаире, где упряжек нет, оставлять Негу не хотелось — судьбу его, наверное, решат быстро и безжалостно.

Яна — мировой полюс холода. Близилась половина маршрута. На берегах Яны, где среднемесячная температура достигает минус 48 градусов, экспедиция проходила главную проверку на холодовую, если так выразиться, терпимость.

Чаша тундры между Леной и Индигиркой окружена горными хребтами как своеобразная копилка жгучих морозов. Долгой полярной ночью земля здесь отдает все тепло, в короткий полярный день не успевает восполнить тепловые потери. Вот и царствует тут тяжелый холодный воздух.

В стужу, говорят, помогает сознание, что где-то еще холоднее. Конечно, психологически мы «приигрывали» полюсу холода: рассчитывали быть здесь намного раньше, где-то в декабре, когда стужа не набрала силу. Ну а сейчас главные холода ускользали.

На сопках толщел снег, очень мягкий, сыпучий, упряжка работала как плуг. Тяжело! При спуске же собаки разгонялись, нарты ударились о деревья, колючки, сучья, сухие корягины цепко и сильно били по рукам, лицу. Не оставь бы глаза на ветках! Могли пораниться и собаки.

И самое опасное — олени стада. Многотысячные стада диких и домашних оленей рассыпаны на пути. Однажды упряжка Паши Смолина со страшной скоростью ушла в лес. За двумя оленями. А там овраг! Олени, конечно, ушли сами по себе, а ушибленных, обиженных собак и сердитого Пашу мы едва выцарапали из мягкого жгучего снега.

Вдруг понесли и мои собаки! Упряжка вылетела к домику пастуха. Я успел перевернуть нарты. Справа, как торпеда, прорезала снег карповская упряжка: Володя вылетел, псы рвались к оленям. Будто из-под снега выросли два пастуха — спокойные, очень вежливые. Они сказали, что здесь не может быть ничего опасного, но вот впереди — трехтысячное стадо.

Выхода два — или объезжать по приличному кругу, или попросить пастухов отогнать стадо. Сергей сказал, что надо сделать и то, и другое.

Только страшными отвлекающими криками можно гнать собак вперед, чтобы они не глазели по сторонам. При быстрой езде упряжка видит только впереди и, может, — о чудо! — не заметит стада. Но на сопке с ужасом поняли, что стадо не заметить нельзя — шевелящееся море рогов окружало нас. Причем радиус этого живого прибора был около пяти километров.

Артист сразу натянул потяг: ждал моей слабинки, чтобы сорвать упряжку. Иметь бы железную руку! Кто же первый, сорвав упряжку, рискнет провести мимо оленей? Да и следом остальные пошли бы легче. Не сговариваясь, оглянулись на Сергея. Он свое дело знал: вожак его, Дружок, — невысокая плотная остроносая собачка — понимала задачу. Сергей дал ему тихую команду, а на остальных так заорал, что собаки шарахнулись. Дружок повел прямо, прямой, быстрее. Сорвал своих молодцов и я. Бешеная гонка! Не думал, что умею так громко кричать. Как не спасибо занятиям по каратэ, на которых часами отрабатывали гортанные выкрики. Никогда не знаешь до конца, что и где пригодится!..

Висячая изморозь закрыла наконец стадо. Опасность позади. Тормозят Рыбин, Карпов, Никитич. Я еще роскошествую — еду, любовью, какой красивый бег. Но вот незадача: стужаю обледенелыми нартами по карповским.

Володя падает, зло поднимается. И я слышу в свой адрес такое... Встал с нарты: сейчас врежу Карпову.

Секунда отделила нас от элементарной драки. А на поясе — ножи... Вырвал из-за спины кинокамеру, взял Володю в перекрестие объектива. У меня в руках пулемет и всаживаю в Карпова весь диск! Не убирал камеру, пока не кончилась пленка в кассете, окаменел в напорежении, не могу расслабиться.

Володя наконец выдавил улыбку, а я отошел на деревянных ногах. Исчерпан конфликт. У-ффф!..

..Меня беспокоил Нега. Он совсем ослабел от потери крови и кое-как тащился на поводке за нартами.

Опять олени! Едва успел воткнуть остел поглубже, — стрелой понеслась упряжка Сергея. Мы увидели, что на сей раз это просто упряжка подле глубоко в снегу сидящего домика. Все произошло быстро: собаки сшибли двух оленей, рык, хруст раздираемой кожи, удары, кровь. Сергей не мог ничего сделать: распластал смирных животных чуть не в клочья.

Пастухи молча и безучастно смотрели на бойню; Сергей наконец высвободил остел, собаки присели. Как рассчитаться с пастухами за убитки? Да у меня же Нега есть! Кровь за кровь — собаку, пусть с некачественным ухом, но возьмут, здесь ездовые ценятся.

Якут, не веря счастью, быстро увел Негу.

Вогнутое, будто вспученное море Лаптевых. Проще — полукруглое оно, как весь шар земной, ибо океан здесь — от края и до края. Самый голый участок. Около трех-

сот километров до Тикси. Лед, лед, лед. Без ориентиров. Единственная зацепка — капелька острова Муостах, на который еще надо пасть. А промахнуться в неоглядных ледовых просторах проще простого.

Снова рубили оленину в дорогу. На сколько суток уходим? Вопрос этот не обсуждали. Ощущение, что свершится важное, не покидало меня. Была полная неясность насчет дороги, зато стопроцентная уверенность успешного исхода. Радоваться этому чувству как силе или расценить его как самоуверенность?

Едва тронули в открытый океан, Сергей взял резко вправо. Паша только развел руками — азимут заметно левее. Мы с Рыбиным переглянулись: кто прав?

— Идем посередине, — предложил я, — хоть никого не потеряем из виду.

Вошли в зону торосов...

Над океаном разгуливался прекрасный день.

Володя оглянулся: Карпов и Филиппов выбрали нашу колею, но угол расходился, и скоро Сергей исчез из виду. Отличный день, голубое небо. Но что же происходит?

В сущности, Сергей нарушил закон маршрута — поправил штурмана.

Теперь рассмотрим ситуацию поближе: мы отставали от графика на 57 дней, — почти два месяца. В декабре — разгар полярной ночи — собирались проскользнуть море. Отводили переходу неделю... Но сейчас Сергей дал приказ пройти за два дня, до Муостаха же необходимо дойти за шестнадцать часов. Идти надо, по сути, не останавливаясь.

Итак, свободный ход, свободный спуск.

Сергей, вероятно, прав: надо же знать окончательную силу упряжек. Впереди озерный (и апрельский) Таймыр с раскисшими реками, слабоснежная (майская) Большеземельная тундра. Надо спешить, спешить.

Значит, экзамен на самостоятельность. Такая тактика специально не оговаривалась, иначе мы инстинктивно бы искали какой-то подстраховки (а какой?).

Здесь, как нигде в другом месте, будет ясно, кто что стоит как каюр. Наверное, море Лаптевых — полюс, вершина маршрута и все, что мы поняли, чего достигли; оно, море это, как планка для прыгуна — надо пережить чувство верхней взлетной точки. И я перестал держаться Володи. Засаекал на линии азимута поблескивающий торос, торчковый кусок льдины, кричал Старику: «Хак!», он, как бы отогнувшись, брал ход легко, азартно. Какой прекрасный пес! Он чувствовал мой взгляд, он был как продолжение радостного желания ехать и ехать.

Силы были. Я их чувствовал.

Никогда за всю экспедицию не был столь близок к чувству подлинности бытия — опасного и счастливого. И упряжка моя бесшумная входила в окружность моря, как в спасительный круг.

Море Лаптевых, море Лаптевых... Судно «Иркутск» Лаптева пришло к устью Лены в июле 1739 года. Ему надлежало пробиться дальше на восток. Снова встретили льды. Бот «Иркутск» встал. Напирающие льдины расталкивали баграми. Положение усложнялось. Лаптев писал: «Непрестанно пребывали в великом страхе». 14 августа Лаптев собрал совет. Решили отступить.

На следующий год «Иркутск» снова появился в море. Льды снова преградили путь. Тогда стали прорубать канал в мочучей толще арктических торосов.

Как рубить торосы? Для упряжки — ладно, представляю, хотя самому топор брать еще не приходилось. Но для судна, до самой воды? Непостижимо!..

Через год Лаптев снова атакует Ледовитый океан! «Терпели нужду, всякую скверность ели...» Третий раз выходит лейтенант Лаптев в море и третий раз, теперь уже у Большого Бараньего камня, судно затирает льдами. «Иркутск» возвращается на Колыму, а Лаптев решает отправиться в Анадырь, поперек всего азиатского материка — на упряжках!..

Спокойно можешь море носить имя такого человека.

...День кончился, я один катился в голубовато-серой чаше моря. Но что я чувствую?! Что с Володей? Пашей? Сергеем? Хорошо им? Трудно? Больно? Сиро? Холодно?

Темнота опускалась быстро, и на всем видном горизонте — только снег.

Откуда эта мысль?.. Ба, да мы жители снежной планеты! До чего же ярок и ясен убегающий свет полярного дня. Снег ты мой, чистота российской — не ты ли и на вершине Эльбруса, не ты ли на поле Куликовом, не ты ли, хлопьевый, сугробный, под окнами дома в Коптелово лучил свет этот?..

Не было страха, ибо хоть один я шел в полной темноте, но в круге ж берега, и где-то шли друзья мои. Нет одиночества. Мы придумываем его, если никого не любим.

— Старик, — крикнул я, — дай-ка ходу! Пусть обдаст ветерком!

Собаки несли вскачь. Но, увы, направление потеряно. Куда скачу? Небо завалено облаками. Вонзил остел — брызги льда.

Опрокинул нарты, на затекших ногах подошел к собакам.

Страшное чувство беды и непоправимого горя может расплющить, если хоть на минуту поддаться ему.

Мне нельзя двигаться, ибо по-

теряно направление и можно уйти в обратную сторону, мне нельзя стоять, ибо грозит задержка экспедиции, а корма — на два дня, и при сорокапятиградусном морозе без корма, на льду собаки погибнут за день.

Замри. Не шелохнись. Надежда виделась мне тонкой стеклянной ниточкой, которая вот-вот обломится. Мне можно не верить. Этого, наверное, почти не было. Но никто мне не помощник в секунду эту. Сорок лап собачьих подогнуты в ожидании. Их бог — только бег...

Вставайте, друзья мои собаки! Говорю им:

— На острове Муостах есть маячок. Он светит в ночи. Мигает. Нам только на него выйти. На него.

Наклоняюсь к Старику. Старый пес смотрит строго и серьезно.

— Вот и хорошо. Пошли... Старик шагнул. Раз, второй...

...Блеснул как всполох лепесток света. И еще через секунду. Маячок? Или мне кажется. «То ли снится, то ли мнится...»

— Не уходи пока, ночь, днем слепы маяки, не видны, бесполезны.

Хак, хак! Ты не ослабишь потяга, Старик...

...Мы дошли до Мурманска сухим днем 6 июля 1983 года. Дошли сорок живых: шесть человек, тридцать четыре собаки.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

«ЗНАКОМЦЫ ДАВНИЕ, ПЛОДЫ МЕЧТЫ МОЕЙ...»

Галина
ПАШНИНА

«В самый день моего приезда в Читу,—вспоминал И. И. Пущин,—призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестной рукой написано было: Мой первый друг, мой друг бесценный...»

Привезла ли Александра Григорьевна сама это стихотворение в Сибирь (что маловероятно) или заучила наизусть, а по приезде в Читу переписала своей рукой, или попросила кого-то это сделать, или кто-то из сопровождавших ее сохранил стихотворение — неизвестно. Ведь и сам факт доставки ему в Сибирь сосланным декабристам послания А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...», считающийся общепризнанным, никем до сих пор не доказан, а известный советский исследователь творчества поэта М. К. Азадовский установил, что А. Г. Муравьева не виделась с Пушкиным перед своим отъездом из Москвы в Сибирь. Следовательно, сам поэт не мог передать ей это стихотворение. Как все произошло на самом деле — остается только гадать.

Известно, что стихотворение Пушкина «Мой первый друг, мой друг бесценный...» начато было поэтом 11 января 1825 года, а закончено 13 декабря 1826 года. То есть поэт оставлял на время работу над ним, а затем опять принимался писать, и так было, по-видимому, не один раз. Процесс работы над этим Посланием И. И. Пущину весьма подробно прослеживается в работе Н. Эйдельмана под названием «Мой первый друг, мой друг бесценный...», однако сам автор подчеркивает, что история написания поэтом данного стихотворения требует дальнейшего исследования.

Черновик Послания представляет из себя полулист фабричной бумаги, текст на котором расположился сверху вниз, оставляя в разных местах листка кусочки свободного пространства.

Как и множество других черновых рукописей поэта, и этот черновик имеет рисунки, исполненные пушкинской рукой. До сих пор они не привлекли к себе внимания исследователей, вот и Н. Эйдельман,

Анна Николаевна Вульф.
Рисунок А. С. Пушкина. 1824 год,
Михайловское.

описывая черновик Послания, сообщает:

«Слева от текста быстрым пушкинским пером нарисованы чей-то профиль и женская головка, неведомо по какой ассоциации явившиеся при обдумывании трудного стиха».

Между тем и профиль и женская головка прямо или косвенно связаны с обстоятельствами появления этого стихотворного Послания.

Женская головка представляет из себя портрет Анны Николаевны Вульф, не только знакомой поэта, но женщины, любившей его глубокой безответной любовью.

Прасковья Александровна Осипова-Вульф и ее многочисленное семейство скрасили опальному поэту его пребывание в Михайловском.

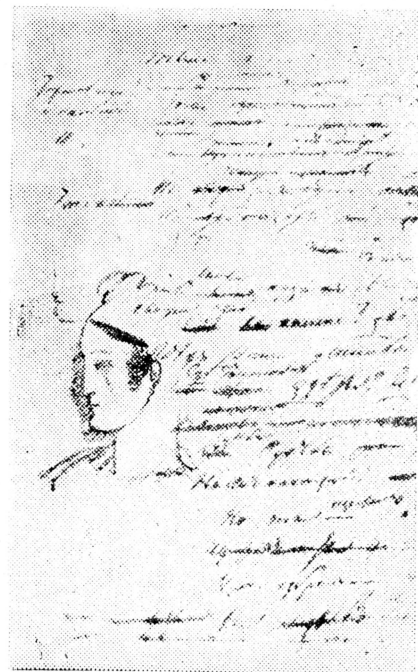
Как известно, по прибытии в Михайловское из Одессы поэт был встречен родными без особой радости и только обитатели соседнего Тригорского — семейство Осиповых-

Вульфов — окружили Пушкина сердечным домашним теплом.

Дочь Прасковьи Александровны, Анна Николаевна Вульф, стала поэту первым верным другом. Поэт внушил ей глубокое чувство, и этой любви Анна Николаевна осталась верна до самой своей смерти — она скончалась одинокой в 60-х годах XIX века.

Именно его портрет изобразил Пушкин на черновике Послания к Пущину — ведь время создания этого стихотворения совпало со временем дружбы поэта с Анной Николаевной.

Для отождествления изображения А. Н. Вульф, рисованного Пушкиным в 1826 году на черновике Послания И. И. Пущину, здесь воспроизводятся для сравнения ее портреты, исполненные поэтом в 1824 году и в 1829 году. Нет ника-

Неизвестная. Неизвестный.
Рисунки А. С. Пушкина на черновике послания И. И. Пущину «Мой первый друг, мой друг бесценный...» 1825—1826 гг. Михайловское.

ких сомнений в том, что во всех трех случаях изображено одно и то же лицо.

А вот мужской профиль, начатый поэтом выше портрета А. Н. Вульф и незаконченный, весьма характерен. Когда И. И. Пущин навесил поэта в Михайловском, между ними произошел знаменательный разговор, во время которого поэтом был упомянут «первый декабрист» Владимир Федосеевич Раевский. Неудивительно, что позже, создавая свое Послание сосланному на каторжные работы И. И. Пущину, поэт вспомнил их последнее свидание, их разговоры; вспомнил В. Ф. Раевского, которого хорошо знал, и профиль этого человека возник под пером поэта рядом со стихотворными строчками.

Анна Николаевна Вульф.
Рисунок А. С. Пушкина в Ушаковском альбоме. 1829 год, Москва.

Черты лица В. Ф. Раевского неповторимы: большой приплюснутый нос, тяжелый подбородок, низкий лоб, челка волос над ним и небольшие усики над верхней губой. В изображении Пушкина это лицо невозможно спутать ни с каким другим.

Портреты этих двух людей — В. Ф. Раевского (профиль) и Анны Николаевны Вульф — и украсили черновик бессмертного Послания Пушкина.

Рисунки А. С. Пушкина впервые атрибутированы (определены) автором статьи Г. В. Пашининой.

СУРИКОВЫ И ЕРМАК

**Владимир
МОЛОЖАВЕНКО**

На Дону есть две станицы Раздорские — одна стоит на реке Медведица, другая — возле устья Северского Донца. В старину их величали городками. А название пошло еще с той поры, когда домовитые казаки учинили «раздор», — хотели взять под свое начало неуемных вольных поселенцев, гольтыбу.

Только все вышло по-иному. Ермак Тимофеевич увел всю гольтыбу от домовитых казаков вверх по Дону, а потом и в Сибирь подался — неведомые земли завоевывать.

С той поры и поделались казаки на низовцев и верховцев. Домовитые — те от Раздорского Городка вниз по Дону осели, построили хоромин себе, пленные турки да пришлые хохлы на них работали. А гольтыба вверх по Дону селилась, кормилась охотой да рыбальством.

Раздорский Городок впервые упоминался в летописях в 1571 году. Но еще за три десятка лет до этого ногайский мирза Кельмагмет жаловался Ивану Грозному, что казаки понастроили на его земле городки, и Грозный ответил ему:

«Казанцы, азовцы, крымцы и иные — баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди — как вам тати, так и нам тати и разбойники».

Дипломатом он, Иван Грозный, был неплохим — хан ничего возразить ему не мог...

Вооруженные отряды казаков выбирали атаманов и ставили свои станы в дремучих лесах, на островах, поросших камышами, в излучинах рек, в неприступных местах, служивших им убежищем.

Зимой жили в больших землянках, а летом в шалашах из жердей и листьев. Все имущество казаков составляла одежда да таган с казаном. Готовили на очаге, сделанном в виде ямки, выложенной камнями. Человек по 10—20 вместе жили, готовили пищу, в одной суме держали имущество и добычу и назывались односумами.

Легко покидали казаки свои временные станы и так же легко ставили новые.

Потом появились постоянные поселения, которые назывались городки — от слова «огорожка».

Земледелием казаки долгое время заниматься не могли из-за непрерывных набегов кочевников, уничтожавших посевы.

Ловкость, находчивость, быстрый

конь, летучий аркан, меткая стрела и пуля спасали казаков в бескрайних просторах незащищенной степи.

Поначалу Раздорский Городок располагался на песчаном острове посреди Дона, а уже потом перенесся на крутое правобережье — место надежное на случай паводка — и стал казакам столярным городком. С тех пор и доныне спускаются крутыми террасами с высокого живописного холма прямо к самой воде узенькие улочки и переулки древней станицы.

Ничего особенного вроде бы сейчас и не заметишь на этих пыльных, неказистых улочках. Приземистые куреня, обветшавшие плетни, колоколенка без куполов, затравешный майдан... Раздорская даже и не районный центр — разжаловали ее из этого ранга и в Усть-Донецк район перенесли. Новина стороной обходит станицу, не жалуется. А побродишь по кривым улочкам, порасспросишь да поразузнаешь, что, где и как тут в старину бывало — станица предстанет иной: гордой, своенравной...

За околицей есть место, прозванное Ермаковой рощей. Когда-то тут росли вековые дубы. Сейчас — балки да заилевшие озера, а все таки их зовут рощей в честь Ермака. Рядом лиман — прозван Петровским: когда русский флот к Азову спешил, здесь была стоянка...

И еще Ермаковы места — Суриков с них писал картины.

Когда Ермак Тимофеевич отправлялся в Сибирь отвоевывать у татарского хана Кучума «страны полунощные», богатые «мягким золотом», был у него в войске есаул по фамилии Суриков.

В походах на Волгу, на Каспий, а потом и в Сибирь был с Ермаком рядом не один Петр Суриков, но и другие сподвижники атамана — Иван Кольцо, Никита Пан, Богдан Бряга, — и все тоже из Старого Города. На Иртыше Петр Суриков чудом избежал смерти: такой жестокой была сеча. Потом есаул исправно нес караульную службу. Уже не сам, а с сыном — тоже Петром. В одной из схваток с татарами Петру-младшему выбили глаз стрелой из лука. Чтоб не путать отца с сыном, прозвали младшего Петра Кривым.

У Петра Кривого были сын Иван и внук Василий, а у Василия — тоже сын Иван и внук Васи-

лий. Самый младший Василий Суриков стал великим художником. И, наверное, не случайно мечтой его жизни стала картина о Ермаке.

Целых триста лет минуло со времени знаменитого похода Ермака в Сибирь, но никто из живописцев не решился воспеть подвиг донцов. К тому времени Россия знала уже и оценила такие шедевры Сурикова, как «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова», как роспись храма Христа Спасителя в Москве, но художнику по-прежнему не давали покоя легенды и сказы о покорении казаками Сибири. Мечта написать полотно о Ермаке не покидала Сурикова. Он много раз начинал набрасывать эскизы и... откладывал их в сторону. Понимал, надо «все увидеть, перечувствовать самому, ко всему прикоснуться, что хочешь писать». Оставив все дела в Москве, Суриков отправляется в 1891 году сначала в далекую поездку на Урал, а потом и в места своего детства — Сибирь.

В Красноярске Суриков пишет полотно «Взятие снежного городка». Лихая и разудалая игра сибиряков. Всадники пробивают снежный вал. А вокруг них — по обе стороны вала — свистят, улюлюкают, машут ветками, пугают копей. Раскраснелись от азарта и от мороза лица, смеются румяные сибирские казаки, переливается по жилушкам неумная сила, и дыбом встают кони, — кажется, вот-вот сбросят они с хребта всадников...

«Взятие снежного городка» и давний эскиз «Степана Разина» можно, по-видимому, считать предлюдием к «Ермаку». Об этом времени жизни Сурикова напишет потом Максимилиан Волошин:

«Темная, ночная память крови угасает, но он умом осознает и утверждает свою родовую связь с Сибирью и казачеством».

Чувства не угасали, нет! Кровь продолжала бурлить. И в памяти крови, сердца, всех его чувств возникали осмысленные разумом дорогие образы. «Начал «Ермака», — пишет Суриков матери и брату. — Картина помаленьку подвигается.

И в другом письме:

«Ермак» подвигается...»

Летом 1892 года художник работал в Тобольске. «Пишу этюды в музее и татар здешних, и еще воды Иртыша...» А ниже — приписка: «Что делать! Этюды нужны...» Из Тобольска снова едет в Красноярск, оттуда плывет вверх по Енисею в Минусинск, на золотые прииски за Узун-джулом. Там рождаются его этюды «Хакасы» и «Шаман». И вдруг — удача! Неожиданная, а может быть, и долгожданная: «Нашел тип для Ермака...» Это было именно то, о чем он мечтал: чернобородый, собранный, полный воли

к победе Ермак, перешедший потом на полотно...

Весной следующего года Суриков прочитал книгу Александра Ригельмана «История, или Повествование о донских казаках». Читал и понимал: нужно ехать на Дон. Картина может родиться именно там. «Не знаю, каково будет на Дону, — снова пишет он своим родным, — да очень нужно там быть. Ничего не поделаешь! Лица старых казаков там напишу».

Он приехал на Дон в мае 1893 года. Жил в Старочеркасской, Константиновской, Раздорской станциях. Подружился с казаками, наблюдал и изучал их уклад.

Старый Город пришлось художнику по сердцу. Из реликвий старины больше всего, конечно, поразили Сурикова кандалы Степана Разина. Воображение сразу рисовало горький конец атамана: «Вернусь к нему. Напишу его в расцвете молодецкой силы, а не законченного перед казнью...»

Еще в Красноярске у художника был друг — Иван Тимофеевич Савенков, археолог. Суриков считал его похожим на Разина и даже сделал с него набросок. Неизбежно вставал перед ним и другой образ — Пугачева: «Зашел я однажды в Ростове пообедать в подвальную харчевню и только начал есть, как увидел мужика, страшно похожего на Пугачева — рост, плечи, борода, волосы, а главное — лицо, выражение воли в лице... Я жадно смотрел на него и позвал к себе, чтобы создать его портрет».

Каково же было удивление художника, когда тот бородастый казак оказался внуком сподвижника Пугачева — Ефимом Кобяковым. Суриков написал с него этюд. Он долгое время хранился в Новочеркасском музее истории донского казачества, а после революции бесследно исчез*. С этого началась целая цепь пропаж...

Разин и Пугачев влекли к себе художника, но главным делом всей жизни уже стал для него в ту пору «Ермак». Вот строки еще из одного письма с Дона:

«Я написал много этюдов; все лица характерные. Дон сильно напоминает местности сибирские, должно быть, донские казаки при завоевании Сибири и облюбовали для поселения места, напоминавшие отдаленную родину. Меня казаки очень хорошо приняли... Ездил с казаками на конях, и казаки хвалили мою посадку. «Ишь, — говорят, — еще не служил, а ездит хорошо...» Нашел для Ермака и его есаулов натуру для картины. Теперь вписываю их».

* Осталась лишь репродукция, она была воспроизведена в журнале «Красная нива» № 4 за 1925 год.

Прототипами героев суриковского полотна стали казаки Макар Агарков, Кузьма Запорожцев, Дмитрий Сокол, Арсений Ковалев, другие станичники.

Вот лишь краткий перечень сохранившихся до наших дней эскизов художника: «Голова стреляющего казака в коричневой шапке», «Казак Дмитрий Сокол», «Донской казак, заряжающий ружье», «Донской казак Кузьма Запорожцев», «Казак с поднятой шапкой...» Все они хранятся в Суриковском зале Третьяковской галереи.

Картину «Покорение Сибири Ермаком» Суриков заканчивал уже в Москве. Съездил там в казармы, где был расквартирован казачий полк, пригласил офицеров посмотреть незавершенный холст, и те сказали:

— Нашенские! Как есть нашенские...

Ахали и охали, даже называли фамилии тех, кто был изображен на полотне. Это была самая лучшая похвала. «Казачья» сторона картины теперь заполнилась. Неясным оставался правый угол полотна — не хватало выразительных лиц, которые стали бы прототипами воинов Кучума. И художник снова отправляется в Сибирь.

Лишь в марте 1895 года он показал свою картину на XXIII передвижной художественной выставке в Петербурге.

Когда всматриваешься в картину, невольно думаешь о встрече двух стихий. Кисть художника запечатлела мгновение, когда клин из лодок и воинов Ермака врезался в широкий строй ханского войска. Этот клин еще не остановился, но вот-вот остановится. Стрела — быть может, отравленная — вошла в грудь казака, потерявшего в жаркой сече папаху, и он вытаскивает из груди эту стрелу, а сам рвется вперед, лицом к воинам Кучума. Рядом нацеливает ружье стрелок в шапке, — горбоносый, смуглый, чем-то похожий на Григория Мелехова, если бы столетия не разделяли его с дружиной Ермака...

И вот еще что интересно. Художник изобразил Ермака вовсе не на первом плане, и ничем он вроде бы не выделяется, если не считать руки, протянутой вперед. Главное в картине — не Ермак, а народ, хотя воля Ермака и цементирует войско. Полощется над дружиной знамя по ветру — наверх его служило еще Дмитрию Донскому на Куликовом поле. А напротив — другая стихия: разноплеменное войско Кучума, растерянное, потерявшее веру. Сам Кучум — вдаль от сечи, он хитер и коварен...

Лишь шестьдесят человек можно насчитать на полотне, а впечатление такое, что перед тобой тысячное войско.

«Даже не приходится на ум разбирать эту копошащуюся массу со стороны техники, красок, рисунка,— писал о картине Репин.— Все это уходит как никчемное: зритель ошеломлен этой невидальщиной. Воображение его потрясено».

Копию своей картины художник подарил донским казакам. Старожилы помнят, как долгие годы — вплоть до революции — эта картина висела в раздорском станичном правлении, и все, кто приходил туда, отыскивали на полотне своих соседей и знакомых. Станичники называли имена людей, с которых Суриков писал героев своей картины: Ермака — с батарейца Арсения Ивановича Ковалева, а казака с веслом — с Антона Тузова.

Живет в станице Раздорской страстный краевед Леонид Тимофеевич Агарков — по-видимому, один из потомков того Макара Агаркова, что позировал Сурикову. Находка, попавшая в руки Леонида Тимофеевича, оказалась столь же удивительной, как и загадочной: фотография знаменитого батарейца Арсения Ковалева. Начали рассматривать фотографию и обнаружили, что это не снимок, а фотокопия с потрета, выполненного акварелью. Специалисты-искусствоведы, увидев снимок, сделали заключение: акварель выполнена кистью очень талантливого художника и имеет большое сходство с образом Ермака на картине Сурикова — тот же орлиный нос, лохматые брови, зоркие глаза...

Не будем торопиться с выводами, но очень вероятно, что Агарков нашел копию неизвестной акварели великого художника. А где же сама акварель?

Агарков догадался, что и у потомков Антона Тузова была «парсуна деда, писанная на веленовой бумаге». И ее не удалось найти. В фондах Третьяковской ни первой, ни второй акварели нет.

Затерялись следы и еще одной суриковской акварели. В переписке с родными художник упоминал, что в Раздорской он написал портрет станичного атамана. Сохранилось даже предание о том, что, увидев будто бы свой портрет, атаман сказал Сурикову: «Ловко изобразил ты меня, казак! Ну, жди теперь, Василий Иванович, осенью получишь от меня бочонок с вином нового урожая...»

Бочонок — бочонком, но ни в одном из каталогов акварель эта тоже не значится...

Старожилы рассказывали Агаркову, что атаманом в Раздорской станице в ту пору был урядник Иван Ильич Бударин. Удалось найти в Ростове-на-Дону на улице Молодежной, 24 его дочь — Анну Ивановну Розину. В 1893 году ей было всего шесть лет, но она хорошо

помнила по рассказам родных, что Суриков часто бывал у них и действительно писал портрет отца. В 1934 году Анна Ивановна переехала в станицу Елизаветинскую, а дом в Раздорской сдала в аренду квартирантам. Портрет отца остался в станице и потом бесследно исчез.

Бесследно ли? Может, он и поныне хранится в какой-нибудь казачьей семье и владелец его даже не подозревает, каким он обладает сокровищем?

Уезжая с Дона в Москву, Суриков уложил в чемодан далеко не все свои эскизы. Многие остались в Старом Городе, в Раздорской и Константиновской станицах. Никто еще, кроме Леонида Тимофеевича Агаркова, не пытался их отыскать.

А ведь любому из таких эскизов — нет цены.

*ЛОНЖЮМО,
1911 ГОД...*

**Леонид
ГОЛУБЕВ**

Среди людей, оказавшихся вместе с В. И. Лениным в Париже, был и политический эмигрант Иван Петрович Мазанов. В. И. Ленин хорошо знал Ивана Петровича и всю его семью — жену Екатерину Ивановну, детей — Мишу и Зину.

В 1896 году И. П. Мазанов был осужден за участие в екатеринославском социал-демократическом кружке на три года в ссылку в Сибирь. Юная Катя, его невеста, решила разделить с ним судьбу. Они обвенчались в Бутырской тюрьме и последовали по этапу в Туруханск.

После разгрома восстания донецких рабочих в 1905 году И. П. Мазанов был вынужден эмигрировать. В Париже он работал токарем, жил в квартире по улице Барро, 91. В этом же доме жила семья революционера Алексея Алексеевича Шпагина. Одно время в мазановской квартире жила Инесса Арманд.

Вот тогда-то Зина, ей было одиннадцать лет, впервые увидела Владимира Ильича, которого дети называли дядей Володей.

Зинаида Ивановна Бене-Мазанова, единственная из живых свидетельниц пребывания Ленина в Париже, в Лонжюмо, живет сейчас в Риге.

ПОДАРОК МАРШАЛА

**Леонид
СУРИН**

Юрюзанский завод был единственным предприятием, обеспечивающим кавалерию Красной Армии подковами и гвоздями для ковки лошадей. В 1940 году завод изготовил 14 миллионов подков, 848 тонн гвоздей, более 30 миллионов шпиров «Нейс».

Маршал С. М. Буденный, первый кавалерист страны, помощник Главкома Красной Армии по кавалерии и член Реввоенсовета СССР, инспектор кавалерии РККА, постоянно проявлял большой интерес к заводу.

12 февраля 1964 года С. М. Буденный послал в Юрюзань письмо:

«Дорогие товарищи юрюзанцы! — писал маршал в этом письме. — Наша Родина и ее Вооруженные Силы не забудут вашего самоотверженного труда по обеспечению советской кавалерии подковными изделиями. Боевая слава легендарной гвардейской кавалерии, громившей немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, не померкнет никогда.

В этом есть и доля ваших заслуг.

От всего сердца желаю вам светлого счастья и самых больших успехов в коммунистическом строительстве. С глубоким уважением

*С. Буденный,
Маршал Советского Союза, член Президиума Верховного Совета СССР».*

Два года спустя от Буденного пришло другое письмо:

«Дорогие товарищи! — писал Семен Михайлович. — В честь вашего самоотверженного труда по обеспечению конно-подковными изделиями легендарной Красной конницы шлю вам благодарность и памятный сувенир. Пусть он напоминает молодому поколению о героической борьбе советского народа на фронтах войны и трудовых подвигах в тылу за честь и свободу нашей Родины.»

Памятным сувениром, о котором шла речь в письме, были личные шпory Буденного, служившие ему еще в годы гражданской войны.

С тех пор и лежат под стеклом витрины заводского музея рядом с образцами довоенной продукции Юрюзанского механического завода — подковами различных марок — шпory маршала Буденного, подаренная им фотография.

БЫТЬ ЛИ МУЗЕЮ И. В. КУРЧАТОВА?

Дорогая редакция!

Тебе, конечно, хорошо известно имя академика И. В. Курчатова! Известно, наверное, и то, что родина ученого — Урал. Его предки были крепостными, и не одно их поколение было связано с огненной работой.

Начал я письмо с этих общеизвестных мест вот почему. Я живу в том самом горном уральском городке Симе, где родился и рос будущий знаменитый ученый. Прямо перед окнами моей квартиры по ул. Пушкина, 1 стоит небольшой кирпичный белый двухэтажный дом. Построен он в 1850 году и принадлежит Симскому заводу. 12 января 1903 года в семье помощника лесничего Василия Алексеевича Курчатова родился сын Игорь.

В этом доме по праву и давным-давно должен бы находиться мемориальный музей И. В. Курчатова. Тем более, что материалов для создания такого музея — вполне достаточно. Вот уже более двух десятилетий (!) местные краеведы, скрупулезно собирающие и хранящие экспонаты для будущих экспозиций, тщетно бьются над проблемой: как убедить хозяев этого дома освободить его под музей. В помещениях здания крепко засели мастерские механического техникума и за многолетнее пребывание здесь порядком-таки обезобразили его. Пока дом еще держится, но кто знает, сколько ему удастся простоять? Ведь находится он на территории завода и не исключено, что в любой момент может прийти идея снести его, хотя бы чтобы «снять вопрос» о создании какого-то там музея.

Обидно иногда смотреть, как иные руководители с легкостью необыкновенной тратят немалые средства на различного рода престижные сооружения. В то же время на ремонт дома И. В. Курчатова не потрачено ни копейки. Похоже, что тех, кому принадлежит дом, стало раздражать и выводить из терпения требования горожан и многочисленных гостей из других городов — восстановить дом И. В. Курчатова и создать в нем музей.

По-моему, пришло время при-

влекать к проблеме внимание общественности. Недавно прошел юбилей ученого (мы надеялись, что к этой дате хоть что-то изменится, но, увы!). К 80-летию со дня рождения И. В. Курчатова в срочном порядке организовали во Дворце культуры мемориальную комнату. Ну, а когда многочисленные гости разъехались, комнату, вздохнув с облегчением, закрыли. Правда, приставили к ней присматривать доброго 72-летнего пенсионера, на случай, ежели когда понадобится кому-то заглянуть туда.

Наши местные краеведы-энтузиасты не смирились, однако, и продолжают свое дело. Хлопочут над собранным материалом по истории завода, жизни и деятельности Курчатова, не оставляя мечту разместить весь этот материал в будущем музее. Да и разве это было бы не здорово — увековечить память Курчатова на пользу молодежи и потомкам в старинном городе, где он родился, среди прекрасной природы! Сим издавна является местом паломничества великого множества туристов, окрестности здесь удивительные, недаром сюда съезжаются на непродолжительные этюды художники. Здесь проводятся всесоюзные слеты пионеров-курчатовцев...

Словом, энтузиасты-краеведы надеются... а я опасюсь, что может случиться непоправимое. С великим усердием собранный краеведами-пенсионерами И. Н. Кузнецовым, Д. С. Волковым, И. К. Федоровым материал может исчезнуть, рассеяться, и придется нашим потомкам со вздохами и ахами собирать все заново по крупицам, по кирпичикам. Такое, увы, случалось, и не раз...

Очень надеюсь, что наш самый уральский «Уральский следопыт» поможет отстоять доброе дело. Да и кому, как не молодым, перенимать и хранить эстафету памяти! К сожалению, здешний комитет комсомола пальцем не пошевелил, чтобы оказать какую-либо помощь в организации мемориального музея. Словно их это и не касается...

И. ТЕТЕРЮКОВ,
токарь-универсал
г. Сим

ВСЕГДА РАДЫ ПОМОЧЬ, НО...

Если признать тот факт, что работа составляет большую половину жизни человека, то выбор профессии является во многом выбором жизни. Какой она будет — яркой, наполненной большим человеческим смыслом, или серой и нудной — зависит от этого шага — решения посвятить себя тому или иному делу.

Давайте поговорим о вещах как будто бы несущественных. Действительно, несущественно ли, что Лена К. из Петрозаводска пишет «адреса», «хочю», «памагите» и «можноли», если она собирается в стюардессы, а не в учителя русского языка? Существенно ли, что Юлия П. из Пермской области не хочет отрабатывать два года на производстве, так как она любит петь, а за два года «непения» у нее «может сорваться голос»? Существенно ли, что Коля В. из Ленинграда не удосужился написать ни «здравствуйте», ни «до свидания», если он хочет стать массажистом?

Существенно ли, что многие ребята не умеют реально оценивать свои возможности, но зато умеют безапелляционно требовать к себе внимания? И вообще, какая беда в том, что Аэррофлот и театральное училище стонут от наплыва желающих летать и играть на сцене, тогда как то самое производство, на котором может «сорваться голос», ощущает недостаток рабочих рук?

Может быть, это вовсе не такие уж несущественные вещи — инфантилизм, эгоизм, дезориентация? Может быть, речь идет уже не об обыкновенной романтичности возраста, когда хочется позидать весь свет, узанать побольше и больше отдать людям? Не связано ли это со странной меркантильностью юного возраста?

Вот лаконичный ответ, полученный нами от директора Свердловского театрального училища:

«Как правило, на факультете ежегодно поступают до 40—50 девочек на место, мальчиков — до 15—20. Особенно удручает поток представительниц женского пола, большинство из которых не просто не имеет актерского таланта, но и элементарных данных для нашей профессии».

Галя К. из Омска обратилась с просьбой дать «несколько» адресов театральных училищ, потому что она «страстно мечтает» стать актрисой. Признаться, нас задело такое явно потребительское отношение к журналу, и мы ответили резковато: когда мечтают по-настоящему, а тем более «страстно», то не сидят и не ждут письма из редакции, а едут, ищут, делают, добиваются!

Письмо в редакцию — это не письмо знакомым. Девчонке или мальчишке... Другое дело, когда человеку на самом деле требуется наша помощь, когда он бьется над сложным, а подчас и мучительным для себя вопросом — конфликт с родителями, поиски настоящих друзей, истин и, конечно же, осмысленный и взвешенный выбор профессии... Мы всегда рады помочь советом, а если необходимо, и делом. Но... Надеясь, не следует уточнять, что стоит за этим самым «но».

ЭХО

Ирма
ДЕНИСОВА,
Сергей
МАТВЕЕВ

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Легкая рябь пробежала по высвеченным солнцем голубым шторам. Солнечные блики мерцали на стене, скользили по лицу женщины. Казалось, еще миг — и портрет оживет: дрогнут полные бархатистые губы, застенчивая улыбка превратится в открытый радостный смех.

«Обычное лицо. На улице встретишь сотни таких. Но почему, когда всматриваешься, душа очищается, приходят покой и ясность?..»

Последнее время Гертэна неодолимо, особенно ближе к вечеру, тянуло сесть в кресло и смотреть на одну из картин его маленькой коллекции. Картин было четыре. Только четыре.

Первую нашел давно, когда работал на строительстве в Сибири. Тогда поразило, что небольшой кусок холста, обнаруженный в земле среди истлевших остатков древнего поселения, уцелел, сохранил прочность. Смыв грязь, Гертэн увидел портрет девушки. Этой самой, с бархатистыми губами, с русыми от висков падающими косами. Краски яркие, не тронутые временем... Гертэн заподозрил было, что кто-нибудь из строителей подшутил над ним. Но радиоактивный анализ показал, что картина относится к первому веку. И тогда Гертэн сменил специальность. Уехал в город, занялся археологией и теорией живописи.

Годы ушли, пока он разыскал еще три картины. У всех одинаковый размер: двадцать пять на тридцать сантиметров, и краски не тронуты временем. На обратной стороне всех полотен удалось восстановить полоски орнамента, сделанного растительным соком. Один орнамент — копия другого. Гертэн предположил, что это подпись художника. Оказалось, лишь одна картина — портрет ребенка — создана, как и первая, в начале эры, а две другие — тремя столетиями позже. ЭВМ сообщила: орнамент, скорее все-

го, — неизвестная письменность; он ритмичен, возможно, это заклинание; расшифровать нельзя — мало информации.

Все же Гертэну удалось коснуться потаенного. Чуть-чуть. Словно на миг заглянул в приоткрытую дверь. Четырежды. В разное время. И теперь обрывки увиденного влекли за собою различные догадки, домыслы. Но днем. Вечерами он просто садился в кресло и смотрел на одну из картин.

Он знал, что полотна нетленны, но прятал их за занавесью, как святыню. Пусть, думал, каждая встреча будет праздником. Сегодня открыл портрет светлокосой девушки.

Чувство покоя, света приходило не сразу. Вначале скользили привычные мысли. Вспомнилось, как обрадовался, узнав о новом приборе, по портрету воссоздававшем объемный облик человека во весь рост. Гертэн вместе с автором прибора просмотрел все четыре полотна. Люди с древних холстов казались совершенными...

Солнечные отблески, смягченные голубыми шторами, дрожат на узком лице. Тяжелые губы чуть улыбаются, чувственно, призывно, а взгляд, детский, целомудренный, очищает душу. Животворная сила таилась в каждом из древних полотен. Созерцание любого из них постепенно отрешало Гертэна от забот, от неистовой скачки от одного «надо» к другому, к третьему, и вскоре он ощущал себя легким и бодрым, словно ему вновь двадцать лет и он только что проснулся ранним безоблачным утром, а не провел день в напряженной работе. Так уносит иногда далеко-далеко, а потом будто снова рождает на свет прекрасная музыка...

Громкая, победная мелодия. Гертэн вздрогнул. «Равель. Болеро. Кто-то из друзей...» Задернул портрет, накиннул легкий шелковый халат и нажал кнопку.

И сразу угол комнаты будто отгородило матовое стекло. На нем, как на льду под солнцем, появились проталинки. Наконец перегородка растаяла, и перед Гертэном возникла комната, заставленная аппаратурой. Сквозь окна чернело небо, усеянное звездами. На пороге, у черты, где ковер переходил в пластиковый пол другой комнаты, стоял младший брат Гертэна. Копна бронзовых волос. Насмешливый взгляд. Смуглое лицо, узкобедный и длинноногий, как греческий бог... Гертэн, застеснявшись своей тучности, сильнее затянул пояс халата.

Ив поздоровался и, как всегда, торопливо, радостно засыпал брата новостями. Все же Гертэн понял, что Ив вернулся из космического исследовательского рейса и отдыхает. Отдых, как всегда, оригинальный: Ив кружит около Земли на спутнике — сам вызвался исправить метеорологическую аппаратуру.

Дальше выяснилось, что Ив по обыкновению совмещает несколько дел сразу. Помимо всего,

он еще и пытается разобраться, почему их космический рейс кончился неудачей.

— Хоть ты, Гер, обычно ничего вокруг не замечаешь, но, думаю, слышал, что гуманоиды — понимаешь, гуманоиды, это же такая редкость в космосе! — отказали нам в контакте?

Гертэн слышал об этом.

А Ив уже возбужденно топтался между приборами и рассказывал, как их корабль встретил планету, похожую на Землю. На ней обнаружили цивилизацию. В таких случаях космическое уложение предписывает вывести корабль на постоянную орбиту и связаться с аборигенами. Как ни странно, это легко удалось сделать с помощью обычной радиосвязи на длинных волнах. ЭВМ-лингвист освоил местный язык. Командир попросил разрешения на посадку. Ответ изумил всех. В переводе он звучал так: «Пусть каждый член экипажа опишет словами, нарисует или еще каким-нибудь способом изобразит самую прекрасную женщину на корабле. Через сутки ждем капсулу с материалами». Далее следовали координаты места, куда нужно было сбросить капсулу.

— У них еще нет телевидения! — горячился Ив. — Мы предложили вместо капсулы опустить телеголограф. По нему показать каждого из нас. Персонально! Объемно! Они отключили радиосвязь.

Космонавты огорчились недолго. После споров, кто на борту из женщин прекраснейшая, большинство голосов получила врач Нитана.

За два часа до отправки капсулы в гостиную гремел хохот. Математик сделал чертеж: Нитана, размером один к пяти, фронтальный вид, боковой разрез, вид сверху. Один из отвергнутых поклонников написал сонет, сравнив Нитану с коварной, все замораживающей статуей. Психолог Инга показала дружеский шарж.

— А я сочинил частушку! — гордо объявил Ив. — Обобщил все коротко и ясно. Недаром я ассоциатор!

— То есть — дилетант? — уточнил Гертэн.

— Поздравляю, Гер: первая шутка! Но ты прав, наше время снова возвысило дилетантов. Без меня узким специалистам на борту и договориться было бы трудно. Они друг для друга инопланетяне! Нужен свежий взгляд, ум обобщающий, не окостеневший в парадигме, не утонувший в профессиональных деталях, терминах. Отсюда постановление космического совета: ни одного рейса без ассоциатора на борту! Вот и я, братец, сгодился...

— Капсулу отправили? — спросил Гертэн.

— Конечно! А сверху положили съёмную фотографию Нитаны. И еще указание — какую кнопку нажать, чтобы вернуть капсулу на корабль. Прошли сутки. Капсула не возвращается. Приемник молчит. Стали подбадривать друг друга: гуманоиды, мол, скисли от смеха и прочее.

Потом не на шутку встревожились. Наконец капсула вернулась. В ней картина...

— Какая картина?! — встрепнулся Гертэн.

— А-а, пустяк! Нарисован обломок полуистлевшей ветки. Видно, местный юмор. Не в ней суть. Кроме картины — записка! ЭВМ перевела: «Испытания не выдержали. Мы вынуждены прервать связь. Картина — наш дар Земле. Если разгадаете, будем счастливы встретить братьев и сестер. Прощайте». Мы стали вызывать их по радио. Не ответили!

— Почему-у? — протянул Гертэн.

— Все на Земле, кроме моего старшего брата, сейчас ломают над этим голову! — насмешливо произнес Ив.

— Гипотезы? — Гертэн натянул на массивные колени полу халата.

— Тысячи!

— А отбросив нелепицы?

— Немного. Первая: что-то в нашем физическом облике напугало их. Вторая...

— Подожди! Если бы внешность Нитаны совпала по каким-то приметам с обликом местного антихриста, вас не назвали бы братьями!

— Логично, Гер. Нехватку юмора ты восполняешь догадливостью...

— Расскажи о картине, — попросил Гертэн. — Они ведь намекнули, что разгадка в ней.

— Ты стал еще обидчивей, Гер! Вон и одышка усилилась. Успокойся! — Ив укоризненно покачал головой. — А картина, думаю, пустой номер. Мы ее оглядели, ощупали, обнюхали! И сами, и приборами! Нитана сказала, что в детстве собирала «одухотворенные» ветки и корни, и эта ветка напоминает ей гусеницу. А я реалист. Никаких иллюзий — сухая ветка, и все! Кстати, была гипотеза: пожухлая ветка — знак неблагоприятия на планете. Например, там множится зловерный вирус. Даже объявились спасатели-добровольцы неизвестно от чего. Пробырки-то с вирусом нет! Не знак это вовсе!

— Фотография есть? — спросил Гертэн. — Самому бы посмотреть...

— Фотографии нет. А над подлинником сейчас физико-химико-биологи колдуют. Я же, помня твою страсть к живописи, решил обратиться к тебе. Вдруг твоя доминанта сработает, и...

Голос Ива завибрировал. И сам он, и приборы вокруг замерцали, начали вытягиваться, скручиваться в жгуты. Последнее, что разобрал Гертэн, было тоненькое:

— Жди-и-и!

Забыв выключить видеофон, Гертэн вышел из кабинета. Сколько не виделись с братом, а встретились — и радость вскоре сменилась раздражением. Раздразжал и насмешливый тон Ива, и принятый в среде молодежи бодливый юмор. Ив даже не спросил, как дела, сразу начал о своем! И вызвал-то, когда ему понадобился совет Гертэна...

Грузно ступая, мучаясь одышкой, Гертэн вернулся в кабинет. Лекарство принимать не стал. Снова открыл портрет русококой девушки и сел напротив. Сидел, всматривался в ее лицо. Обыкновенное лицо! А взгляд греет. Взгляд отца. Словно опять, как в детстве, под щекой мягкое колено отца, а на затылке — рука-крыша.

Явь отца была светлой. Подойдешь ближе к нему, перешагнешь незримую границу, и сразу действительность, оставшаяся снаружи, преобразалась: неприятности исчезали, оставалось только хорошее. Обидные выходы Ива уже выглядели детской резвостью, шуткой. Выговор матери — ее заботой, любовью к сыну. И сам Гертэн преобразался в собственных глазах. Все, за что корили Ив и мать, меняло полярность: линейность становилась целеустремленностью, нехватка юмора оборачивалась серьезностью, сентиментальность — чуткостью. Другие люди, поговорив с отцом, тоже уходили окрыленными. И поразительно — много позже Гертэн открыл это, — сам отец был слабым, незащищенным, а жесткая, колючая мать, оказывается, оберегала отца, этот чистый источник живой воды для всех...

Однажды мать в пылу гнева заявила, что ей надоело быть пугалом для людей, надоело охранять покой блажененького мужа. Она уехала, не сказав, куда и надолго ли. Вскоре на очередную стройку вылетел Гертэн. А потом его звали. Тело умершего отца напоминало мумию. Гертэна долго преследовал кошмар: толпа улыбающихся людей, наивных до невежества, горстями хватает, рвет невозвратимое — время отца, и он на глазах стареет, иссыхает...

Навязчивый кошмар исчез, когда Гертэн нашел в котловане портрет светлокосой. Лицо девушки возвращало детство, возвращало живого отца. Вроде ничего общего: тучный мужчина преклонного возраста и юное девичье лицо! Но у обоих родниковый, омывающий душу взгляд. И безмерная доброта... И теперь Гертэн каждый вечер погружался в нее, эту доброту, созерцая один из четырех портретов. Лица двух женщин, ребенка и старика разные, но каждое из них возвращает явь отца. Вот и сейчас пришло долгожданное ощущение теплой ладони на затылке, и уже совсем другие мысли в голове...

— Забавно! — раздался сзади голос Ива — Если бы не знал, что отец любил лишь одну женщину, маму, то поклялся бы — его дочь!

— Не самая удачная из твоих шуток, — мягко сказал Гертэн и обернулся.

Ив стоял у незримой границы и внимательно разглядывал портрет.

— Прости, Гер. Отвык от твоей сентиментальности. Кто эта девушка? Она и впрямь чем-то напоминает отца.

— Первый век нашей эры, — Гертэн подошел к занавеси, закрывавшей остальные портреты.

и сдвинул ее.— Малыш — тоже, а эти женщина и старик — третий век.

— Отлично реставрированы! Просвети: кто написал?

— Лики нерукотворные.

— Не морочь голову, Гер! Я материалист!

— Я тоже. И сейчас докажу, что мистики тут нет.— Гертэн подошел к столу и снял чехол со стоявшего на нем пластикового куба.— Вот прибор. Новинка! История такова: наука давно пыталась создать особый вид жидких кристаллов. Предполагалось, что они смогут фиксировать обстановку. Нечто вроде искусственной памяти. Но она должна отличаться от имевшихся устройств, как телеголограф отличается от простой фотографии. Создать в лаборатории эти кристаллы пока не удалось. А в моих холстах их обнаружили! Естественные, природные! И тогда создали этот прибор. Он считывает... нет! Скорее воскрешает, материализует события прошлого. Не прибор, а машина времени! Но смотри сам.

Гертэн снял со стены портрет светлокосой девушки и вложил в прибор. Потом задернул окно плотными шторами. Комната погрузилась в темноту. Он предложил брату сесть, сел сам и закрыл глаза...

Запах влажной земли и еще терпкой свежей зелени. Вверху под солнцем блестит снег. Горы вокруг плечом к плечу — защитники. В кустах щебечут птицы. Шелестят листья. Росистая трава щекочет ноги. Сколько тюльпанов! Набрать бы синеглазке! Но не время. Рядом неслышно ступают девушки и юноши. Надо, как они, сдерживать шаг, приноравливая его к медленно идущим впереди старцам. Но как хочется что-то сделать! А-а, возьму-ка холсты у соседа, пусть отдохнет...

Поворот. Тропинка скрывается в каменной пещере. Пещера!..

После теплого солнца, ярких цветов, пения птиц — тишина, густой сумрак огромного каменного зала. Пахнет сыростью. Вверху, сквозь узкие трещины, пробиваются лучи света, бледные, будто навек замурованные узники. Они тонки и не освещают пещеры, а сплетаются над головой в серебристую, уходящую ввысь паутину...

Сидели молча, кутаясь в белые, козьего пуха плащи. Время застыло. Но вот поднялся старец, взял холст, подошел, потянул за руку и повел в черноту бокового хода.

Долго шли рядом в полной тьме. У старца шершавая теплая ладонь — успокаивает. Свободные руки обоих вытянуты вперед. Вот они коснулись мягкой ткани. Старец отдернул завесу.

Яркий, ослепительный свет! Зажмурившись, шагнули ему навстречу. Медленно открыли глаза.

Стояли на дне глубокого колодца, до краев полного солнцем. Старец приложил холст к сте-

не, разгладил его, и холст прилип к ней. Старец ушел.

Перед глазами белое пятно. На нем вьется черная линия. Она, как узкий живой ручеек, скользит, изгибается, движется... Вот сделала петлю. Края петли обросли косматым мхом. В центре обозначился кружок. В нем — точка. И вдруг из верха черных извивов выглянул живой глаз! Тонкая линия движется быстрее, петляет, рвется. Пряди ее сплетаются в косы... О, всесильная богиня гор! Лицо синеглазой. И чудо! Смуглеет кожа, на щеках проступает румянец, блестят русые косы, а синие глаза... Холст упал и свернулся в трубку. Кружится голова. С трудом, как изнуренный болезнью, нагнулся и поднял плотный, потяжелевший холст...

Опять зал с паутинным, чахлым светом. Второй старец берет за руку девушку и ведет за собой в колодец света...

...Звездное небо. Пылает костер. Молодые поют «Песнь вздоха». Ее всегда поют тихо, без слов. Похрапывают задремавшие старцы...

...Солнце. Теплая пыль под ногами. Площадь очерчена стволами деревьев. На корявых ветвях лиловые цветы. Посредине висит площадка из желтого мрамора. Вокруг одни взрослые. Они торжественно поют «Закон предков».

— Закон предков суров. Закон справедлив. О, юноши и девушки на пороге зрелости! Откройте свою душу! Не стыдитесь, откройтесь нам. Ради общего блага откройтесь. Закон предков суров. Закон справедлив. Откройте нам душу! Добрые матери лелеяли вас. Добрые отцы наставляли. И судить вас будет добрый народ. Откройте! Закон предков суров. Закон справедлив. Откройте душу! Слепые уйдут сами. Пастухи проводят их за горы. Закон суров. Дурная овца губит стадо. Ради общего блага откройтесь нам!

...Теплые мраморные ступени под ногами. Внизу блестят глаза. Ждут. Смотрите все! Вот так, поднять холст и медленно повернуться, чтобы все успели наглядеться. Вот моя ненаглядная! Моя синеглазая!.. Ласковый шепот. И улыбки, улыбки...

Спрыгнул с мраморной глыбы. И уже рядом синие глаза, русые косы, а на руке прохладные, как горный снег, пальцы...

Темнота. Тишина. Щелчок. Вспыхнул свет. Гертэн взглянул на брата. И улыбнулся, словно ему приснился желанный сон.

— Удивительно,— протянул он.— Что-то подобное ощущал в шестнадцать лет. Но сейчас ярче, чище. С тобой то же, Гер?

Гертэн кивнул.

— Звуки, запахи, чувства — все натурально! Полное перевоплощение! А какой странный гимн. Чего они хотят?

— Сейчас узнаешь.— Гертэн, радуясь, что

брат разделяет его чувства, вынул холст из прибора и повесил на стену.

— Забавно,— уже с обычной иронией произнес Ив.— Давным-давно какой-то юноша влюбился в блондинку. И следа его не осталось, а ее портрет висит в кабинете чувствительного толстяка и...

— Хватит, балагур,— остановил его Гертэн.— Юноша вскоре погиб. Обвал в горах. Не покажу. Мучительно. А вот эта девушка старше блондинки на триста лет... Сейчас увидишь, чего боялись предки.

— Блондинка мила, а эта просто красавица! — восхитился Ив.— А взгляд... Явно, девушка знатного рода! Так?

— Если бы не вечные спешка и разбросанность, ты мыслил бы логичней,— пробормотал Гертэн, вложил холст в прибор и выключил свет.

Весенний ветер. Росистая трава под ногами. Лужайка — будто ковер, затканый тюльпанами и брошенный под ноги. Шаг невольно становится величавым, плавным, глаза щурятся...

Пещера. Темно. Промозгло. Пахнет плесенью...

Сколько света! И совсем одна. Какой белый холст на стене. По нему вьется, петляет черная нить. И, будто в заколдованном зеркале, проступает любимое, прекрасное лицо. Свое лицо... Пovyше поднять волосы... Еще один перстень на руку...

...Лиловым венком вокруг площади цветущие деревья. Возле желтой мраморной площадки нарядные люди. Сбоку молодежь в белых пушистых плащах. У каждого в руке свиток холста. Последние торжественные слова: «Откройте нам!» Тишина. О, всемогущая богиня гор! Как бьется сердце! Но нельзя, чтобы тревогу заметили.

На желтой площадке девушка. В поднятых руках холст. А на нем тюльпан, будто вышитый шелком. Тюльпан — как хрупкая чаша, наполненная солнцем. Обычный тюльпан, их тысячи под ногами. Похожий на все и неповторимый, как лицо человека, тюльпан...

Женщина помогла девушке прыгнуть на землю и сказала:

— Хорошо начинаешь жизнь, Лея. Теперь твое имя — «Зоркий глазок». Открывай и дальше людям в обыденном, знакомом неповторимую красоту!

Юношу за нею нарекли «Сеятель». Потом были девушки «Заботливая мать», «Искусная пряжа», юноша «Влюбленный в Мету», так звали его невесту. Уже мало осталось их у желтой глыбы. Знобит...

Еще один. В руках портрет старца, провожавшего в колодец света. Юноша, подняв холст, поворачивается, а в толпе нарастает смех. Смех мучительный, судорожный. Лица корчатся, на

глазах слезы. Добрый старец на холсте выглядит тощим, шелудивым лисом, жадно и опасно подстерегающим юных цыплят. Из толпы закричали: «Убери это! Спрячь!.. Уйди, Усыня!» — и Усыня прыгнул на землю, встал в стороне, на лице застыла потерянная улыбка.

Ком в горле. Сбежать бы, пока не поздно! Бежать некуда...

Следующий юноша поднял свой холст. На белом поле вьется черная нить. Гневные выкрики: «Хитрец!.. Обманщик!.. Трус... Тарх опасней Усыни!..» И Тарх встал рядом с Усыней. Скрестил руки на груди. Смотрит поверх голов на белоснежные вершины гор...

Осталась последней. Ноги тяжелые. Мраморные ступени обжигают подошвы. Не смотреть вниз — там глаза. Какой жесткий холст! Закрывать им лицо, спрятаться! А чего бояться? Что понимает это стадо?! Смотрите! Смотрите все! Вот мое настоящее лицо! А не то, рябое после черной болезни...

— Люта, еще раз повернись. Медленней,— попросил кто-то.

А-а, проняло все-таки!

И как гром среди ясного неба:

— Нет! Нельзя! От такой гордыни порча пойдет. Пусть тоже уходит.

Окружили пастухи в черных косматых плащах. Повели.

— Лю-ута! Проща-ай! — стонущий выкрик матери.

О, могучая богиня гор! Пусть никто не увидит слез...

...Темнота. Горький чужой запах. Ломкая трава под рукой. Светает. Желтая полоса отделила небо от земли. Ровная, далекая. Какой плоский мир впереди! Сзади родные горы. Пути назад нет. Пастухи ушли ночью тайной тропой. А они остались здесь, маленькие, беззащитные, как три муравья на бескрайнем травяном блюде...

— Мне холодно,— вырвалось жалобно.

Тарх молча поднялся и обернулся, разглядывая горы, будто надеялся увидеть вход в пещеру. Поднялся и насмешник Усыня, подшутивший над старцем. Он смотрит вперед. Звезды там не голубые, а красные. И мерцают.

— Костры,— сказал Усыня.— Люди. Идем к ним.— Он поднял мешок с едой и пошел вперед.

Всхлипнув без слез, перекинула свой мешок через плечо и поспешила за Усыней. Догнал Тарх. Усыня обернулся, спросил:

— Где твой мешок, Тарх?

— Оставил.

— Зачем?

— Так,— усмехнулся Тарх.

...Вместо костров тлеют кучи углей. Рядом спят люди. Один сидит поодаль. Голова свесилась. В руке длинная палка. Вокруг косматыми тенями бродят лошади.

— Надо разбудить пастуха.— Усыня тронул сидевшего за плечо. Тот поднял голову, вскочил и выставил острый конец палки. Усыня вежливо взял за него. Но пастух вырвал палку, нацелил ее на Усыню, будто собрался проткнуть его, и зло закричал. Проснулись люди. Обступили. Узкие темные глаза на смуглых, как из меди, лицах смотрят хмуро, настороженно.

— Сядем,— распорядился Усыня,— пусть не опасаются нас.

Села. Выложила на полотенце лепешки, сыр, яйца, пригласила всех есть вместе. И вдруг... О, всемогущая богиня гор! Кто это?! Он идет — перед ним расступаются. Борода черная, кольцами. Взгляд орлиный — мороз по коже! В горах ни у кого нет такого взгляда, даже у пастухов. И Усыня с Тархом не вынесли, опустили глаза. Опять глядит! А лицо-то рябое... Мать называла ласково — кукушкино яйцо. А вдруг он?.. Зачем так глядит! Может, показать портрет? Ведь похожа! Только брови чуть гуще, ресницы длинней, щеки алые, гладкие... Закрыть, спрятать кукушкино яйцо! Прикрылась рукавом. Жесткие пальцы отвели руку. Приподняли подбородок. Как смотрит! О, великая богиня гор, помоги!

...Чудной дом. Прямо на земле крыша из лошадиных шкур. Верно, много скота пало? В крыше вход. По бокам двое. В руках длинные ножи.

Лавок нет. Сели на пол, на войлок. Барашек на блюде пахнет горелым мясом. А чернобородый, хозяин, понюхав, чмокнул губами. Дал всем по чаше без ручки. Сам взял такую. Налил воды. Пить хочется! А вода мутная и тоже плохо пахнет. Глотнула — огнем опалило! Закашлялась. Чернобородый захохотал. Усыня и Тарх выпили воду. Он тоже. Потом пощупал белый плащ Усыни. Тот снял плащ, с поклоном протянул хозяину. Чернобородый выхватил из-за пояса красную палку с перекладной, отдал Усыне. Усыня опять поклонился и стал разглядывать крест. Хозяин еще больше развеселился. Взял крест из рук Усыни, дернул за короткий конец, и вещь распалась на чехол и острый нож.

— Кинжал! — сказал хозяин и взмахнул им, будто хотел перерезать себе горло.

Не помня себя, очутилась рядом. Закрыла рукой его горло. Борода колючая, а под ней кожа ягненка... Близко-близко орлиные глаза. Горячая ладонь на затылке. Усадил рядом. Не удержалась, будто случайно коснулась щекой каменного плеча...

Вошел человек, долго говорил непонятное, обращаясь к Усыне и Тарху. Они, виновато улыбаясь, качали головами...

Хозяин вывел наружу. Указал в разные стороны и вопросительно развел руками. Тарх показал на горы. Чернобородый покачал головой. Тарх снова махнул в сторону гор. Хозяин взял доску и углем провел на ней линию. Тарх, про-

должив ее, нарисовал круг, а в нем — дома и людей. Хозяин весело хлопнул его по спине.

Вернулись в дом-крышу. Сели. И опять неотрывный, жгучий взгляд. А лицо-то рябое! Что делать? Прижала руки к груди. Зажмурилась. И запела старинную «Песнь вздоха». Ее всегда поют без слов. О, богиня гор, смягчи его сердце!.. Взглянула — в темных глазах солнце. На шею легла тяжелая серебряная цепь, еще теплая его теплом... Повел к выходу. Не шла — лебедем плыла рядом. Смотрите, Усыня, Тарх, разве та, с портрета, смогла бы так величаво, плавно пройтись?..

...Какой простор! Не горная каменная ловушка! Хорошо скакать на лошади по голубой траве! Свистит ветер. Запах конского пота, полыни. А рядом скачет чернобородый Урт.

— Догоня-ай! — вырвалось ликующе, и хлестанула лошадь.

Урт залиvisto свистнул. И кони уже летят по голубой траве, как по небу...

...Сквозь юбку, затканную золотыми нитями, колено ощущает каменное бедро Урта. Он сидит, высоко подняв голову. Воин над воинами. В черной бороде уже седые пряди. Но взгляд прежний — орлиный... Ноют плечи, спина. Голову клонит тяжелая, украшенная самоцветами шапка. Но жена Урта не зря рядом с ним на возвышении — не шелохнусь, не моргну... Показаться бы сейчас родичам! Точь-в-точь как на холсте! Так сказал Усыня, взглянув на портрет в шатре, когда Великий прислал его звать Урта на пир. Урт и Усыня побратимы. Оба в чести у Великого. А Тарх потерялся в степи, когда войско Урта покинуло предгорье. Верно, погиб... Урт отважный! Воин над воинами! Взяла за руку. Рука мужа горячая, и сила льется из нее. Снова выпрямилась, выше закинула голову. О, богиня гор, спасибо!..

Темнота. Щелчок. Свет.

— Забавно! — усмехнулся Ив. — Впервые ощутил себя женщиной. Оказывается, они чувствуют и думают кожей! Но это горное племя — ой-е-ей! Всегда подозревал, что у доброты двойное дно. Вон как с неугодными дочками и сынами расправились!

— Древние племена, бывало, выбраковывали неугодных проще — убивали, — заметил Гертэн.

— Консерваторы! — бросил Ив. — Не ведают, что творят. Обречены на вымирание! Меня тоже бы выставили.

— А если бы оставили, ты отравил бы их насмешками, — буркнул Гертэн, вешая на стену холст и снимая портрет старика. — Кстати, они не вымерли. Сейчас покажу любопытные сцены...

— Подожди! Дай опомниться. Неужели мы с тобой одновременно были этой надменной кра-

соткой? Оба видели, слышали, чувствовали то, что и она тысячи лет назад? Чудо!

— Эмпирика без теории всегда кажется чудом. А теории пока еще нет: новинка! Сейчас портрет старика откроет нам дальнейшую судьбу изгоев, и ты убедишься...

— Да погоди же, Гер! Совсем заморочил! Объясни, как сумел подобрать холсты по времени? Где разыскал их?

— Лишь два совпадают по времени. Заслуга его величества случая. Первый, знаешь, нашел в котловане. Старика — в маленьком провинциальном музее. Сотрудников удивила прекрасная сохранность древнего полотна. Кстати, оно так и называлось — «Лик нерукотворный». Потом я выступил по телеголографу, рассказал о нетленных картинах, попросил, если кто встретит похожие, прислать. Особых надежд не было. Но вскоре студентка привезла из Монголии портрет Люты. А последним холстом горжусь — сам вычитал.

— Как?

— Искал предания о горных племенах. Известно, когда кочевники, как полчища воинственных муравьев, шли по земле, то часть людей укрывалась в горах. Легче спрятаться. А у древних славян и святилища были в горах...

— Согласен! — перебил Ив. — Пусть так. Но малой группе долго не выжить в полной изоляции!

— Почему? — Гертэн пожал плечами. — Обособленные группы вроде Шамбалы здравствовали веками... Я нашел подходящую легенду. Звучит примерно так: «Посреди бескрайней зеленой равнины стоят горы. Если подняться высоко-высоко, выше облаков, и взглянуть сверху, то покажется, что в зеленый океан брошен большой камень. Камень ушел на дно. А вода взметнулась ввысь серым кольцом и застыла так навечно. В центре этого кольца зеленый, как равнина, островок. Там, укрывшись от всех, живет маленькое племя. Оно хранит чистоту доброго взгляда. Если человек попадет туда, он обретет блаженство. Но труден заповедный путь». Дальше, видимо, позднейшие наслоения. Островок сравнивается с эдемом, раем, у обитателей которого кроткие, ангельские лица. Созерцание их очищает и дарит здоровье телу. Ну я и решил искать островок в горах.

— Гор — множество, жизни не хватит все обследовать!

— Физики помогли. Помнишь, я говорил, что в холстах содержится особый тип жидких кристаллов? Так вот, физики сделали прибор-индикатор. Я облетел с ним Урал, Тянь-Шань — глазок индикатора мертв. Вернулся, проверил на холстах — работает. Снова вылетел. На пути к Памиру глазок прибора вдруг ожил, замигал! Местность подходящая: серое каменное кольцо, внутри зеленый островок. Опустился. Начал рас-

копки. Нашел остатки поселения, неподалеку — кладбище. Над могилой женщины, под дерном, обнаружил четвертый холст! — он указал на портрет ребенка. — Малыш будто только что написан художником! Но главное: индикатор особенно зачастил, когда я отправился с ним на запад от селения. Каменная осыпь, пути дальше нет, а глазок мигает неистово!

— Думаешь, там скрыта картинная галерея? — насмешливо спросил Ив. — Эдакий запасник нерукотворных ликов!

— Не думаю, а надеюсь, — серьезно ответил Гертэн. — Скорее всего, осыпь завалила вход в пещеру, в колодец света. А именно на его стене холсты превращались в картины. Нетленные! Вероятно, стены колодца покрыты теми жидкими кристаллами. Индикатор уловил их природный источник. А ты заметил, Ив, что колодец, когда туда вводили каждого, был полон солнца? После тьмы — ярчайший свет! Удар по нервам! А белый холст с путаницей черных линий по сути тест на подсознательное, вроде клякс у психиатров. Кроме того, солнечный свет, видимо, активизировал жидкие кристаллы, которые постепенно пропитывали холст. Помнишь, холсты тяжелели, падали?.. На днях лечу туда. Раскопаю осыпь, найду кладовую жидких кристаллов — какой подарок науке!

— Зачем все это, Гер?!

Ив вскочил, руки сжали спинку кресла, тело напряглось. Хлынули пылкие, резкие слова. Гертэн запахнул халат, сел, положил на колени портрет старика и приготовился покорно слушать. Мать говорила про Иву в такие минуты: «Опять накапало!» Отец успокаивал: «У Ива такая манера думать вслух». Иногда добавлял: «Тебе легче, Гер. А в Иве толпится с десятков людей. И каждый стремится перекричать остальных, увлечь своим...»

— Зачем, Гер?! — так пылко выкрикнул Ив, что отвлекшийся было Гертэн стал слушать внимательно. — Допустим, жидкие кристаллы с помощью солнечной энергии пассивно фиксируют образы подсознания. Прекрасно! Но нам-то это зачем? Нашему обществу? Нельзя судить человека за мысли, чувства, тем более неосознанные! Ах, чистота племени! — кривляясь, передразнил он. — Ах, доброе виденье! И — неугодных вон! А кого? Девушку, мечтавшую быть красивой! Да кто же не мечтает об этом? Парня, одаренного юмором! И второго — скрывшего душу. Но почему он хитрец? Чем опасен людям? Может, не хотел выставлять напоказ сокровенное — любовь без взаимности? А их троих — вон! Жестоко! Бросай это дело, Гер! Зачем нам жидкие кристаллы? Зачем побуждать дурное, опасное любопытство?!

Ив отвернулся. Голова ушла в плечи. Казалось, вот-вот он, как в детстве, яростно затопает ногами.

— Ассоциации порой уведат тебя далеко от истины,— мягко сказал Гертэн.— Любое открытие — шаг вперед. Любое — благо. Лишь подозрительность и страх уродуют науку. Почему жидкие кристаллы должны служить дурным целям? Мой знакомый, например, считает, что их будут первыми забрасывать на новые планеты и получать исчерпывающую информацию без риска для людей. Да и в земных делах они пригодятся. Важны добрые намерения, доброе виденье...

— Может, и нам по примеру горного племени делить людей на элиту и париев?! — обернувшись, зло перебил Ив.— Элите — Земля, а всех инаковидящих — кораблями на другие планеты! Не пробросаемся ли? Помнишь отца? Тоже абсолютно доброе виденье. Но без маминой защиты — а ты маму черствой, заземленной считал! — он не выжил. Да-да, знаю! Отец окрылял людей! Верно. Но при этом сам был беспомощным, беззащитным... Твое племя не зря пряталось в горах. Оно нежизнеспособно. И наверняка давно стерто с лица Земли!

— Все не так,— Гертэн печально покачал головой.— Один действительно в поле не воин. Но группа, особенно в изоляции, все-таки может существовать. Тем более, избавляясь от опасных для себя особей. «Закон предков» справедлив. В малом коллективе главное — уживчивость. Без нее гибель. А отбор по уживчивости может привести к генетическим сдвигам. Недавно читал: в двадцатом веке академик Беляев отбирал в питомнике лис по признаку добродушного характера. Через несколько поколений лисы стали крупнее, увеличилась плодовитость...

— Лисы не люди!

— Рерих писал, что у жителей Шамбалы, веками обособленной, были, по слухам, какие-то необычайные способности. И у горного племени они есть. Умиротворяет созерцание даже их портретов. Ты сам, Ив, на миг поддался очарованию русокозой. И кочевники смягчились, а ведь встретили изгоев! И это лишь маленькая, изолированная группа людей! А если — целая планета? Они наверняка обладали бы сверхспособностями. Были бы добры и мудры... Кстати, нечто подобное могло бы быть и на планете, отказавшей вам в контакте.

— Чушь! — возмутился Ив.— Они мудры? Да там еще телевиденья нет! Добры?! А братьев по разуму не впустили! Они лишены чувства юмора. Параллель нелепая! Ну, а в отношении горного племени, каюсь, я погорячился, сгустил краски.

— И с Тархом ошибся.— Гертэн вложил в прибор портрет старика.— Сейчас убедишься.

— Опять угостишь чужими ощущениями? Я не против. Валай! Кем стану на этот раз?

— Усыней.

— Отлично! Парень с юморком...

Скверный запах. И горло жжет. Но зато потом даже рябая Люта кажется красоткой. Ишь, хмурый Тарх, глотнув, заулыбался. И Урт уже не смотрит волком, сейчас по обыкновению начнет хвастать.

— Мы могучи! — сказал Урт и погладил черную бороду.— Нас много. Нам покоряются народы. Живем весело. Быстрые кони, длинные копья, острые кинжалы. Скоро в путь. Великий возвысит меня. Буду собирать ему дань. Богаче Великого нет никого под небом!

— А зачем ему, Урт, столько еды и вещей? Зачем отнимать их? У нас в горах каждому всего хватает. А если чего нет, попросишь у соседа — он даст.

— Верю, Усыня,— кивнул Урт.— И хочу посмотреть на добрый горный народ.— Глаза его хитро прищурились.— Покажешь путь?

Что делать?! Язык не повернется вымолвить, что племя отвергло их и дорога обратно неведома. Взглянул на Тарха. У него глаза-щелки, как у меднолицых. Хитер. Помощи не жди. А Люта сидит рядом с Уртом и моргает — молчи, мол.

— Покажешь путь, Усыня? — повторил Урт. Голос мягкий — точь-в-точь ножны кинжала.— Мы привезем Великому нежную, как Люта, жену. Он будет смотреть на нее, сердце его смягчится, и он возвысит нас...

Люта положила руку на плечо Урту и, глядя ему в глаза, запела «Песнь нежности». О, великая богиня гор, спасибо, что одарила наших женщин лукавой, змеиной мудростью...

..Красивый кинжал. Острый. Хорошо строга-ет палку. Тонкие стружки пеняются... как горная река. Испить бы ледяной водицы!..

— Усыня! — окликнула Люта, заглянув в шатер.— Иди скорей! Тарх вернулся с воинами.

Странно, только десять воинов снимают вьюки с коней. А где остальные? Лицо Урта каменное — не поймешь, что думает.

— Развяжи! — Урт указал на ближайший тюк.

О, богиня гор! Только Зорин чеканил на таких серебряных ковшах твой облик в виде мудрой змеи, дарящей миру дождь...

— Они были у нас, в горах,— с ужасом шепнула Люта.— Ковш Зорина. Значит, Тарх провел. Помнишь, оставил мешок?

— Все десять ко мне! С поклажей! — крикнул Урт, махнув прибывшим воинам, и приказал стражам: — В шатер никого не впускать!

— Идем, Усыня,— снова шепнула Люта.— Знаю, где видно и слышно, и никто не заметит. Неужели все наши?.. — Она испуганно зажала себе рот обеими руками.

Распластавшись в траве, заглянули в шатер. Урт отошел от раскрытых тюков, сел и тихо спросил воинов:

— Где остальные? Погибли?

— Живы,— ответили воины хором.

— А где же они?! — громко удивился Урт.

— Остались там.

— В плену? — Урт снова перешел на шепот.

— Нет. Не захотели уезжать.

— А это как добыли? — Урт указал на тюки.

— Подарки.

Урт закрыл глаза, погладил черную бороду.

— Нас выгнали, а чужаков оставили, — с обидой шепнула Люта.

— Мы по своей воле подчинились закону предков, Люта. Воины Урта остались насильно. Что могли наши сделать против? — В голове мелькнуло: «А может, воины научат наших защищаться?..»

— Там хорошо? — прервал молчание Урт.

— Очень! — ответили двое.

— Почему же вы не остались? — Урт хитро прищурился.

— Из-за детей, — ответил один.

— Я тоже. Пятеро. Кто накормит? — объяснил второй.

— А вы? — Урт кивнул остальным.

— Мы там не были. Мы охраняли выход.

Урт опять помолчал, потом спросил:

— Какие там люди?

— Как жители неба! Не расскажешь, надо видеть, — отец пятерых детей шумно вздохнул.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Урт. — Верю. И наши такие. Смотрю на Люту, сердце греется.

— Там все такие! Есть и лучше!

Урт молчит. И воины молчат, ждут. Люта вцепилась в руку ледяными пальцами. Лицо белое. Погладил ее по дрожавшим в ознобе плечам. Снова заглянул в шатер. Урт провел руками по лицу, наморщил лоб и спросил:

— Что я скажу Великому? Что потерял большую часть воинов живыми? Что не смог покорить безоружных? — Он тяжелым, подозрительным взглядом обвел воинов и резко выкрикнул: — Слушайте! Я доложу... — Урт по-волчьи оскалил зубы и заговорил — каждое слово, как рывок, как укус: — Я скажу!.. Великому!.. что мы покорили!.. людей гор. Скажу: раненные остались там... собирать дань! Остальные!.. Погибли во славу Великого! И он, Великий, наградит вас! — Он снова подозрительно оглядел каждого. — Запомнили?!

Ответом ему был единодушный громкий вздох.

— А трое чужаков? — тихо спросил кто-то.
— За жену ручаюсь, — сказал Урт и запальчиво добавил, будто споря с кем-то: — И пусть он увидит Люту! Великому всю добычу, себе — только Люту. Моя доля!

— А те двое? — робко напомнил кто-то.

— В Усыне уверен, — твердо произнес Урт. — А другой... Думаю, Тарх не выдержит длинных переходов — он слаб телом.

— Не опасайся, Урт! — с готовностью откликнулись двое, побывавшие в горном кольце. — Мы поможем Тарху в пути! Арканы у нас крепкие!

— Урт самый мудрый, хитрый, — радостно шепнула Люта. — Правильно решил. Пойду к нему. Но молчи, Усыня, что мы слышали. А Тарх теперь нам чужой. Так, Усыня?

— Так, Люта.

Убежала. Любит Урта. Ей не будет одиноко на чужбине... Но ход через гору, кроме Тарха, знают еще десять! Воинов! Ради Люты Урт обманет Великого! А воины? Особенно, если напьются вонючей воды! Пойду, предупрежу Урта. Надо спасти своих...

...Ковер мягкий. Даже лицо не ушиб. Но неужто Урт меня, как раба?.. Нет. Сам лег рядом. Какому смешному старику поклоняются! Лицо рысье, а борода козлиная...

— О, Великий! — громко сказал Урт. — По твоему приказу мы выгуливали коней перед походом, и я узнал, что рядом в горах затаились люди. Послал воинов. Они победили. Но многие полегли в бою. Часть воинов я оставил собирать дань. А это, Великий, все, что привезли с гор! — Урт указал на груды вещей.

— Введите воинов! — высокий, ломкий, как у отрока, голос. — Пусть расскажут о горных людях.

Какая недобрая, рысья улыбка! Неужели догадался?..

— О, Великий! — скорбно выкрикнул Урт. — Раненые не вынесли длинных переходов. Но перед тобой человек с гор. Спроси его.

— Он не ранен. Он — трус? Где взяли его?

— Усыня певец. Его нашли спящим. Узнав о твоём могуществе, Великий, он сам захотел петь тебе лучшие песни. — Урт лбом боднул ковер и, не разжимая губ, прошипел: — Пой. Как Люта. Смягчи его.

Горло пересохло. Как цепко смотрят рысьи глаза. Щупают взглядом. И опять резкий, ломкий голос:

— Подойди, Усыня. Твое лицо мне нравится, оно веселит...

...Кониная вязнет в зубах. Но Люта права: чужие обычаи надо уважать. Пора свыкнуться, потерпеться — давно тут живем.

— Ешь больше, Усыня! — Голос у Великого громкий, а сам он еще состарился — желтый сморщенный стручок с рысьими глазами. Но осторожней с ним — коварен. — Много еды — много

здоровья. Ешь, Усыня. У меня есть певцы лучше тебя, но твое лицо смягчает сердце и продлевает годы. Я приказал умелому рабу нарисовать тебя. Твое лицо будет висеть в моем шатре. Люди смертны. — Чуть не подавился! На что намекает?! — У картины век дольше. Пусть успокоит меня в дни скорби. Ешь, Усыня, ешь больше...

Щелчок. Свет. Какой смущенный вид у Ива.

— Тебе пора отдохнуть, — заботливо сказал Гертэн.

— Уже все исправил. Сейчас пойду на посадку. Спасибо, Гер. Ты помог мне. Есть ассоциация! Надо проверить. На днях заеду.

— На днях я вылетаю на раскопки.

— Постараюсь успеть. Гер! Ты сипишь, совсем как отец! Давно не ремонтировался? Беру слово, что до отъезда подлечишься. Пока! — Он лукаво улыбнулся и исчез.

«У малыша такая же мягкость в лице, как у взрослых, — думал Гертэн, вглядываясь в портрет. — Тоже успокаивает, бодрит. За день пришлось побегать: лекции, сборы в экспедицию. Но все позади. Одышка проклятая замучила. Жаль, не успел к врачу...»

Ив пришел необычайно озабоченный. Повесил плащ и сразу спросил:

— Прибор, считающий прошлое, еще у тебя?

Гертэн кивнул.

— Тогда держи! — Ив протянул брату небольшой прямоугольник, обернутый бумагой. — Выпросил до утра. Подлинник. Вдруг тоже — из нерукотворных?

Гертэн развернул картину. Ветка какого-то растения, кожа сморщенная, серо-коричневая. Вставил картину в прибор, выключил свет, нажал кнопку. Ни-че-го!

— Возможно, у них иные частоты биотоков мозга, — предположил он, желая утешить Ива. — Но я не физиолог. Нужно с ними посоветоваться. Прибор в полном порядке. Сейчас включу свет.

— Не нужно, Гер. Посидим, как в детстве. Помнишь, ты всегда в темноте сочинял и рассказывал сладкие сказки?

— А ты — горькие.

— Никогда не сочинял сказок! Я реалист. А правда редко бывает сладкой. Она кислая, соленая, горькая! Но приперчишь ее юмором — можно проглотить. А ты все обильно сахарешь, Гер. И все больше становишься похожим на отца. Ведь он...

— Ив, не говори плохо об отце.

— Вот-вот! Опять в кусты! — в сердцах бросил Ив. — Кстати, я не собирался чернить его. Хотел лишь сказать, что отец помогал тем, кто шел к нему за утешением. А ты...

— Тебе очень плохо, Ив?

— Думаешь, горюю, что не смог побывать

в шкуре гуманоида? — воинственно перебил Ив. — Занялся этим между прочим! Скажи, Гер, почему ты до сих пор холост? — вдруг по обыкновению он перескочил на другое. — Ведь ты такой уживчивый!

По тону брата Гертэн понял: это сейчас главное для Ива.

— Наверное, я не умею любить, — тихо ответил он. — Я внимателен, заботлив, но этого мало...

— Можно, Гер, я сегодня переночую у тебя?

— Конечно, оставайся! Сейчас поужинаем...

— Не надо! Давай поговорим. Знаешь, мне кажется, что не только отцу с мамой, но и ей с ним тоже повезло. При ее вспыльчивости ужиться с нею мог лишь отец. Забавно, — уже насмешливо произнес Ив, — каждому сварливому надо искать себе в пару уживчивого, иначе все сварливые вымрут, не дав потомства.

— Верно, Ив. Многие ученые считают, что отбор по уживчивости, начавшийся среди наших предков миллионы лет назад, идет и сейчас. Мнительность, подозрения калечат, разрушают соглашения. Убежден: хранители доброго виденья в горах боролись за уживчивость.

— Но ведь я оказался прав, Гер! Ты нашел остатки поселения. Люди-то вымерли! Излишняя доброта нежизнеспособна!

— Шлиман тоже нашел остатки Трои. Но никто не считает, что троянцы вымерли. Их увели, они растворились в других народах. Возможно, и в нас с тобой есть ген какого-нибудь троянца. Так и с горным племенем. Поэты сложили о нем такие прекрасные легенды, что их заслушивались даже люди практического ума. Практики не умеют, как поэты, жить одновременно в двух реальностях. Они отправились искать обетованную землю. И нашли ее! Дальше в моей легенде говорится: пришло так много людей, что зеленый пятачок за каменными стенами не смог вместить всех. И тогда кто-то увел жену из этого племени, кто-то мужа. Молодых увели, старики умерли, дома заросли травой. Даже нетленные картины, висевшие у ворот каждого дома, и картины-надгробья тоже унесли. Но это не такой уж печальный конец, Ив! Гены доброго виденья продолжают странствовать в нас...

Утром Гертэн проснулся рано. Лежал, и тревожные мысли одолевали его. Судя по ночному разговору, брату плохо, он мечется, в разладе с самим собой, к тому же неладно в семье... Как помочь? Чем?

Гертэн встал, распахнул окно. Потом, сдвинув занавесь, открыл любимый холст — портрет русокозой девушки. Сел в кресло. Яркое солнце озаряло портрет. Синие глаза смотрели на Гертэна. Ни одна женщина не смотрела так на него. Взгляд светлокосой вмещал и заботу матери —

чем бы тебя еще порадовать, сынок? — и само-забвенную страсть возлюбленной, и восторженное обожание дочери... В эти глаза можно смотреть вечно. Но... Ив. Ив! Пока спит, надо заняться его холстом.

Он встал, вынул картину из прибора, повесил на стену и, бережно укрыв занавесью синеглазую, снова сел в кресло. В душе, после встречи с любимицей, скопилось столько нежности, что ему вдруг стало жаль сухую ветку. Когда-то на ней были листья, распускались цветы. Ее покачивал ветер, грело солнышко. Теперь тоже яркое солнце озаряет ее, но она мертва. Мертва ли? Гертэна, словно током, пронзило острое желание увидеть ветку живой, в полном цвету. Почудилось, что в ответ на доброе пожелание на ветке под серо-коричневой кожей вздувается бугорок, похожий на почку. Вгляделся пристальней и уже не мог отвести взгляда: бугорок рос на глазах! Набух. Лопнул. Бледно-желтые листья расправились, будто крылья бабочек. Вытянулся сочный зеленый стебелек. Листья зазеленели гуще. В пазухе одного из них появился бутон. Лопнул! Медленно раскрылся. Нежно-голубые лепестки фарфорово засветились в солнечных лучах. Повеяло свежестью, неизъяснимым ароматом...

Гертэн вскочил, не веря себе, подбежал к картине. Протянул руку и осторожно обвел пальцем контуры рисунка. Да, в ярком солнечном свете старая, высохшая ветка дала росток. Он зацвел! Но голубой цветок ничем не пахнет...

Дышал Гертэн хрипло, натужно. В голове кружились обрывки мыслей. Наверное, так все и происходило в колодце света. Тоже много солнца. Значит, и в этом холсте есть жидкие кристаллы? А что, если?..

Гертэн снова провел пальцем по зеленому побегу с голубым цветком — поверхность гладкая, словно все так и было. Он задернул окно темными шторами, вложил картину в прибор и нажал кнопку...

Какое благоухание! Вокруг густые деревья! Ветви усыпаны нежно-голубыми цветами. Сквозь них струятся солнечные лучи... Что это? Птицы? Музыка? Нет, голос человека. Поет? Говорит? Звуки такие ласковые... Кажется, они глядят тебя, проникают внутрь, наполняют тело солнцем... Какое знакомое, живительное, прекрасное ощущение...

— Гер! — голос брата. — Почему в темноте? Нажал кнопку, выключил прибор.

Ив вошел в комнату, отдернул штору и испуганно вскрикнул:

— Гер, что с тобой? Как ты похудел за ночь! — Страх на лице Ива сменился изумлением: — Гер, да ты помолодел лет на двадцать!

— А как легко дышать, Ив!

ЦЕЛЕБНЫЕ ТРАВЫ С ГРЯДОК

Иван
БЕЛЯЕВ

Рисунки
С. Малышева

Будучи на пенсии, свободный от забот, люблю заниматься выращиванием и разведением лекарственных трав. Седой старик, я чувствую себя юным оттого, что занимаюсь любимым делом: ночей не сплю, учета своим трудам не веду, сердце замирает от великой нежности к какому-нибудь невзрачному всходику-росточку. Ликует душа при взгляде на здоровые и крепкие растения. Пытаюсь постичь красоту каждого распустившегося на весеннем рассвете цветка. Что-то от бажовского мастера Данилы живет во мне в такое время — со всеми тревогами творчества, муками поиска, страхами сомнений, горечью разочарований и великими радостями удач и открытий. И как Данила ахал кувалдой по каменному цветку, так я порой острой лопатой беспощадно выкапываю прекрасное, еще недавно так любимое растение, чтобы вновь попытаться вырастить на его месте новое, еще более прекрасное.

Порой мне кажется, что у других все получается легко и просто, а я каждое растение выращиваю с великим трудом и муками. А другим, наверное, кажется, что мне занятие любимым делом дается исключительно легко: и травы у меня редкие, и растут неплохо, и все-то я про них знаю. А я даже банальный окопник, под которым в некоторых совхозах Коми АССР заняты сотни гектаров, и то еле-еле вырастил на своем участке.

Не скажу, чтобы вид моих лекарственных трав и цветов вызывал у кого-либо чрезмерные восторги, но чтобы видеть красоту Лейли, надо смотреть на нее глазами Меджнуна.

И не один я увлечен этим: десятки писем по-

лучаю из самых отдаленных уголков нашей страны от пенсионеров и школьников, садоводов-горожан и сельских жителей, от людей, имеющих клочок земли и даже ничего, кроме подоконника, не имеющих. И не ради семян, отводок, саженцев, не ради познания каких-то секретов, а чаще всего люди пишут друг другу просто для того, чтобы испытать радость общения, разделить счастье удач в выращивании лекарственных трав. Люблю читать письма таких людей — честных, бескорыстных, увлеченных. Они познали то ощущение радости, наслаждения, покоя и счастья, когда на грядках цветут и благоухают выпестованные ими растения, которые к тому же стольких людей могут сделать здоровыми и, следовательно, безмерно счастливыми.

И еще одна сторона деятельности таких людей радует меня: они берегут родную природу, спасают от уничтожения редкие и наиболее ценные растения. А беречь природу, охранять ее богатства — обязанность каждого гражданина, как записано в статье 67 Конституции СССР. Дело в том, что лекарственные травы настолько вошли в быт, что сборщики дикорастущих трав уже не в силах удовлетворить растущий спрос. Кроме того, слишком интенсивный сбор трав нежелателен, так как это грозит исчезновением некоторых видов растений. Совхозы «Лекраспрома» выращивают лекарственные растения как обычные сельскохозяйственные культуры, даже лесхозы и леспромхозы заняты этим. Но нужных трав мало как по количеству, так и, особенно, по ассортименту. И тут любители приносят огромную пользу.

И статья эта в основном продолжение ответов на письма моих корреспондентов, повод поделиться мыслями и находками в большом и полезном деле выращивания лекарственных растений.

ПОЧВЫ

Земля — начало всех начал. Меня, признаться, сперва удивляло обилие в письмах вопросов именно о земле, почве, способах ухода за ней, возможности произрастания на различных видах почв того или иного лекарственного растения. Но потом я, припомнив все свои неудачи, проанализировав ошибки, пришел к выводу, что авторы писем правы: прежде чем браться выращивать то или иное растение, нужно подумать и о доме для него.

Не раз надо присмотреться, как растение существует в природе, на какой почве и как растет, как и насколько прикрывает его тень окружающих трав и деревьев, какова обычная влажность почвы в этом месте в разные времена года. По окружающей растительности необходимо примерно определить кислотность почвы, на какой

растет облюбованное растение. На своем участке, хотя бы примерно, по уровню стояния воды в ближайших колодцах необходимо определить горизонт грунтовых вод.

Нужно помнить, что каждому растению требуется своя почва. Шалфей, например, предпочитает известковые почвы с небольшим количеством перегноя, а мята перечная, напротив, лучше всего растет на влажных, богатых перегноем почвах с большим количеством питательных веществ. Характер почвы сказывается и на содержании в травах активных веществ: растение, выросшее в неблагоприятных условиях, менее активно в лекарственном отношении, чем то, которое выросло на наиболее подходящих для него почвах.

И надо читать книги по агротехнике, особенно работы Т. С. Мальцева. Но когда меня просят порекомендовать что-либо прочитать о почвах, я в первую очередь называю книгу Н. Никонова «Созвездие кактусов». В ней хорошо, с горьковатым юмором описан тот тернистый путь поиска почвы для кактусов, воды для полива, воздуха, освещенности, удобрений — тяжкий путь приобретения знаний испытанным веками методом проб и ошибок.

Вновь и вновь вспоминаю свои ошибки. Первый урок нам дали огурцы. Посадили их на навозную грядку, а в лунки насыпали обычную огородную почву: слежавшуюся, малоструктурную. А соседка, глубокая старушка, на коромысле таскала землю для лунок аж от пекарни, почти за полтора километра. Нас вначале удивило столь щепетильное отношение к качеству земли для огурцов, но когда наши огурцы стали вдвое отставать в росте, мы поняли, что к выбору почвы надо относиться очень строго.

Вспомнилось, что для горшечных растений на подоконниках настоящие хозяйки не ленятся ходить далеко в лес за вересковой землей, зато и окна у них затянуты целое лето цветущим ковром. Самыми требовательными к почвам являются растения семейства орхидных: любки двулистные, ятрышники.

При описании выращивания тех или иных лекарственных трав я впредь буду упоминать и о почвах, на которых лучше всего их выращивать, чтобы помочь людям избежать тех ошибок, какие, горько признаться, не раз совершал сам.

СЕМЕНА

«Пришлите мне семян...» — обычная фраза во многих письмах. И шлешь, надеясь, что корреспондент твой отлично знает, как из них вырастить растение. И вдруг неожиданное повторное письмо: не взошли, наверное, семена старые и т. д. Шлешь новые семена с подробнейшим указанием сроков и порядка замочки, стратифика-

ции, скарификации, норм высева и иногда получаешь (а иногда и нет) краткий ответ: взошли. И облегченно вздыхаешь.

Многим я выслал семена, многие прислали семена, отводки, целые растения и мне. Например, лимонник и флоксы мне прислал садовод из Тавды, крупное растение валерианы любитель из Кривого Рога, семена валерианы прислала женщина из деревни Бобровка Слободо-Туринского района Свердловской области. И все это бесплатно, за спасибо. Вырастил я из присланного прекрасные растения, добрым словом поминую этих людей, низко им кланяюсь за их бескорыстность и внимание.

Есть категория любителей-промышленников, которые за плату, порой небольшую, могут выслать все, вплоть до черенков редчайших растений. Найти таких людей легко, их объявлениями заполнены целые страницы в журналах «Цветоводство» и «Приусадебное хозяйство». Кстати, любителю выращивать лекарственные травы неплохо подписаться на эти журналы, в них порой встречаются полезные советы, в том числе и по выращиванию лекарственных трав.

Мне очень понравилась в одном из номеров журнала «Приусадебное хозяйство» подборка советов по выращиванию золотого корня. Один из любителей семена этого растения высевает в январе в ящик с почвой, присыпав их тонким слоем песка, ящик ставит в снег. В апреле вносит его на веранду и при подсыхании верхних комочков почвы осторожно поливает. К середине мая появляются всходы, которые в июне высаживают на грядку. Тут же дают советы по размножению родиолы розовой семенами и ученые Сибирского ботанического сада при Томском государственном университете как при осеннем, так и при весеннем посеве семян в открытый грунт.

Правила посева семян, с одной стороны, вроде бы и общие, а с другой стороны, у каждой лекарки свои припарки, каждый любитель будет утверждать, что его способ посева семян — лучший.

У меня за годы тоже выработался ряд правил, особенно после того, как я намучился с выращиванием из семян валерианы и левзеи сафлоровидной. Семена валерианы, например, по-моему, обязательно должны лежать на поверхности мелко просеянной огородной земли, которая всегда должна быть влажной, какой она обычно бывает в природе в местах произрастания этой травы, после осторожного полива с поддона, чтобы семена не всплыли и не сбились в кучу. Семена левзеи сафлоровидной, наоборот, должны быть прикрыты слоем мелкого влажного песка толщиной около сантиметра. Полив такого посева можно вести не только с поддона, но и сверху через сито с мелкими отверстиями.

Выращивал я семенами очиток живучий, зве-

робой, чабрец, Melissa и многие другие травы, поэтому каждому советую смелее браться за дело, и — получится. При достаточном терпении и настойчивости из семян можно вырастить даже и женьшень, как это делал, например, ныне покойный Степан Минеевич Сыропятов из деревни Комарово Артинского района Свердловской области.

ЗАМОРОЗКИ

В ночь с 1 на 2 мая 1983 года температура упала до минус 10 градусов. Теплицы у меня было, укрыть все растения я, естественно, не смог, и утром с горечью увидел, как обвисли побеги хмеля, к этому времени достигшие почти полуметровой высоты и начавшие обвиваться вокруг опор. Хрупко переломились пополам побеги спаржи, закружевел горчицвет, раскис и поник к земле всходами марьян корень. Чабрец вроде бы не особенно поддался морозу, а очиток живучий стряхнул с себя белые шапки снега и при первом же потеплении, совершенно невредимый, снова бодро тронулся в рост. Неплохо перенес заморозки и чистотел.

Заморозок повторился в ночь с 17 на 18 мая. По моим дневникам, здесь, в Тугулымском районе Свердловской области, с 17 по 23 мая заморозки — обычное явление: говорят, на черемуху, она зацветает полным цветом около 15 мая.

Мы срочно собрали все пустые ведра, коробки, мешки и укрыли все, что могли. У наших соседей для этой цели приготовлено по десятку и более старых ведер, стоят они до поры до времени в укромном месте.

Тяжело страдают от заморозков растения. Цвет на смородине, крыжовнике, боярышнике гибнет, одни очитки да чистотел мужественно выносят эту напасть. Родиола розовая от заморозков поникает, стебли ее делаются хрупкими, и их трогать в это время нельзя. Но вот засияло солнце, растаял снежок, стебли начинают выправляться, и на второй или на третий день золотой корень, глядишь, весь уже зеленый, веселый, а там вскоре и зацветает. Поэтому родиолу розовую, как и очитки, я никогда не укрываю от заморозков.

РОДИОЛА РОЗОВАЯ

Привезли мне однажды с Северного Урала в подарок три корня родиолы розовой, растущей там дико на склонах гор. Высадил я их на грядку, и, несмотря на резкую перемену климата и почв, все корни ожили. Рядом, для контроля, высадил пару корней родиолы розовой, купленных на базаре. Одного вида и рода растения, а раз-

ница все-таки заметна: трудно приживается северянка. За три года, хотя она и цвела не однажды, я так и не смог получить с нее семян. Однако чувствует себя северянка неплохо: в половине мая прорастают почки, формируется куст из отдельных неветвящихся стеблей, и вскоре родиола зацветает желтыми четырехчленными цветами. Летом делаю по мере надобности прополку, умеренно поливаю. Удобрение вношу как в момент посадки, так и в виде раствора в период интенсивного роста.

Размножить родиолу розовую можно как семенами, так и деленками. Опытные любители утверждают, что саженец с пророщенной корневой системой и комочком земли, защищающим корневую систему от внешних повреждений, имеет стопроцентную приживаемость. Высота стеблей трехгодичного растения около 30 сантиметров, вес корня 300—400 граммов. Копают корни через пять-шесть лет, поэтому заранее намечаются посадки, которые будут выкапываться, когда подойдет срок, полностью, не принося беспокойства растениям на остальной плантации.

Золотой корень издавна применялся как средство, снимающее усталость и повышающее работоспособность. По своему действию он сходен с женьшенем. Препараты родиолы розовой повышают мышечную деятельность и умственную способность человека, нормализуют функцию коры головного мозга при неврозах, по стимулирующему действию они превосходят левзею и другие растительные стимуляторы.

ОЧИТКИ

Родиола розовая и очитки настолько близки по ботаническому строению и по внешнему виду, что их беспощадно путают даже опытные любители лекарственных растений. Главные отличия: родиола розовая имеет четырехчленные (очень редко пятичленные) цветки, у очитков они, как правило, пятичленные (по пять лепестков и чашелистников). У родиолы розовой основание стебля и корень покрыты коричневыми чешуйками, у очитков корни клубневидно-утолщенные или имеется ползучее корневище: подземные части растений без чешуевидных листьев.

Всем хорошо знаком, конечно, очиток заячий (очиток пурпурный), называемый в народе также

скрипуном или скрип-травой. Это многолетнее растение растет на Урале на лугах, по кустарникам, на склонах холмов. Цветет с июля до сентября. На корнях очитка пурпурного — несколько крупных мясистых клубней. В них откладываются запасы питательных веществ, которые используются на рост побегов весной. По цветкам очитка можно узнавать погоду: если вечером цветки открыты — значит наутро будет дождь. В народной медицине настой листьев употребляют при ревматизме, желтухе, болезнях почек, нервных заболеваниях. Хотя растение и не внесено в Красную книгу, оно требует осторожности при сборе, так как становится в результате интенсивного сбора довольно редким.

Многим знаком и очиток едкий — многолетник, который встречается на сухих местах с песчаной или глинистой почвой, в основном, в южной части страны. Листья у него сочные, мясистые. Побеги очитка едкого живут два года. Первый год они не цветут. К осени на месте цветков образуются плоды в виде пятилучевой звезды. Раскрываются они в дождливую погоду, их мелкие семена вымываются дождем и разносятся ручейками воды.

Очиток едкий — лекарственное растение: он оказывает возбуждающее действие, активизирует дыхание и повышает кровяное давление, вызывая сужение кровеносных сосудов. В народной медицине его применяют при пониженном кровяном давлении, для усиления перистальтики кишечника и как мочегонное средство при водянке.

Из плетущихся видов очитков, кроме едкого, есть еще лидийский, ложный, голубой, кавказский, степной, Зибольда, лопатчатолостный.

Из высокорослых, высокостебельных, кроме очитка пурпурного, стоит упомянуть очитки камчатский, четырехлепестный, живучий. Последний растет у меня на грядке уже несколько лет и каждый год поражает желтым плотным ковром своих пятилепестковых цветов. Ковер волнами качается под ветерком, переливается под летним солнцем. Говорят, очиток живучий — хорошее профилактическое средство от рака.

Очитки декоративны, живучи, разведение их не представляет затруднений. Семена у них мелкие, сеять лучше под зиму на грядки по поверхности почвы; без заделки. Я свои очитки разво-

дил семенами, выращивая на подоконнике рассаду, с трехкратной пикировкой. Всхожесть семян очень высокая. Все виды очитков исключительно засухоустойчивы и зимостойки, устойчивы к грибным заболеваниям, просты в уходе, декоративны — сущий клад для начинающего любителя-травника.

ВАЛЕРИАНА

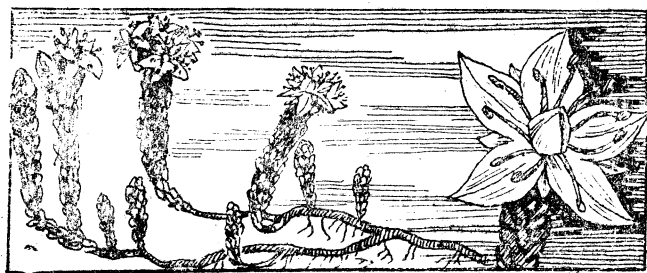
Найти в лесу растение, дожидаться благоприятной поры, когда его можно выкопать, затем перенести в сад, уберечь от кошек и морозов, дожидаться цветения и семян, собрать их, посеять, дожидаться всходов, не спать ночей, боясь утренников, увидеть взрослое растение, его цветение и собрать семена — не скоро пройдешь этот круг...

Однажды за целый день брожения по лесу встретил единственное растение валерианы. Копать не стал, подумал: выкопаю, получу 3—4 грамма корня, а лес обеднеет. Куда проще выделить на усадьбе клочок земли, ткнуть семечко, и вырастет растение, которое через 3—4 года даст в десять раз больше корней, чем эта лесная замухрышка, с трудом выстоявшая в борьбе с непогодами и засухами. К тому же валериана на приусадебных участках очень хорошо размножается самосевом. Только самую-самую первую было очень и очень трудно вырастить на своем участке.

Не захотелось губить последнее растение. То же и с синюхой, которая в лесу теперь почти уже не попадает.

У лесной синюхи корни во много раз меньше, чем у выросшей на тщательно и глубоко перекопанной грядке, удобренной органическими удобрениями. В этом году копал я синюху с грядок четырех- и пятилетней посадки. Особенно хорошими корни оказались у старшей по возрасту — мощные, густые, ровные, похожие на хорошо отбеленную льняную пряжу. А в лесу за это лето встретил одно-единственное растение и, конечно, не стал копать его.

И горько-горько бывает, когда в электричке видишь в букетах цветов, собранных горожанами в лесу, лазоревую красавицу — синюху голубую. Ведь если уж так нравится это растение —

переселите его в сад. Заметьте в лесу, соберите с «вашего» кустика в августе семена (их много и они относительно крупные), посеите осенью в рыхлую влажную землю. Сеять можно весной, семена всходят хорошо. Место лучше выбирать открытое, солнечное или полутенистое. Растения зацветают на второй год и осенью дают массу семян. Цветы довольно крупные, яркие, голубовато-синие, с желтыми тычинками, в густых кистевидных душистых соцветиях.

О том, что в народе знают, любят и ценят синюху, я могу судить по тому, что более всего в письмах, которые я получаю, просьба о высылке семян этой лазоревой красавицы. И, к счастью, пока еще ни одному человеку не отказал. И пусть ее будет больше в наших лесах, садах и парках!

ОКОПНИК

Есть растения, которые только и годны для излечения одного конкретного вида болезней: очанка — для глаз (очей), селезеночник — для лечения болезней селезенки... И окопник тоже специфическая трава — его корневище содержит вещества, стимулирующие регенерацию тканей, поэтому его применяют при переломах, травмах суставов и различных серьезных ранениях.

В книгах указывается также, что отвар корней снижает кровяное давление, повышает аппетит, усиливает сокращение мускулатуры кишечника, сок останавливает носовое кровотечение. Но все же главное достоинство окопника — ускорение регенерации тканей при переломах костей. Тут из всех трав только он и может помочь.

В нашей стране выращивается, в основном, два вида окопника — шершавый и лекарственный.

В диком виде окопник лекарственный у нас растет на влажных пойменных лугах на юге Тюменской области, теперь его часто выращивают и на приусадебных участках, в основном, на корм скоту, так как он дает до 700 центнеров зеленой массы с гектара и выдерживает несколько укусов.

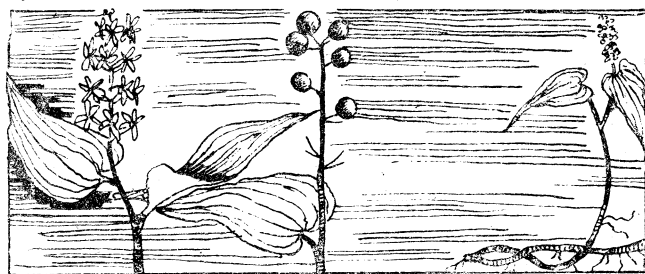
Окопник — своеобразное растение высотой до двух метров, с большими шершавыми листьями и голубыми бокаловидными цветами, собранными в сложное соцветие — тирс. Плоды получать трудно, так как растение плохо опыляется насекомыми. В этом году я, например, с четырех трехлетних растений окопника получил всего девять семян.

Окопник я разводил от корней, плантация еще молодая, и для лекарственных целей корневища с нее еще не собирались.

Окопник не требователен к почве, но все же лучше растет на среднесуглинистых, среднеоккультуренных почвах. Мощные корни его глубоко уходят в почву, находя там питательные вещества. Отрастает рано весной, быстро наращивает зеленую массу. Оптимальная температура проращивания семян окопника 35—37 градусов. Свет тормозит проращивание, поэтому следует засыпать семена слоем песка. Семена высеваются по сетке 70×70 см. Начинающим любителям-травникам лучше выращивать окопник через рассаду, высеивая семена в горшки на подоконнике.

Окопник — находка для начинающих любителей, особенно для людей горячих, нетерпеливых, которым нужно, чтобы посадил — и взшло, взшло — и выросло тут же, немедленно, а выросло — немедленно и обильно, пышно зацвело бы многочисленными красивыми цветами...

МАЙНИК

Есть растения, которые даже среди буйного разнотравья невольно привлекают внимание. Таков майник двулистный. Встречается он небольшими куртинками в сосновых и еловых лесах. Цветет в мае — июне мелкими белыми цветочками, собранными в соцветие-кисть. Осенью на майнике созревают плоды — рубиново-красные ягоды.

В букеты майник «любители природы» не берут потому, что, на его счастье, он очень маленький, среди сорванных трав не удержится. Однажды осенью сорвал я уже побуревшее растение с гроздью ярких ягод, принес и положил на подоконнике. Вскоре мы уехали с дачи в го-

род, я и забыл о нем. Когда следующей весной вошли мы в первый раз в залитый ярким солнцем дом, первое, что я увидел, — майник лежал на подоконнике и его рубиново-красные ягодки горели, как капельки крови. Оба листика, желтые и скрюченные, приподнимали над подоконником стебель, словно торопя его встать прямо, чтобы он втянул соки матери-земли и дал их им, листьям.

Но не встал майник. Зато месяца через два встретил я не одну полянку в сосновом лесу, белую от цветов майника.

ГОРЕЧАВКА

В совхозе две тысячи голов рогатого скота, все пастбища вытоптаны, и леса тоже. Все выбито и выдрано коровьими зубами, и только кустики чернокорня да горечавки перекрестнолистной коровы не трогают: знать, есть какой-то у них вкус и запах, заставляющий скотину даже на бестравии не трогать эти растения.

Горечавки перекрестнолистной у меня на грядках пока всего две, но опыт показывает, что это растение можно хорошо приручить к дому. Горечавка ценна в лекарственном отношении: в народе отвар принимают при заболевании нервной системы, упадке сил, пониженной кислотности желудочного сока, опущении матки и других болезнях.

Есть еще горечавка легочная с ласковым названием юбочка, той у меня на грядках еще нет. А завести стоит хотя бы потому, что красиво цветет и при сушке не теряет ни формы, ни цвета. И она тоже лекарственна: ее отвары и настои применяют как противохороадочное, желудочное, при нервных болезнях, упадке сил.

ЗВЕРОБОЙ

Собирал зверобой на лугу и случайно с корнем вырвал кустик. К нему еще выкопал кустик с тремя молодыми побегами и все это посадил на своем участке у забора.

Весной отрянул в рассадочный ящик семена с пучка сухого зверобоя. Вскоре появились всхо-

ды, которые вместе с комом земли посадил в палисадник.

И стал расти у меня на участке зверобой, отпала необходимость ходить в лес на долгие поиски лекарства от 99 болезней. А в наших лесах он почти перевелся.

Вот эта кажущаяся легкость, с какой удалось приручить это полезное растение, и дает мне основание рекомендовать всем, кто только начинает заниматься лекарственными травами, разводить в числе первых трав на своих участках зверобой.

ЛЕВЗЕЯ

После долгих поисков и неудач я стал выращивать рассаду левзеи в обыкновенных цветочных горшках, наполненных перегнойной землей, присыпанной сверху полусантиметровым слоем песка. Семечко при посадке углубляется слегка в землю, там намокает, прорастает и начинает приподнимать, а потом и пробивать слой песка. Пока росток идет сквозь слой песка, чехлик — оболочка семени — остается мокрым и легко разрывается при расхождении семядолей. Если же этого не сделать, то оболочка семени капканом сжимает семядоли, и растение, будучи не в силах освободиться от оболочки семени, гибнет.

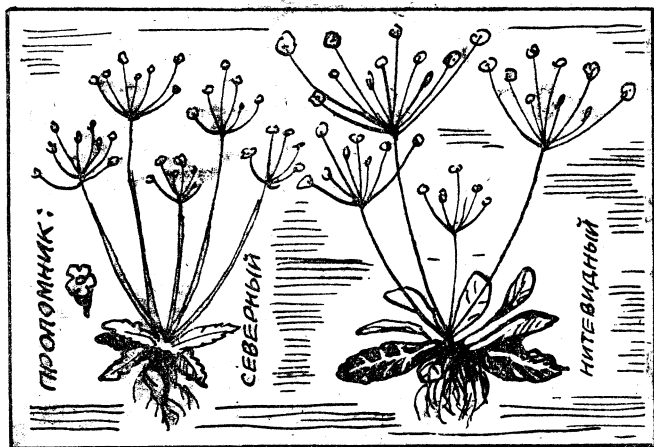
Настоящие листья у растения появляются порозному: иногда сразу два, иногда один лист достигает почти конечной своей величины, а потом за ним еле-еле начинает появляться второй.

В конце июня 1983 года на востоке Свердловской области в течение нескольких дней шли проливные дожди. После их окончания левзеи, достигшие фазы пятого-шестого настоящего листа, стояли все густо облепанные землей, сами похожие на земляные бугорки. Пришлось брать ведро чистой воды, ковш и лист за листом обмывать растения от грязи, как малых детей.

Потом дожди повторились, и снова левзеи почти скрылись под слоем земли. Что-то надо было предпринимать, и тут я вспомнил о мульче. У меня было под рукой много стружки средней крупности после работы электрорубанка, и я под каждое растение насыпал толстый слой этой стружки. Уже после следующего дождя левзеи и мыть не пришлось, хотя на отдельные листья и попали брызги грязи, выбитые с поверхности грядки сильными струями дождя. Пришлось идти дальше по пути спасения левзеи от этой напасти и мульчировать всю грядку. Попутно замульчировал всю почву и под ятрышником, и любкой, листья которых тоже приходилось обмывать после каждого дождя.

Прочитал, что левзею можно употреблять и в свежем виде, не только корни, но и листья. В конце августа выкопал растение первого года с корнем, отмыл и увидел на корневой шейке две крепкие почки возобновления, которые растение заложило на зиму. Из них весной выросло бы два побега, мощных, с розовыми цветами на вершинках. Выкопал несколько позднее второе растение — на корневой шейке у него было четыре крепких почки возобновления. Стало страшно губить столько зарождающихся жизней, и больше левзею я копать не стал. Буду ждать, когда корни достигнут трех-четырёхлетнего возраста и станут пригодными для лекарственных целей.

ПРОЛОМНИК

Проломник — важная составная часть в одном из широко употребляемых сборов лекарственных трав. На Урале чаще всего встречаются проломники северный и нитевидный. Первый растет по сырым тенистым местам, второй любит сухие взгорки с редкой степной травой.

Сбор проломников — дело трудное, так как само растение небольшое: розетка листьев без

стебля стелется прямо по земле, а над ней три-четыре цветоноса.

Проломник, конечно же, никто не разводит. Но прошлой осенью на железные листы, на которых сушилась эта трава, насыпалось немного коричневых, мелких, как пыль, семян, и я бросил их на грядку со спаржей и гаянтусами. Бросил и забыл. Весной с удивлением заметил на грядке странную розетку, похожую на самодельную перочистку, какие нас в далекие-далекие школьные годы заставляли делать из зубчатых кругляшков плотной ткани, сложенных и сшитых вместе, да еще с пуговичкой сверху. Дело прояснилось, когда из розетки потянулись вверх четыре цветоноса с коричневыми точечками-головочками будущих цветов.

Значит, проломник можно разводить на грядках! Это было открытием: еще одно лекарственное растение интродуцировалось, стало жить в огороде.

В середине мая мой проломник зацвел белыми пятилепестковыми цветами.

А ЕЩЕ ЕСТЬ...

А еще есть у меня травы, которые я условно делю на две категории — обжившиеся и новички.

К обжившимся, ставшим как бы родными, вечными, я отношу в первую очередь чабрец, или богородскую траву, траву моего детства. Как и прежде, выхожу я в палисадник погладить рукой куртинку чабреца, вдохнуть его медовый аромат, и навертываются на глаза слезы, словно при свидании после долгой разлуки с родиной и милым детством. Ныне из семян навывращивал новых растений богородской травы, и образовалась вторая куртинка.

И синюха стала мне спутником жизни. И чистотел, ядовитый чистотел, злостный сорняк и незаменимый лекарь печени, желудка и кожи. И валериана, похоже, никуда уже не уйдет из нашего дома, как и девясил. А любимым растением жены стала Melissa — она и ухаживает за ней, и собирает, и пользует ее.

Из новичков больше всего хлопот доставляет лимонник китайский. Прислал мне его из Тавды Василий Яковлевич Бычкарь тяжелой посылкой, тщательно упакованным, с большим комом земли. Весной появились красноватые листья и веточки, к осени лианы достигли почти метровой высоты. Известно, что у взрослого лимонника длина лиан достигает 10—15 метров. Вот и жду, когда мои лианы достигнут такой длины, зацветут белыми душистыми восковидными цветами, а к осени когда-то, может быть, появятся и плотные кисти ярко-красных ягод.

Мечтаю я достать семена вайды красильной и вырастить ее на своем участке. Ведь когда-то в России в некоторых губерниях крестьяне засе-

вали вайдой целые поля, косили и сушили ее и сдавали на красильные фабрики. И теперь еще есть любители, которые выращивают вайду, а женщины применяют ее листья для покраски бровей. И все же семян ее я не могу достать...

Вообще, и красильные растения интересно было бы выращивать: вайду, марену красильную. А подмаренник настоящий, калган, зверобой, спорыш и другие красильные растения и в лесу собрать можно. И дымянка, кроме ее лечебных свойств, обладает прекрасными красящими свойствами — она считается одним из лучших красильных растений для сообщения шерстяным тканям чистого и прочного желтого цвета.

ТАБАК

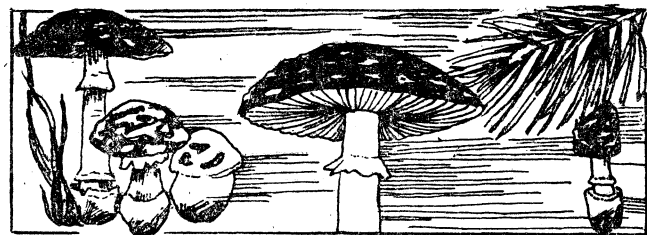

Для защиты малины и земляники от вредителей мы высеяли табак. Вымахал он почти в рост человека, но почему-то из всех растений листогрызущим вредителям поглянулся именно табак. И стоял он вскоре с прогрызенными, огромными, как у слона уши, листьями. Пришлось защищать защитника, опрыскивать его со всех сторон настоем золы.

А часть рассады табака оказалась среди всходов репы, которая росла здоровой и мощной, а растения табака были тонкими, желтыми и карликовыми — подавила репа соседа.

Вот таким беззащитным оказался, казалось бы, грозный защитник!

МУХОМОР

Наш дом стоит на краю деревни, и лес рядом. Все простые травы — веронику, репешок, манжетку берем мы в этом лесу.

Но главная ценность леса — мухоморы. Ими, по слухам, можно лечить заболевания спинного мозга, но мы берем мухоморы лишь для того, чтобы морить мух. Но настолько красив, необычен и таинственен мухомор, что невольно веришь: есть какое-то лечебное начало в нем.

Гениальное иногда оказывается весьма простым, а лекарство от сложной и опасной болезни весьма примитивным. Нет дыма без огня, нет слухов без какой-то основы и, видимо, есть что-то еще пока не открытое наукой в прекрасном мухоморе. И, может, когда-то понадобится в огромных количествах для нашей медицины...

А пока мы бездушно, бесцельно, палкой или сапогом уничтожаем в лесу мухоморы. Зачем? Так бы и поставил на краю каждого леса метровые щиты с призывной надписью: «Берегите мухоморы!»

И в заключение скажу то же, что и в начале: берегите растения! Нет опыта, нет сильного всепоглощающего желания вырастить дома то или иное растение — лучше оставьте расти его в лесу, оставьте в покое. Никогда не рвите по минутной прихоти ценные, особенно реликтовые растения. Ныне берегите и умножайте то, что, может, через несколько лет беречь и умножать будет уже поздно...

ЯЗЫК ГОР

**Александр
МАТВЕЕВ**

*Рисунки
А. Банных*

В 1984 ГОДУ СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫПУСТИЛО КНИГУ ПРОФЕССОРА УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. К. МАТВЕЕВА «ОТ ПАЙ-ХОЯ ДО МУГОДЖАР» — ПЕРВЫЙ УРАЛЬСКИЙ ОРНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ, В КОТОРОМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ХРЕБТОВ И ВЕРШИН УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ. РАЗДЕЛ ЭТОЙ КНИГИ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ГОРАМ СРЕДНЕГО УРАЛА, БЫЛ

ОПУБЛИКОВАН В «УРАЛЬСКОМ СЛЕДОПЫТЕ» № 8 ЗА 1983 ГОД («ОТ КОЛПАКА ДО ВИШНЕВЫХ ГОР»). НО НА УРАЛЕ ОЧЕНЬ МНОГО НАЗВАНИЙ ХРЕБТОВ И ГОР, И ВСЕ ОНИ НЕ МОГЛИ УМЕСТИТЬСЯ НА СТРАНИЦАХ СРАВНИТЕЛЬНО НЕБОЛЬШОГО СЛОВАРЯ. ПРОДОЛЖАЯ РАБОТУ, АВТОР ПОДГОТОВИЛ ДОПОЛНЕНИЯ К СЛОВАРЮ, КОТОРЫЕ ОТНОСЯТСЯ К РАЗЛИЧНЫМ УЧАСТКАМ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА.

ВАЛГАНЧУГРА, меридиональная возвышенность в западных предгорьях Северного Урала, южное продолжение хребта Эбельиз. Известный исследователь Северного Урала геоморфолог В. А. Варсанюфьева пишет, что Валганчугра получила название от шумного Валганъёля, берущего начало на этой возвышенности и впадающего в реку Ильич. Правда, она допустила неточность, утверждая, что слово валган в коми языке — «вал», «волна», фактически его надо переводить «говорящий, болтающий громко и без умолку». Так как ёль в языке коми «лесная

речка, ручей», Валганъёль — «Говорливый ручей» или «Шумный ручей». Это название, следовательно, ближайший родич таких очень многочисленных русских топонимов, как Гремиха, Шумиха, Говоруха, Брякунец, Болтун и им подобных.

Слово **чугра** в печорском диалекте коми языка обозначает сравнительно невысокую возвышенность, покрытую лесом.

ДЗЯУТЮБЕ, меридиональный хребет на Южном Урале, идущий вдоль правого берега Зилаира, а затем вдоль правого берега Сакмары почти до ее поворота на запад

у города Кувандыка. Длина — около 45 километров, максимальная высота — 619 метров. Хребет примыкает на севере к обширному Зилаирскому плато, а на юге — к Губерлинским горам. Башкирские слова **дзяу** (в литературном языке **яу**) и **тюбя** означают соответственно «бой», «войско» и «холм», «вершина». Таким образом, Дзяютюбе надо переводить — «Вершина, где был бой». В башкирских деревнях по Сакмаре рассказывают, что здесь в старину действительно проходило какое-то сражение между башкирами и казаками.

На Южном Урале много подобных названий: в Башкирии есть, например, гора Яугасты — «Войско отступило», а в Оренбургской области северо-западнее Соль-Илецка — Боевая гора, где в январе 1919 года части Красной Армии сражались с белогвардейцами.

Русские называют Дзяютюбе — Шайтан или Шайтангора.

ЕДУНЕЙ — название двух невысоких хребтов, которые находятся между Пай-Хоем и Полярным Уралом.

Большой Едуней расположен между реками Кара и Силоваяха, идет с севера на юг, а затем поворачивает на юго-восток. Его длина около 20 километров, наиболее значительная вершина — гора Едуней. Этот хребет находится всего в 45 километрах от северной оконечности Полярного Урала — горы Константинов Камень.

Малый Едуней — небольшой хребет широтного направления на левом берегу реки Силоваяха северо-западнее хребта Большой Едуней.

В научной литературе, начиная с Э. К. Гофмана, засвидетельствованы также формы Еденей, Единей, Едыней.

В «Словаре терминов и других слов, встречающихся в ненецких географических названиях» указывается, что топоним Едуней — искаженное ненецкое слово **едёйний**, образованное от **едёй** — «возвышенность», «пригорок» с помощью ненецкого суффикса **ний**, указывающего на местонахождение.

Значение «Находящийся на возвышенности» проясняется в свете замечания А. И. Шренка, что на этом хребте возвышаются пять отдельных округленных вершин. Но сам Шренк утверждает, что хребет называется Енданейгой, якобы потому, что около его подножья обычно кочевал ненец по имени Ендана.

ЕСЬИЗ, в некоторых источниках Иосиз, гора на Северном Урале в излучине реки Подчерем южнее возвышенности Овинпарма. Коми топонимист А. И. Туркин переводит это название «Остроконечная гора», так как в языке коми **ёсь** — «острый», «остроконечный», **из** — «гора».

В. А. Варсанюфьева приводит мансийское название этой горы Полимбо-Нёр, но оно пока не поддается толкованию. Возможно, топоним записан неточно или же перед нами освоенное манси более древнее — ненецкое — название.

ЖАРЫКТАУ, или Джарыктау, гора в Мугоджарах. По-казахски **жарык** — «трещина», **тау** — «гора», следовательно, «Гора с трещинами».

ИГЯДЕЙТАЙКЕВ, гора в южной части Войкар-Сыньинского массива на Полярном Урале.

Хантыйское происхождение названия легко устанавливается по вхо-

дящим в состав топонима географическим терминам **кев** — «гора» и **тай** — «вершина». Поскольку у горы берет начало река с названием Игядейёган, в котором есть хантыйское слово **ёган** — «река», полная форма оронима — Игядейёгантайкев. Ее нужно переводить «Гора в вершине реки Игядей».

Интересно, однако, что в источниках XIX века эта гора называется Нгяде-йоган-тей-кеу, а если приблизить к современному написанию, — Нгядеёгантайкев. Там же фигурирует и река Нгяде-йоган, то есть Нгядеёган. Так как в хантыйском языке название реки Игядей не находит приемлемого объяснения, а со звука **нг** хантыйские слова начинаться не могут, приходится предположить, что ханты освоили более древний ненецкий гидроним: в ненецком языке начальное **нг** обычно, например, **нгарка** — «большой», **нган** — «лодка». Как же из **нгяде** или другого близкого по звучанию ненецкого слова получилось **игядей**? Ответ прост: при переписке картографы приняли заглавное **Н** за **И**, ведь эти буквы действительно легко спутать.

ИТАРМАПЭ, на картах XIX века Итерма-Пай, гора в центральной части Пай-Хоя близ его самой высокой вершины Морез.

В этом ненецком названии **пэ** — «гора», а **итарма** — диалектная форма или неточная запись слова **нгытарма**.

В традиционной ненецкой религии **нгытарма** — деревянные изображения покойных родственников, которые таким образом продолжают жить в кругу своих семей. Их одевают, «кормят», повсюду возят за собой.

Известный путешественник и беллетрист конца XIX — начала XX века К. Д. Носилов так описывает нгытарма — изображение покойного мужа одной ненки: «Это... небольшой деревянный чурбанчик, одетый в малицу, пимы и оленью шапочку — точный, говорят, костюм ее покойного мужа... бабушка очень любит его, часто угощает, мажет ему губы салом...»

Таким образом, название горы связано с культом предков. В этой же части Пай-Хоя находятся и другие вершины, которые имеют названия, интересные для ненецкой этнографии и мифологии: Вэсейпэ — «Старик», Пухуцэпэ — «Старуха», Пензерлах — «Подобная шаманскому бубну».

КАЛКАН, или Калкантау, гора в Башкирской АССР северо-западнее города Учаль близ озера Калкан и деревни Калканово.

П. И. Рычков приводит в формах Калган и Калкан-тау с переводом «остальная, или крайняя гора». Это же толкование встречается в краеведческой литературе со ссылкой на

башкирское **калган** — «оставшийся», «остальной», однако местное население утверждает, что ороним Калкан надо переводить «Защита», и дополнительно разъясняет, что «у воинов башкирских раньше такие пластинки металлические прикреплялись на груди для защиты от оружия». В башкирском языке **калкан** — «щит», поэтому переводить название Калкан, Калкантау надо как «Щит» или «Щит-гора».

КАШКАБАШ, гора в предгорьях Среднего Урала на правом берегу Уфы ниже рабочего поселка Арти. Известна как геологический памятник всесоюзного значения: здесь впервые был выявлен артинский ярус пермской системы.

В башкирском и татарском языках **кашка** — «белое пятно (звездочка) на лбу лошади», «лысына», «лысый», **баш** — «голова», то есть **Кашкабаш** — «Лысая голова». Очевидно, метафора, указывающая на отсутствие растительности в момент наименования. В тюркских языках названия этого типа, например, **Кашкантау** — «Лысая гора», встречаются столь же часто, как и в русской топонимии Лысая гора.

КОЗМЕР, гора на Северном Урале в верховьях реки Тыпыл, правого притока Косьвы, примыкающая с юго-востока к хребту Кваркуш.

Название может быть связано с мансийскими словами **хоса** — «длинный» и **нёр** — «каменный хребет», тем более что Козмер представляет собой вытянутую гребневидную возвышенность. Таким образом, этот топоним оказывается в одном ряду с мансийскими названиями Хосатумп — «Длинная гора» и Хосанер — «Длинный Камень».

В одном туристском справочнике название приведено в форме Хозмер, более близкой к мансийскому источнику.

КОРСАК-БАС, гора на крайнем юге Оренбургской области в верховьях реки Малая Хобда.

Эта крутосклонная характерной формы гора сложена красноцветными песчаниками. Отсюда казахское название Корсак-Бас — «Голова корсака». Корсак — степная лисица.

КУШПАЙСКИЙ УВАЛ, гора в восточных предгорьях Северного Урала близ рабочего поселка Павда. В материалах XIX века — гора Кушпай, Кушпайская.

Сочетание слов **куш пай** можно объяснить из коми языка как «пустой пай», «пустая доля». Возможно, перед нами отражение каких-то старинных хозяйственных отношений. В пользу происхождения названия из языка коми говорят также наименования текущих близости рек с характерным для коми языка топонимическим элементом **ва** — «вода»: Лобва, Елва, Кушва. Последний топоним для нас особенно интересен,

достаточно сравнить Куш-ва и Куш-пай.

Слово пай заимствовано коми у русских, но давно: оно отмечено, например, в коми-пермяцком словаре Н. Рогова, который был издан в 1869 году. Нет ничего удивительного в том, что это слово могло оказаться в составе коми топонима.

ЛЕДЯНАЯ, гора на правом берегу Сылвы вблизи Кунгура. Названа так потому, что в ней находится знаменитая Кунгурская ледяная пещера.

МАНЬ-ХАМБО, водораздельный хребет на Северном Урале между верховьями рек Няйс и Укью, протянувшийся в меридиональном направлении примерно на 20 километров.

Д. Ф. Юрьев называет этот хребет Хамбу-урр или Укьюиз (по реке Укью), поскольку на нем начинаются северные рассохи Укью.

В трудах некоторых исследователей Мань-Хамбо именуется также Мань-Хангам-Ур или Мань-Ханхам-Нёр, причем В. А. Варсановича приводит перевод с мансийского языка — «Гора, мало поднимающаяся вверх». Название Мань-Ханхам-Нёр действительно можно сравнить с мансийским глаголом хангхунгкве «взобраться», «влезть». Что касается компонента Хамбо, Хамбу, то он скорее всего ненецкого происхождения и, может быть, имеет значение «волна».

Возможно, мансийские топонимы Мань-Хамбо или Хамбу-Ур (Укью-Из) и Мань-Ханхам-Нёр обозначают разные орографические объекты. Их местонахождение придется поэтому еще уточнять.

МОТАИХА, гора северо-западнее Свердловска близ станции Исеть. Этот большой, покрытый лесом массив, возможно, получил название, образованное от глагола мотать (выматывать, изматывать). Но в этом названии может быть и другой оттенок значения, отраженный в глаголе мотаться — «болтаться», «шататься без дела», «бродить».

НИМТЭМЫЛЬК, гора между Пай-Хоем и Полярным Уралом на левом берегу реки Силоваяха.

Слово нимтём в языке коми «безымянный», мыльк — «сопка», то есть Нимтэмыльк — «безымянная сопка». Очевидно, кто-то из проводников, будучи по национальности коми, сказал, что у этой сопки нет названия, а топографы восприняли сказанное как наименование и нанесли его на карту.

НЫРДВОМЭНИЗ, в картографических источниках часто Нырдомени-Из, гора, примыкающая с северо-запада к массиву Рай-Из на Полярном Урале. У ее восточного подножья берет начало Нырдомэншор, левый приток реки Соби. В переводе с коми языка эти названия соответственно означают «Гора поперек

отрога», «Ручей поперек отрога» (нырд — «отрог», вомён — «поперек»). Трудно сказать, что первично — название реки или горы.

НЯМДАХОЙ, возвышенность между Пай-Хоем и Полярным Уралом в верховьях рек Сибирчатаяха и Нямдоа, которые она и разделяет.

П. И. Крузенштерн приводит формы Нямдахой, Нямдохой, указывая, что на этой горе берут начало реки Сибирца и Нямдаяга. Интересные сведения находим у А. И. Шренка, который переводит название реки Намдоаяга — «Роговая», связывая его с ненецким словом нямд — «рог», и указывает, что Намдоаяга начинается на невысоком горном хребте Намдогой и что первично название хребта. Далее следует объяснение: раньше в этих местах было много диких оленей и потому часто попадались их рога. Отсюда — «Хребет оленьих рогов» или просто — «Роговой хребет».

Несколько иначе объясняются ненецкие названия с компонентом нямд в «Словаре терминов и других слов, встречающихся в ненецких географических названиях»: они производятся от глагола нямдоць — «иметь рога», «быть рогатым», причем подчеркивается, что образованные от этого глагола имена выступают также в значениях «со множественством притоков», «ветвистый», «разветвленный». Нямдахой имеет несколько отрогов, так что и такое толкование может оказаться верным.

Наиболее убедительно, однако, объяснение геолога Г. А. Чернова: оленеводы-ненцы называли реку Нямдой потому, что неоднократно находили в этих местах бивни мамонта («рога»).

Названия со значением «рогатый», «роговой» часто встречаются в топонимии разных народов: на Полярном Урале есть река Роговая, на берегах которой тоже неоднократно находили бивни мамонта, а на Приполярном Урале гора Сюраиз, в переводе с коми языка — «Рогатый Камень», «Роговой Камень».

НЯДЭЙПЭ, гора в северо-западной части Пай-Хоя между проливом Югорский Шар и горой Мореиз.

Первая фиксация принадлежит А. И. Шренку, записавшему название этой горы в виде Надайпай. Э. К. Гофман приводит формы Ньяда-Пай, Няда-Пай, в исследованиях по геологии Пай-Хоя, относящихся к первой половине XX века, отмечена форма Ньядейпе.

Название означает «Мшистая скала» (А. И. Шренк), «Мшистая гора», «Моховая гора» (Э. К. Гофман). Шренк пишет, что округленная вершина этой горы покрыта обильным ягелем.

В ненецком языке няда — «ягель (лишайник, служащий кормом для оленей)», нядэй — «ягельный», пэ — «камень», «скала».

ОБЩИЙ СЫРТ, обширная возвышенность — водораздел Урала и Волги, представляющий собой мощный западный отрог Уральских гор. Наиболее значительная вершина — гора Медвежий Лоб северо-западнее Оренбурга. Топоним Общий Сырт употребляется уже П. И. Рычковым в «Топографии Оренбургской губернии».

Тюркское слово сырт имеет значение «вытянутая плоская возвышенность, образующая водораздел». Известный исследователь Южного Урала географ Э. А. Эверсманн в книге «Естественная история Оренбургского края» пишет, что Общий Сырт «образует на всем протяжении своим общим разделением вод, что означает и самое русско-татарское название. Все ручьи и реки, вытекающие на южном склоне Общего Сырта, идут в Урал; все, вытекающие на северном склоне, впадают посредственно или непосредственно в Волгу».

Иначе толкуют это название Э. М. Мурзаев и В. А. Никонов: Общий Сырт длительное время не заселялся, но использовался как пастбище и казаками и русским населением.

Наконец в самое последнее время Х. А. Самакаев из Оренбурга предложил еще одно решение. По его мнению, Общий Сырт занимает господствующее объединяющее положение среди других подобных возвышенностей (сыртов), известных под названиями Меловой Сырт, Средний Сырт, Синий Сырт.

Закономерностям возникновения топонимов больше отвечает точка зрения Э. М. Мурзаева и В. А. Никонова.

ПЕВЛА, гора в северо-западной части Пай-Хоя между проливом Югорский Шар и горой Мореиз. Около Певла протекает река Певьяха. А. И. Шренк приводит название в форме Пеумбай, Э. К. Гофман фиксирует Пеум-Пай. По объяснению Шренка, гора получила название от речки, которая вытекает из близлежащего озера и называется Певьяга, причем «слово пев выражает начало, которое текущая вода берет из какого-нибудь озера». В современном ненецком языке то пев — «место, где река вытекает из озера».

ПЕЛЕНЁР, высокая каменная гора на Северном Урале (1075 метров), разделяющая верховья Подчерема и Щугора. А. И. Туркин приводит это название на языке коми в форме Пёльёнёр, переводя его «Гора-старик». Действительно слово пёль в коми языке имеет значение «старик», «дед», но коми слово несколько неожиданно сочетается с мансийским географическим термином нёр — «каменный хребет», «каменная гора» а не с коми из — «хребет», «гора». Кроме того, в карто-

графических источниках фигурирует относящаяся к бассейну Щугора река Пеленья, которая берет начало у горы Пеленёр. Если судить по географическому термину я — «река», Пеленья — мансийское название, но с основой **пелень**, а не **пеле**. Вся эта несогласованность наводит на мысль, что коми топоним является народноэтимологической переработкой какого-то более древнего и притом немансийского названия, так как компонент **пеле (нь)** в языке манси не находит удовлетворительного объяснения. Возможно, в основе топонима ненецкое сочетание **пэлянг я** — «каменистое место».

ПЕМБОЙ, возвышенность между Пай-Хоем и Полярным Уралом в междуречье Силоваяхи и ее правого притока Хальмерью. До ближайших гор Полярного Урала, отделенных долинами Хальмерью и Кары, от Пембоя около 40 километров. Наиболее значительная вершина — гора Пембой с отметкой 407 метров.

В книге Э. К. Гофмана название приведено в формах Паембой, Поембой. А. И. Шренк именует эту возвышенность Носипаембой и переводит «Малая скала песцов».

Финно-угровед А. И. Туркин видит в названии Пембой сочетание ненецкого **пэ** — «камень», «скала», «каменный» со среднеувеличительным суффиксом **мбой**, переводя «Довольно каменный, скалистый». Скалы на Пембое есть, и А. И. Туркин, очевидно, прав, тем более, что сам А. И. Шренк упоминает еще гору Паембой на Тимане, которую иначе называет Малый Камень.

САКМАТАУ, гора в северо-восточной Башкирии южнее села Новобелокатай.

В башкирском языке **сакма** — «огниво», **тау** — «гора», таким образом, Сакматау — «Огнивная гора». Видимо, гора сложена породами, которые в свое время могли использоваться для изготовления огнив.

САЛЯПЭ, гора на северо-западном Пай-Хое между проливом Югорский Шар и горой Мореиз.

Название засвидетельствовано А. И. Шренком в форме Салейбай и переводится им с ненецкого языка как «Скала мыса», поскольку гора, «как бы образуя мыс, выдается несколько из горной цепи к западу». У Э. К. Гофмана находим формы Салье-Пай, Сали-Пай, но с менее точным толкованием — «Предгорье». Фактически здесь **салья** — «мыс», так что переводить надо «Мысовый Камень».

СЕДЕПЭ, обширная возвышенность между Пай-Хоем и Полярным Уралом, примыкающая с юга к хребту Пембой. Находится в 35—40 километрах от Полярного Урала. У Э. К. Гофмана название зафиксировано как Сидья-Пай, Сиди-Пай. В работах специалистов по геологии

Пай-Хоя и Полярного Урала также Сиде-пе.

В ненецком языке **седе** — «большая сопка», **пэ** — «камень», «скала», следовательно, Седепэ переводится «Камень с большой сопкой», но должны учитываться и формы Сидья-Пай, Сиди-Пай, Сиде-пе, которые можно сравнить с ненецким **сидя** — «два», «две», принимая толкование — «Два камня». На возвышенности действительно две значительных вершины. В ненецкой топонимии такие названия обыкновенны: в письменных источниках фигурируют Сиде-эвок — «Две головы» и Сиденеу-седа — «Двухголовая гора».

СЛОМИГОЛОВА, гора в западных предгорьях Среднего Урала в верховьях реки Вогулки, левого притока Сылвы.

Метафорическое название, указывающее на труднодоступность. Топоним образован по образцу таких сложных слов, как **сорвиголова**, **горихвост** и т. п.

ТАЛЪЯН, гора на Среднем Урале на левом берегу Нейвы северо-восточнее села Мурзинка, где находятся месторождения камней-самцветов. Есть версия, что название горы связано с работой итальянских специалистов по горному делу, приглашенных в 1765 году для исследования Мурзинского месторождения генералом Данненбергом («Горный журнал» за 1835 год, № 2). Можно вспомнить для сравнения и название однорядной гармоник — тальянка.

Интересно, однако, что в том же самом номере «Горного журнала» за 1835 год гора именуется Тальяшковой, а эта форма названия, без сомнения, связана с наименованиями кристаллов горного хрусталя — **тальяшками** или **тальянчиками**. Лингвисты, правда, считают, что и эти народные горные термины связаны по происхождению со словами **итальянец**, **итальянский**.

ТИТЕШНЫЕ, две горы в предгорьях Среднего Урала севернее Красноуфимска. Имеют характерную конусообразную форму. Исчерпывающее объяснение И. И. Лепехина: «Верстах в десяти от Красноуфимска две находятся горы, Титешными прозываемые по фигуре своей».

Это название не единично: Титешные горы есть вблизи села Бым западнее Кунгура и на Южном Урале близ города Южноуральска.

ТУЗТЮБЕ, название гор на Южном Урале близ города Соль-Илецка, содержащих огромное месторождение соли. В «Книге Большому Чертежу» 1627 года написано: «пала в Яик, с левые стороны Яика, Илез река, ниже горы Тустеби, по нашему та гора Соляная: ломают в ней соль». В переводе с башкирского и казахского языков Тузтюбе — «Соляной холм», «Соляная гора».

ТУРМАННЕР, гора на Северном

Урале в вершине реки Няйс. Название мансийского происхождения и означает в переводе «Темный Камень». Зафиксирован и другой вариант названия — Турманнёл — «Темный Нос», «Темный Отрог».

ХАСАВАРКА, гора на Приполярном Урале в верховьях реки Кожим юго — восточнее хребта Росомаха.

Ненецкое **хасав** — «мужчина», осложненное сравнительно-уподобительным суффиксом **рка** со значением «похожий» («Похожий на мужчину»). По объяснению информантов, на вершине этой горы находится камень, издали похожий на человека.

ХЭХЭПЭ, гора в юго-восточной части хребта Падея на Пай-Хое. Название отмечено Э. К. Гофманом в форме Гэгэ-Пай с переводом «Кумир-гора». В правильности этого интересного с этнографической точки зрения толкования сомневаться не приходится, так как ненецкое **хэхэ** — «идол», «дух-покровитель», **пэ** — «скала», «каменный хребет». Слово **хэхэ** часто встречается в ненецкой топонимии: Хэхэто — «Идольское озеро», Хэхэяха — «Идольская река».

ШЕЛКАНДЫ, гора в восточных предгорьях Южного Урала между верховьями Уя и Миасса. В основе названия башкирско-татарское **шалкан** — «репа», **шалканды** — «репный». Значение «Репная» для горы несколько странно, но можно привести еще название горы Красная Репка на хребте Сулея.

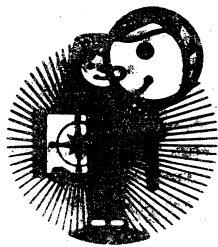
ШЕРЛИНСКИЕ ГОРЫ, иногда Шерлова или Шерлинская гора, в северной части Южного Урала близ города Кусы. Название дано по найденному здесь в большом количестве черному шерлу (турмалину).

Яныг-Хархартнэтумп и **Мань-Хапхартнэтумп**, две горы на Северном Урале в верховьях реки Мань-Няйс юго-восточнее хребта Мань-Хамбо. Здесь в древности был волок с Ильча (по реке Укью) на Няйс (через Мань-Няйс). В источниках XIX века — Капкартнэтумп, Мань-Капкартне-Тумп, Габгартне-Тумп, Хабхартне-Тумп, на современных картах — ошибочные формы Яныг-Хапхартуйтумп, Мань-Хапхартуйтумп.

В переводе с мансийского языка — «Большая гора, где перетаскивают лодки» и «Малая гора, где перетаскивают лодки».

Еще две горы с точно такими же названиями Яныг-Хархартнэтумп и Мань-Хапхартнэтумп находятся на Северном Урале.

ЯРЫШТАУ, гора в западных предгорьях Южного Урала на правобережье Дёмы близ города Давлеканово. Эта одинокая голая конусообразная вершина, видимо, издавна использовалась как место народных игр и соревнований, почему и получила наименование Ярыштау — «Гора состязаний».

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК УДМУРТИИ

Павел Николаевич Луппов — первый историограф удмуртского народа, талантливый краевед, за полвека научной деятельности он написал более 150 исторических работ, 50 из которых по истории удмуртского народа.

Велико было желание Удмуртского краеведческого музея получить архив выдающегося ученого. Почти десять лет велась переписка с детьми Павла Николаевича — Елизаветой Павловной и Сергеем Павловичем.

И вот в прошлом году в наш музей поступил архив ученого: диплом магистра и доктора наук, грамота заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР, труды, изданные еще в конце XIX века, ныне ставшие библиографической редкостью.

Родился П. Н. Луппов в селе Усть-Чепецкое Вятской губернии в 1867 году. Получив начальное образование, Павел продолжил учебу в Вятском духовном училище, затем — в семинарии. Уже тогда Луппов интересуется историей. Будучи семинаристом, он записывал услышанные от крестьян предания и легенды и знакомился с архивными документами XVIII века по истории своего села, собирал материалы о появлении раскольников в Вятском крае, в Быстрицком приходе Орловского уезда, — там он в 1886 году проводил свои летние каникулы. Педагогический совет семинарии отправил учиться П. Луппова в Казанскую духовную семинарию. Здесь Луппов посещает нелегальный кружок самообразования «Русская действительность», а через год он уже сам руководит кружком первокурсников. В это время появляются его первые печатные статьи «Боровой промысел в Царев-Кокшайском уезде» и «Деревенские радоницы».

Вскоре П. Н. Луппов начинает работать учителем земской школы в селе Дебесы Сарапульского уезда. Школа была смешанная, в ней обучались удмурты и русские. Павел Николаевич выписал для внеклассного чтения литературу из Петербурга, активно интересовался бытом удмуртов.

В 1893 году он возбуждает ходатайство о разрешении закончить курс обучения в одной из академий. Свое кандидатское сочинение он решил посвятить истории Удмуртии. Его поддержал профессор русской церковной истории Е. Е. Голубинский, выразив, однако, опасение, что недостаточно литературы для написания работы. Голубинский дал следующее название работе Луппова: «Христианство у вотяков со времени первых известий о них до XIX века». П. Н. Луппов выявил все материалы, имеющиеся в библиотеках, затем по-

Советские специалисты разработали новые эталонные часы. Этот атомный хронометр может ошибиться не более чем на секунду за 700 000 лет непрерывной работы. Часы пущены.

В три тысячи раз слаще сахара! Таково вещество, полученное японскими химиками из плодов редкого тропического растения Западной Африки. Предполагается, что оно будет особенно эффективным при изготовлении жевательной резинки. Вкус сладости от такой резинки будет держаться во рту значительно дольше обычного.

Американские газеты пишут: 4-летний Джимми Тонтлевиц, катаясь на санках по льду озера Мичиган, внезапно оказался в ледяной воде. Малыша удалось вытащить только через полчаса. Он был без признаков жизни. И все же врачи вернули Джимми дыхание.

Лет десять назад подобное случилось неподалеку от Свердловска — провалившись под лед реки вместе со своей машиной, тракторист остался жив, хотя тоже пробыл в ледяной воде много минут.

Медики считают, что в таких историях людей выручает именно ледяная вода. При низких температурах необратимые повреждения мозга утонувших происходят не так быстро.

На острове Хоккайдо найдены окаменелые остатки цветка, росшего 70—80 миллионов лет назад. Японские археологи полагают, что это — первый известный науке цветок мезозойской эры. В микроскоп просматриваются даже его семена.

В Третьяковской галерее заново открыт подлинный портрет Леонарда Эйлера кисти Иосифа Дарбеса. До последнего времени считалось, что единственный портрет знаменитого математика, швейцарца по происхождению, хранится в музее истории и искусства в Женеве.

Еще юношей Эйлер побывал в России, переписывался с Ломоносо-

вым, интересовался работами Кулибина. В 1766 году он окончательно перебрался в нашу страну. Сейчас в СССР живут более пятидесяти потомков Леонарда Эйлера.

Английские инженеры создали компьютер-нос, способный улавливать малейшие запахи. Его обоняние не уступает обонянию специалистов в области парфюмерии. Компьютер-нос различает по аромату травы, цветы, пряности.

Велосипед можно изобретать! Это доказано еще раз. В одной из швейцарских фирм разработан педальный механизм, в котором педали движутся не по кругу, а по эллипсу и оказываются в мертвых точках в разные моменты. При этом усилие, необходимое для «кручения», можно уменьшить почти на треть.

У коренного населения Гренландии в крови содержится ртути больше, чем у жителей особо загрязненных промышленных отходами районов Японии. Смертельной опасности подвергаются, как установили датские исследователи, семьи гренландских охотников, питающиеся тюленей и китов. Именно через океан и его обитателей вредные отходы промышленности Северной Америки и Западной Европы попадают в организм, казалось бы, очень далеких эскимосов.

14-летний американец Дэн Колп сначала расстроился, когда ему предложили попытаться не включать домашний телевизор в течение месяца. Прежде он проводил перед экраном по 15 часов в день. Дэн не пропускал ни одного телебоевика.

Без «телесидения» подросток прочел несколько книг и, по его собственным словам, «узнал кучу нового».

Многодетная семья Блэйров, участвуя в таком же эксперименте, имела в результате «несколько счастливых недель».

ехал в Вятку разыскивать архивные документы. Его научная работа удостоена ученой степени магистра наук и отмечена денежной премией. Рецензентом работы Луппова выступил профессор В. С. Ключевский.

В связи с делом мултанских удмуртов Павел Николаевич, оставив на время научную работу, отдает все силы для доказательства невиновности удмуртов. Им было изучено до 700 архивных документов духовного ведомства, много гражданских и уголовных дел. Он убедительно доказывает всю нелепость обвинения удмуртов в каннибализме, печатает ряд статей в местных и столичных газетах, выступает с докладом в отделении этнографии Русского географического общества, на съезде естествоиспытателей и врачей в Киеве. В. Г. Короленко — главный защитник удмуртов — активно пользовался статьями Павла Николаевича.

В 1911 году напечатан труд П. Н. Луппова «Христианство у вотяков в первой половине XIX века» и в следующем томе опубликованы документы, относящиеся к этому исследованию. За эту работу ему была присвоена степень доктора церковной истории.

После победы Октября П. Н. Луппов много труда вложил в дело организации архивного дела в городе Вятке, вел работу по краеведению в Вятском педагогическом институте, в то же время изучал историю удмуртов и вятской земли. Над архивными материалами в разных городах страны он проработал свыше 25 лет, написал глубоко научные работы по истории удмуртов, вятской политической ссылки. Вот его труды: «Громкое дело мултанских удмуртов, обвинявшихся в человекоубийстве», «Удмурты Вятской земли в XVII веке», «Северные удмурты в конце XVII века», «Очерк по истории колонизации бассейна реки Чепцы», «Удмурты в XV—XVII вв.», «Документы по истории Удмуртии».

В 1944 году П. Н. Луппов был утвержден в степени доктора исторических наук без защиты диссертации.

Умер П. Н. Луппов в 1949 году. Дорогой ученого пошли и его дети. Екатерина Павловна Луппова — кандидат биологических наук. Елизавета Павловна — кандидат филологических наук, неоднократно выезжала в экспедиции в вятский край. Николай Павлович — доктор геологических наук. Вера Павловна — кандидат сельскохозяйственных наук. Сергей Павлович — доктор исторических наук, один из крупных специалистов по истории книги.

С. ЛЕБЕДЕВА

*Фото на 4-й стр. обложки
А. Лысякова*

КАМЕНЬ ЯШМОЮ ЗОВУТ

Орская яшма была известна людям с древности. В наших музеях хранится немало стрел, копий, ножей и топоров, которые сделаны из этого прочного камня.

Шли века. Человек научился добывать железо, но о крепком камне не позабыл. В 1719 году в России была объявлена «горная свобода», которая привлекла к поиску минералов новые отряды старателей. Царская казна стала получать с Урала драгоценные и полудрагоценные поделочные камни. Петр I приказал построить в столице мельницу для обработки камней — Петергофскую гранильную фабрику.

Яшмовое сырье на эту фабрику, а также на построенную позже фабрику в Екатеринбург поставляли с орской горы Полковник. Вскоре слава о горе Полковник, где были обнаружены залежи пестроцветной яшмы, разнеслась по всей Европе.

В 1931 году в Орске была организована артель старателей «Яшма». В 1937 году артель «Яшма» распалась, и на смену ей был создан филиал Свердловской артели «Уральские самоцветы», который взял на себя черновую обработку камня.

Немало замечательных изделий было отправлено из Орска и Свердловска в музеи и на выставки нашей страны и за рубеж в те годы. Одно из них — рельефная карта, площадью в 27 квадратных метров. Эта чудо-карта, как ее называли американцы, была одним из главных экспонатов советского павильона в Нью-Йорке. Карта выполнена из 45 тысяч кусочков камня, в основном из яшмы.

Богатства горы Полковник стали украшением многих зданий и сооружений Москвы.

До войны Орск ежегодно поставлял на обрабатывающие предприятия страны до 300 тонн пестроцветной яшмы.

В войну производство яшмовых изделий было резко сокращено. В послевоенные годы на горе Полковник вновь появились старатели и геологи. Орск вновь стал поставлять десятки тонн сырья в адрес фабрик треста «Русские самоцветы» в Ленинград и Свердловск. В 1965 году трест «Цветные камни» начал поставлять пейзажную яшму в 13 стран мира, в том числе в США, Францию, Японию и Швецию.

Недавно вышла в свет книга «Мавзолей Ленина». В ней говорится:

«В 1968—1972 годах советские ученые создали новый, еще более совершенный саркофаг... Проще и величественнее стало художественное оформление: верхняя ступенчатая плита саркофага как бы висит на прозрачных стенках. Ее поддерживают четыре угловые металлические колонки, фактически не замечаемые глазом. Нижняя ступень плиты покрыта красноватой орской яшмой. По бокам саркофага — два склоненных золотистых знамени — боевое и трудовое».

М. СЕКРЕТ

МАЭСТРО КЫЛОСОВ

Уральская консерватория имени М. П. Мусоргского отмечает нынче 50-летие со времени основания. Немало замечательных музыкантов и певцов получили здесь образование за эти годы, прославили альма-матер. Гордится Уральская консерватория и своим скрипичным мастером — Андреем Семеновичем Кылосовым. За сорок лет работы он сделал более 150 скрипок. Кылосовские инструменты, они так и зовутся, до сих пор в цене, не потеряли своего чарующего голоса.

К юбилею консерватории в честь А. С. Кылосова изготовлена памятная медаль. Автор ее — А. Шестаков.

А. ПЕТРОВ

СОЛНЦЕ В СИБИРСКОМ ДОМЕ

Четвертую часть электричества, которое необходимо для обогрева экспериментального дома в городе Тынде, экономит Солнце. В южной стене дома есть черный экран из гофрированного металла. Нагреваясь от солнечных лучей, экран в свою очередь нагревает поступающий в дом воздух. Изнутри, когда Солнце не светит, система прикрывается утепленными ставнями. Самоокупаемость устройства — всего четыре года. Специалисты подчеркивают высокую эффективность и абсолютную безвредность использования солнечной энергии для теплоснабжения зданий в зоне Байкало-Амурской магистрали, где солнечных дней в году бывает в среднем 150.

Г. ПЕТРОВ

МАЛ МОТОРЧИК...

Каждый шагающий экскаватор Уралмаша весит тысячи тонн. Какая же сила нужна его «ногам», чтобы он смог передвигаться?! Учитывая волшебную мощь гидравлических механизмов, конструкторы успешно применяют их и для уральских стальных великанов. Недавно инженеры харьковского завода «Гидропривод» разработали устройство, которое, хотя оно внешне напоминает всего лишь небольшой моторчик, может поднимать и передвигать до 8000 тонн. Новые гидроагрегаты предназначены для шагающих копателей со 100-метровой стрелой и ковшем емкостью 100 кубометров, а также для сверхмощных прокатных станков, прессов.

В. АЛЕКСАНДРОВ

«ПОДАРОК»

«Эмалевые, белые с золотом и гербом, разноцветно разрисованные, они были выставлены во многих магазинах напоказ. И каждый шел на Ходынку не столько на праздник, сколько за тем, чтобы добыть такую кружку...»

Так описывает знаменитый репортер Гиляровский страшные события 1896 года, когда по случаю коронации на Ходынском поле в Москве было устроено народное гулянье, закончившееся трагедией — тысячи людей погибли в страшной давке.

Царь приказал изготовить ко дню церемонии в качестве подарков кружки с изображением двуглавого орла. Одна из этих кружек, старая, помятая, — свидетель ходынской трагедии — хранится в краеведческом музее уральского города Алапаевска. Черная память осталась в народе об этом царском «подарке»...

ПРИЛЕТЕЛА МУХА В МУЗЕЙ

Вот такая муха появилась в Челябинском музее декоративно-прикладного искусства Урала. Она была отлита кусинскими мастерами по модели XIX века небольшим тиражом и сейчас является немалой редкостью.

Крылья чугунной мухи поднимаются, и она превращается в спичечницу.

Всего в фондах Челябинского музея хранится более 700 изделий каслинских и кусинских мастеров художественного литья.

На снимке: вот такая муха.

С. БЕЛКОВСКИЙ

УГЛЕЖОГИ

Обратите внимание на леса вокруг уральских горнозаводских городов и поселков. Вроде вековые, а старых деревьев почти нет, потому что за два с половиной «железных» века реликтовые сосняки да ельники почти дотла сгорели в ненасытной утробе домен: топили их углем, а его томили из дров.

Грязное, каторжное это было ремесло, но как же без него? Без «черномазых», так дразнили углежогов, не достиг бы Урал мировой своей славы, не заткнул бы за пояс железных дел мастеров Англии и Рура. И была эта профессия едва ли не самой массовой во всем крае. Только в Пермской округе перед революцией углежжением занимались до 40 тысяч рабочих людей.

Способов углежжения было несколько: ямный, суксунский, кабаный, старый уральский и печной. Самым распространенным был кабаный. Оттого и углежогов именовали еще кабанщиками.

Начинался сезон углежжения ранней весной, в марте. Лес валили, пилили, кололи на поленья всю весну. Лето они сохли. Осенью и начиналось углежжение. Поленья

устаканивали в кучи — кабаны — как можно плотнее. Затем обкладывали дерном, засыпали землей. Через отверстие зажигали дрова. И вот тут-то и начиналась самая маята. Денно и ночью не отходили от кабанов, следя за томлением, то и дело поколачивая кучи чекмарями, чтоб дрова садились на подгорелое место и было как можно меньше пустот. Упустишь момент, и запластает огонь, тогда все труды насмарку. Тут вся и хитрость, чтобы дрова не горели, а томились. Ну а сжег дрова, не дал угля, договор был такой: из новой кучи нажги его уже бесплатно.

Дальше уже проще — по санному пути свежи уголь на завод, на угольный склад. Только управисься (уголь-то томили в глухомани за десятки верст), тут тебе и март. Иди лес валить на новые кабаны. Такой вот круговорот.

Прогресс шагнул в наши леса лишь во второй половине прошлого века. Сочли целесообразным дрова сплавлять из глухомани ближе к заводам и томить уголь в печах. Память о том в названиях селений, куда входит слово «печи». Один из поселков Златоуста и сегодня зовется Цуп, что означает Центральные угольные печи.

В 1913 году в Златоусте было 57 печей, томили в них примерно половину угля, потребного заводу, остальной — в кабанах. После войны печей было 75. А последнюю погасили уже в конце шестидесятых — потребности в древесном угле не стало.

Кокс вытеснил уголь из металлургии, однако в других делах он еще нужен. Например, при производстве кремния, химических волокон, в качестве абсорбирующего фильтра. Где же берут древесный уголь? Производят на лесохимических комбинатах, например в городе Аше. Так что не умерла профессия углежого. Только колдует он не у кабана на лесной поляне, а у печей, оснащенных самым совершенным оборудованием.

А. СЕРГИЕНКОВ

ТЕЛЕБАШНЯ ДЛЯ СВЕРДЛОВСКА

Через несколько лет неподалеку от свердловского цирка поднимется на берегу Исети новая телебашня. Закончена разработка ее проекта. Высота башни — 360 метров. За 40 секунд скоростные лифты будут доставлять посетителей на высоту 165 метров, где предусмотрена вращающаяся видовая площадка с кафе. Одновременно на площадке смогут бывать 130 человек. Обстройка телебашни внизу будет выполнена в виде «каменного цветка».

Г. ФОКИН

СИНЬОР КАРТОФЕЛЬ

На кого же он похож, этот человек, которого принесли в авоське из овощного магазина свердловчане Илюс и Нина Мухояровы? Рот до ушей, глаза с прищуром, большой нос...

Такой вот синьор Картофель вполне мог быть героем сказки Джанни Родари. Чем не компания синьору Помидору, Редиске и прочей овощной братии?!

Фото А. Лантева

ВОЙНА С НОРКАМИ

В последние годы английские фермеры ведут беспощадную борьбу против норск.

Тридцать лет назад 700 фермеров решили разводить норок, дающих красивый и очень дорогой мех. Для этого в Северной Америке была закуплена большая партия животных. Однако разведение норок не принесло желаемых результатов, возникли финансовые трудности, и фермеры решили уничтожить животных. Тогда за норок вступились члены общества защиты животных, которые выкупили их и выпустили на свободу. Жизнь на воле пришлась норкам по вкусу, они начали быстро размножаться.

Норки весьма выносливы, они могут за день пройти до 10 километров, хорошо плавают, легко взбираются на деревья. Беспощадно уничтожают кур, мелких животных, даже крупных птиц — лебедей например.

Г. ФРОЛОВ

● Обыкновенные фламинго... Очень долго эти розовые птицы, имеющие самые длинные в мире ноги и шеи, обитали в нашей стране лишь на мелководьях озер Северного Казахстана. Теперь они гнездятся и на юге Азербайджана. Теплое побережье Каспийского моря стало особенно привлекательным для фламинго, когда там был организован специальный заповедник. Мало того, в заповеднике сейчас создан остров, и разорявшие гнезда фламинго лисы, волки, камышовые коты уже не могут разбойничать. На острове находятся 2000 птиц. Научные сотрудники заповедника убедились в том, что экологическая обстановка позволяет фламинго не только зимовать, но и постоянно жить на Каспии.

● На востоке Кубы раскопан древний «цех» по производству каменных орудий: обнаружены сотни наконечников стрел и копий, ножи из кремня. Это самая крупная археологическая находка на острове.

● Ленинградские ученые, изучающие Майнинскую стоянку древних людей на Енисее, на глубине четырех метров обнаружили целый набор каменных орудий — рубила, скребла, долото. Похоже, эти орудия принадлежали одному мастеру, жившему 12 тысяч лет назад.

● Американские исследователи изучили концентрацию изотопов осмия в осадочных породах. Повышенное содержание осмия, как и иридия, характерно для космических тел. Оказалось, в породах, возраст которых 65 миллионов лет, осмия необычно много. Это еще одно подтверждение гипотезы о том, что в далеком прошлом Земля пережила грандиозную катастрофу столкновения с крупным космическим объектом; катастрофа стала причиной вымирания динозавров.

● Тасманского сумчатого волка уже 80 лет считали вымершим. Но вот, как сообщили австралийские газеты, одному из охотников довелось недавно увидеть его и даже идти по его следам несколько километров.

● До четырехсот тысяч бактерий обнаружено в каждом кубическом сантиметре морской воды, взятой с глубины 1500 метров. На поверхности океана такой насыщенной жизни нет. Можно предположить, что в океанических глубинах условия для жизни более благоприятны, чем считалось до сих пор.

● Г. Левин — один из руководителей американской программы исследований по обнаружению жизни на Марсе с помощью аппаратов «Викинг» — считает, что проведенные эксперименты дали убедительные свидетельства существования на планете микроорганизмов. Он утверждает также: на полученных изображениях каменистой пустынной поверхности Марса видны зеленоватые пятна, которые соответствуют внешнему виду земных лишайников. Эти пятна меняют форму и положение в течение марсианского года.

● В лесничестве Холытов (ПНР) растет дуб с шестиметровым охватом ствола. Его высота 28 метров. Возраст дерева, как думают польские лесоводы, не менее 800 лет.

● Англичанин Адам Кронин внезапно начал чихать каждые две-три секунды. Прошел месяц, а он все чихал — по 18 тысяч раз в день, с 5 часов утра до 5 часов вечера. Врачи не смогли определить причину недуга.

● В Пакистане найдены окаменелые останки предка современных китов. Это животное, судя по некоторым признакам, днем питалось в море, а ночью обитало на суше. Оно не могло слышать в воде.

● А на западе штата Монтана американскими палеонтологами выкопано окаменелое яйцо динозавра. Изучен заключенный в нем эмбрион.

В НОМЕРЕ

А. БУСЫГИН	2	Он вечно молод...
Д. ЛИВШИЦ	6	Где синий горизонт... Стихи
Ф. СУЗИН	8	Первое письмо. Рассказ
	14	Следопытский телеграф
С. РЫКОВ	16	Шувакиш: четыре года спустя...
Ю. БОРИСИХИН	20	Бесконечная Арктика
Г. ПАШНИНА	47	«Знакомцы давние, плоды мечты моей...»
В. МОЛОЖАВЕНКО	48	Суриковы и Ермак
Л. ГОЛУБЕВ	50	Лонжюмо, 1911 год...
Л. СУРИН	50	Подарок маршала
	51	Читатель — редакции, редакция — читателю
И. ДЕНИСОВА,
С. МАТВЕЕВ	52	Эхо. Рассказ
И. БЕЛЯЕВ	64	Целебные травы с грядок
А. МАТВЕЕВ	72	Язык гор
	76	Мир на ладони

Рисунок на 1-й стр. обложки Розы АТЛАС

Редакция

Ю. Борисихин, заведующий отделом публицистики
В. Бугров, редактор отдела научной фантастики
Л. Бударина, технический редактор
М. Бурангулова, корректор
Л. Гончарова, секретарь-машинистка
А. Кононова, заведующая редакцией и отделом писем
Ю. Липатников, заведующий отделом науки и техники
Е. Пинаев, художественный редактор
Н. Широкова, редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в

Телефоны:

51-22-40 (секретариат)
51-55-56 (отделы писем, публицистики)
51-09-71 (отделы прозы и поэзии, научной фантастики)
51-53-20 (отделы науки и техники, следопытской жизни)
51-09-69 (отдел краеведения)

Слано в набор 06.07.84. НС 14276.
Подписано к печати 21.08.84. Формат бумаги 84×108¹/₁₆
Бумага типографская № 3
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82
Усл. кр. отт. 9,87. Учетно-издательских листов 11,10.
Тираж 307 000. Заказ 538. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

ВСТРЕЧА

Майя
МАРБИНА

Слайд А. Быстрых

Я уже жду встречи с ней. Прохожу по гулкому фойе, поворачиваю за угол, и она вспыхивает впереди голубым напряженно-спокойным светом. Давно мы с ней не виделись, изменилась ли? Нет, она все та же, только, может быть, еще величественнее, еще мудрее: Время добавляет мудрости не только людям. Сзади я как будто снова слышу хриловатый недовольный голос: «Что это за банальная тема... и что это за линия — она неживая!» Я вижу на сосредоточенных, замкнутых ее лицах что-то вроде усмешки. Мы-то с ней уже знаем, что не все можно мерить привычными мерками: все хорошо на своем месте, а не по холодному, кем-то выдуманному правилу.

Она такая, какая она есть. Изящна или груба? Добра или зла? Она просто живет, нимало не заботясь о том, какая она. Как стихия. Но стихия, приведенная в систему, в гармоническое состояние.

Она бесконечно кружится в танце — и кажется застывшей неподвижно. Эта двойственность приводит в замешательство: возможно ли? Но тише... уже слышно: сквозь подвижную неподвижность проникает шум моря, шелест соленого ветра, шорох песка.

...Художник слушает, как набегает волна на берег, как качаются ветки сосен — движение борется с неподвижностью. Из всего, что он видит и слышит, рождается музыка. Сначала неистовые мечутся звуки — как отзвуки далекого балтийского шторма. Постепенно они становятся все спокойнее, обретают четкую структуру. Вся безудержная сила ушла внутрь, стянутая холодноватым сдержанным ритмом. И танцует женщина...

— Остановись, — просит художник.

Но течет песок, волна вползает на берег и исчезает.

— Остановись, я должен рассмотреть тебя! — голос художника наполняется отчаянием.

Текут соки от корней к листьям, от листьев к корням. Художник гонится за движением, но не может удержать его. Пульсирующее, трепетное, оно и остановлено уже и снова протекает сквозь пальцы. Движение и неподвижность существуют одновременно?!

В далеком от моря городе, в невысоком мрачноватом зале, волею художника танцует женщина. И зал подтянулся, прислушался, подчинился ее живой силе. Задумались, подобрели тяжелые стены.

Она танцует, она движется... и неподвижна. Натянулась струна: остановись! Но взлетают волосы, круглятся руки — женщина кружится опять. Вот замкнулась вокруг нее линия, заключила в себе фигуру. Не вырваться! Но движется, переливаясь и пульсируя, живые соки по стволам стилизованных, подступивших к ней деревьев. И снова вспыхивает непрерывающаяся, торжест-

вующая музыка жизни, музыка ветра, музыка сосен, музыка свободной человеческой души, принесенная сюда латышским художником Леонидом Мауриньшем.

Роспись, сделанная им во Дворце культуры завода РТИ в Свердловске, — единственная работа, выполненная вне Латвии, и одна из интереснейших на Среднем Урале. Вместе с Мауриньшем, автором работы, над исполнением ее трудился и другой латышский художник — Арвид Страуя.

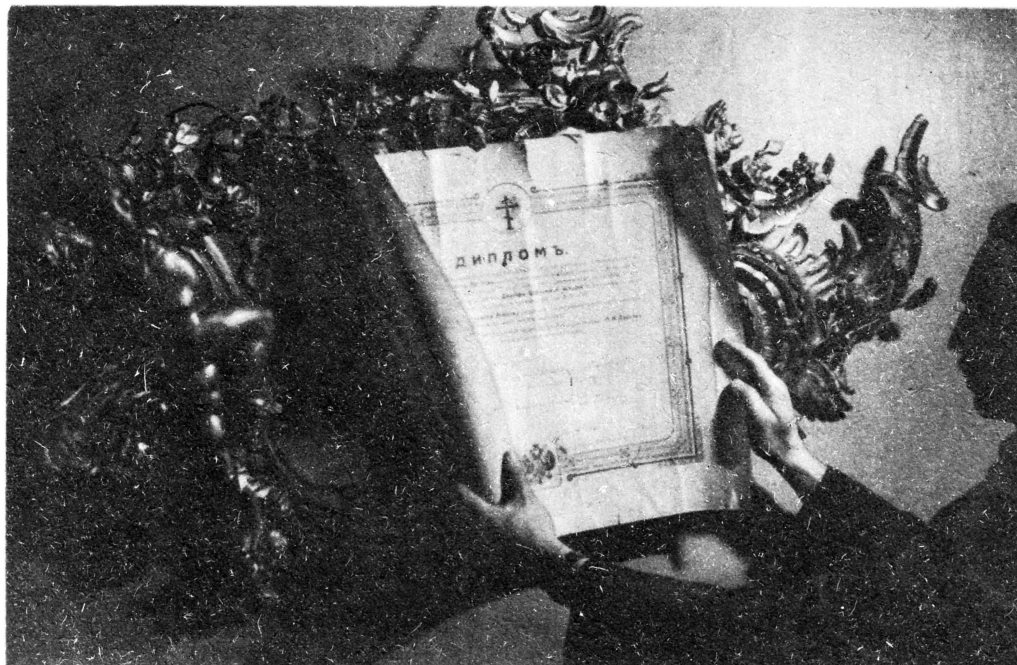
— Если мелодия — душа музыки, то цвет — это душа живописи, — говорит Мауриньш.

Его росписи, которые украшают здания в Риге, Огре и других городах Латвии, несут в себе повышенное внимание к цвету. И не только к цвету, но и к певучей выразительности линии (нет, не мертвая эта линия), и к фактуре поверхности — она тоже наполнена жизнью. Глад-

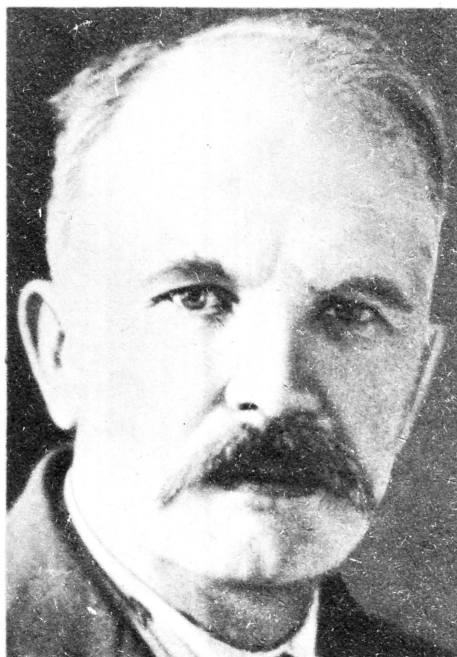
кая или шероховатая, или вибрирующая точками, сама поверхность насыщает цвет обертонами, делает его то глубоким и бархатистым, то подвижно-мерцающим, то излучающим мягкое сияние.

— Я считаю, что основные качества любого вида живописи — станковой или монументальной (я занимаюсь тем и другим видом с одинаковым увлечением) — близки между собой, — говорит художник. — Они изначально определяются цветом, ритмикой, стилизацией.

В свердловской работе все свои выразительные средства он использовал в полной мере. Эти очень точно, безупречно найденные отношения массы цветовых пятен, сгущение или разрежение живописного пространства, мягкое или жесткое течение линии и создают ощущение могучей и прекрасной жизни, ее скрытой от глаз сущности, ее непрерывающегося движения. Оно извечно.

Читайте стр. 76

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК УДМУРТИИ